

ИЗВѢСТІЯ ГРУЗИНСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ

и историковъ о Херсонисѣ, Готіи, Осетіи, Хазаріи, Дидовтіи и Россіи.

I. О христіанствѣ въ Херсонисѣ, Готіи, Осетіи и др.

Въ Тифлисскомъ Церковномъ древлехранилищѣ, существующемъ при Сіонскомъ соборѣ, среди другихъ пергаментныхъ манускриптовъ, весьма многочисленныхъ, хранятся и синаксари, откуда и заимствованы нижеприводимыя свѣдѣнія о христіанствѣ въ Херсонисѣ, Готіи, Осетіи и др. Авторомъ ихъ является Георгій Мтацминдели († 1066 г.), переводчикъ книгъ съ греческаго языка на грузинскій. Такъ какъ сообщаемыя свѣдѣнія до сихъ поръ еще не являлись въ печати, то я, рядомъ съ русскимъ переводомъ, привожу и грузинскій текстъ, снабдивъ его, гдѣ это оказалось нужнымъ, примѣчаніями и отмѣтивъ всѣ случаи, гдѣ имена собственные въ грузинской передачѣ отличаются отъ церковно-славянской. Греческія синаксари, или сборники краткихъ житій святыхъ, появлялись въ концѣ VIII или началѣ IX вѣка, а нашъ переводъ относится къ XI вѣку.

ანდრია მოციქულმან ქადაგა უოკელთა ზღვს კიდისა სოფელთა. ბითურნიას ღ მონტოს ღ თრკიას ღ სკუთიას. ღ აღმოსავალისა მკუდრთა. ღ მერმე წარვიდა სკესტოპოლის ქალაქსა მას დიდსა. სადა იგი შესდინა ორნი იგი მდინარენი. რომელთა ეწოდების ფსოსს ღ ფსაროს. შინაგან ეთიოპიისა მკუდრთა. სოლო ჟუარს გრუა ანთაპატისა გუგატის მიერ. ჰატრას აჭაისასა. ღ მუნვე დაიმარხა.

...მიერ *) წარემართა ნეტარი იგი ღ მივიდა ბოსფორ ქალაქად, რომელ იგი არს კიდესა გეგსინო ზღუისასა, მახლობელად ქუეყანასა ტარო-გუთთა ღ დიდისა მის ტბისა, რომელსა მეოტ ეწოდების. სადა იგი არს ლუსკუმა. რომელსა ზედა სწერია სახელი სვიმონ მოშურნიას... შვიდა რა მოციქული ქრისტესა ბოსფორ ქალაქად, იწყო ქადაგებდ სახელსა ქრისტესსა ღ მრავალნი მოამოწაფენ, ღ განანათლნა საღმრთოთა მოძღურებითა. რამეთუ სინარულით შეიწუნარეს მკუდრთა მის ქალაქისათა ქადაგება მისი ღ ნათელსცა მათ ღ დაამტკიცნა ქრისტეანობასა ზედა. მერმე წარვიდა ქალაქად თეოდოსიად. რომელი იყო მახლობელად ბოსფორისა ღ იყო მუნ მთავარი სახელით სარომატი ღ იყო ქალაქი იგი დიდი ღ ური ფრადი მკვიდრ იყო მას შინა... ვინაღა მტარეთა ვეთმე შეიწუნარეს მამინ ქადაგება იგი მოციქულისა. დაუტყვნა იგინი ღ მივიდა ქალაქსა გუთეთისასა. რომელსა შინა მკუდრ იყვნეს კაცნი ფრად უკეთურნი ღ უწმუნონი. რომელთა შორის დაჭურუნა მოციქულმან დღენი მრავალნი ღ რომელნიცა აპოვნეს გორიერ ჰრწმენა. მათ ნათელ ილეს. მიერ გუელად მიიქცა ბოსფორადვე ღ დაამტკიცნა იგინი სარწმუნობასა ღ მერმე აღვიდა იგი ხავსა გუთელსა ღ წიაღელა მონტოჲსა ღ მიიწა სინოჲე ქალაქად...

მარტია ვ: წთა მღვდელთ მოძღვართაჲ: რნი. იწამნეს ჰერსოვნეთს:

*) Изъ груз. пергам. свинасарія XI вѣка, принадлеж. Тифл. Церк. древлехраннищю (№ 222, стр. 99).

*) Прѣжде Диоскуридъ (Скуртъ), нынѣ Сухумъ.

*) Фѣოს, нынѣ Ріонъ, вытекающій у горы Пасисъ-мта.

*) Р. Апсара, у Анавоніи (Никопсіи), нынѣ Псыртсха.

*) Πάτρα, нынѣ Πάτρας.

Апостоль Андрей проповѣдывалъ Евангеліе въ странахъ приморскихъ ¹⁾: Визоніи, Понтѣ, Фракіи и Свиніи и, просвѣтивъ обитателей Востока, отправился въ великій городъ Севастополь ²⁾, гдѣ изливаются въ море рѣки Фасъ ³⁾ и Псаръ ⁴⁾. Отсюда онъ ходилъ въ обитателямъ внутренней Свиніи и затѣмъ, вернувшись въ Патру ⁵⁾ Ахайскую, былъ распятъ Антипатромъ Эгеатомъ.

... Изъ Абхазіи ⁶⁾ блаженный апостоль Андрей прибылъ въ городъ Воспоръ, который находится на берегу Евксинскаго моря, близъ страны тавро-скиѳовъ и Мэотійскаго озера, гдѣ имѣется гробница и на ней надпись имени Симона Зилота. Воспорцы съ радостью приняли ученіе апостола и крестились. Затѣмъ Андрей отправился въ городъ Θεодосію ⁷⁾, который находился въ близкомъ разстояніи отъ Воспора и былъ великъ и очень населенъ. Князь города назывался Савроматомъ ⁸⁾. Апостоль тутъ тоже началъ проповѣдывать и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Отсюда онъ прибылъ въ городъ готѳовъ ⁹⁾, гдѣ жители оказались весьма недобрыми и нечестивыми. Тутъ онъ провелъ много дней и, обративъ въ христіанство тѣхъ, которые были болѣе разсудительны, вернулся въ Воспоръ. Утвердивъ здѣсь истинную вѣру, онъ на готѳскомъ кораблѣ отплылъ въ Синопъ...

На 16-мъ году царствованія Діоклитіана, Ермонъ ¹⁰⁾,

¹⁾ Рай Грузіи, стр. 36—37.

²⁾ По-грузински Θεωδος; у грековъ—Θεοδοσία (η) или Θεοδοσία (η) см. ст. „Воспоръ Киммерійскій“ Мельникова-Разведенкова, Сборникъ матеріаловъ, вып. XXI, II.

³⁾ Весьма частое имя правителей, въ особенности въ Пантикапэонѣ, теперешней Керчи.

⁴⁾ Доры (Мангуль).

¹⁰⁾ Пергам. Синак. № 222, стр. 238.

ბასილი: კეგენი: აღათოდორე: ელპიდი: ეთერი: კაპიტონ: ღეფრემ: უამთა
დეოკლიტიანესთა: მე 16—სა წელსა მეფობისა მისისასა: ერძონ წნ ჰატ-
რიაქმან ი ერუსალიმისძან თითო სახეთა ნათესავთა მიძართ ეპისკოპოსნი
წარავლინნა მსგავსად მოციქულთა. სიტყუისა მის ჭეშმარიტებისასა ხა-
რებად. ღ ქრისტეს ჭადაგებად: წარივლინნეს უგუე მის მიერ ღმერთ შემო-
სილნი ესე მამანი ჩუენნი: ტავროსკვითთა სოფელსა: წმიდაჲ ეფრემ
სკვითიას ღ ბასილი ჭერსოვნეთს: ღ ვითარცა მიიწია ჭადაგად იწყო ჭადა-
გებად კეთილად მსახურებისა. ღ რათა საწმუნოებად მოიტვენ: ამისთვი-
სცა უწმუნოთა მათგან მკვიდრთა ჭადაგისთა. ვა ახლისა რაჲსამე მოქ-
ალაქობისა მთხრობელი განიდევნა მიერ. შეურაცხებოთა მრავლითა. ხოლო
იგი წარვიდა ღ დეკვიდრა ჭუახსა რასმე. რომელსა ეწოდებოდა პართუ-
ნონი. ღ ფრად უხაროდა, რამეთუ ღირს იქმნა ქრისტესთჲს განებასა.
ხოლო ეძინებოდა ღ მწუხარე იყო სიბრძისათვის ღ შეცდომილებისა
უწმუნოთასა. ღ მრავლითა ცრემლითა კვდრებოდა მათთვის ღმერთსა
ვინაიდა ესე ვითარითა მიზეზითა უფროჲსლა განვებულებითა საღ-
მერთოჲთ ძიება უკეს მისთვის რა კდ აღვიდეს ჭადაგად. რ მე მთავ-
რისა მის ჭადაგისაჲ მოკუდა ღ ერისა მის მიერ საფლავსამიეცა... მოკ-
იდა ჭადაგად ღ ვიდრე იუენესლა მშობელნი მისნი საფლავსა მას ზედა
მისსა. მოიწია ღმე ღ ვითარცა მიეძინა იხილეს ურძაჲ იგი ძილსა შინა
მორაჲადგა მათ ზედა ღ ჭჭუა: კდ უგეთუ გნებაეს ცხორებაჲ ჩემი ღ კდ
აღდგომაჲ. მოუწოდეთ უცხოას მას თქვენ მიერ განდევნილსა ღ შეუ-
რაცხ ქმნილსა. ღ მოძღვრებისა მისისაჲ ირწმუნეთ. ღ კვდრებით
რა ილოცოს ჩემთვის. ღ ესე რაჲ ჭუოთ მეუსუელად გცხონდე: მოვიდა
ჭადაგად ღ ვითარცა პირველ ვთქუ ღ ილოცა ურძისა მისთვის ღ ერ-
თხუელი წყალი სახედ ნათელებისა აპურთა მის ზედა ღ ესრეთ განა-
ცოცხლა იგი ღ აღადგინა მკვდრეთით. რი ესე იხილეს რაჲ მშობელთა
მისთა ჭრწმუნა ქრისტე ღ უოკელთა თჲსთა ღ მეცნიერთა ღ თანა წჲ ნა-
თლისლებაჲ შეიწინარეს. ხ რნი იგი ჭურეთ უწმუნოებას შინა იუენეს
ჭურითა (?) მიერ რისხვად აღიძრნეს ღ წჲ ბასილი შეიპურეს ღ შეუ-
კრნეს ფურზნი მისნი სახლითა. ღ იწუეს უწყალოდ უბანთა ზედა თრეკად
მისა. ღ ვითარ იგი მრავალ ჟამ ითრეკდეს. მისცა სული თჲსი ღა:.

ხოლო შემდგომად წისა მის აღსრულებისა. კდ წარივლინნეს
წისა მის ჰატრიაქისა მიერ ჭერსოვნეთს ჭადაგნი ღ მსწავლელნი. სამ

патріархъ Іерусалима, послалъ къ каждому племени скиноувъ епископовъ съ порученіемъ благовѣствовать имъ евангеліе такъ же, какъ благовѣствовали св. Апостолы. Были же посланы слѣдующіе богоносные отцы наши: св. Ефремъ въ страну тавро-скиноувъ и Скиноію, а св. Василій въ Херсонисъ. Василій, вступивъ въ главный городъ страны, сталъ ревностно проповѣдывать ученіе Христа. Горожане изгнали его, и онъ, поселившись въ пещерѣ „Парѣноніона“ ¹¹⁾, не переставалъ учить народъ. Вскорѣ умеръ сынъ мѣстнаго правителя, и Василій воскресилъ его. Тогда родители воскресшаго и многіе другіе вмѣстѣ съ ними увѣрвали въ Христа и крестились; остальные же язычники возстали противъ Василія и, схвативъ его и связавъ веревками, стали влечь по улицамъ города до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ († 6-го марта).

Послѣ этого тотъ же патріархъ еще два раза посылалъ въ нимъ проповѣдниковъ и учителей. Въ первой изъ этихъ миссій принимали участіе блаженные отцы Евгений, Агаеодоръ и Елпидій. Прибывъ въ Херсонисъ, они цѣлый годъ учили народъ и имѣли большой успѣхъ. Но язычники и ихъ замучили въ тотъ же день, въ который убили священномученика св. Василія (6 марта).

¹¹⁾ Такъ назывался по Стравону мысъ въ 100 стадіяхъ (16 $\frac{1}{2}$ в.) отъ древняго Херсониса, гдѣ было святилище Артемиды таврической, богини-дѣвственницы (Παρθένος).

გზის სანატრელნი ესე წნი მამანი კვები და აღათოდორე. და ელბიდი-
რნი მიიწივნეს რაჲ მუნ იწვეს ხარებად სიტყუათა ღისათა. და მრავალ-
თა მოაჭტკედეს ღთისმსახურებად: ამისთჳსცა შეპურობილ იქმნეს
ურწმუნოთა მიერ. და შეიკრნეს. და ცუდითა ფრადითა უწყალოდ იგუ-
ქმნეს. და შემდგომად წელიწდისა მოჭტკეისა მოიკლნეს მათ მიერ მსგუ-
დლესა რომელსა ნეტარი ბასილი მღვდელმთაწამე აღსრულეულიყო:
თუესა მარტსა: კ:

ხოლო შედ უძმთა რაოდენთამე წარვილინა მუნ ეთერი ეპისკოპოსი.
რნი ურჩობად და კულურობად იგი ერისაჲ მის იხილა რაჲ წარვიდა ბი-
ზინტიას მითხრობად მეფისა: რ დიდი გოსტანტინე განაგებდა მამინ
ეგრეთხითა მეფობისაჲთა. საბრძანებლსა თვისსა. მამინ მიეტა მას
ხელმწიფებაჲ მშჳკრითა სიძარტლისაჲთა. რა განისხნენ ურწმუნონი. და
მათ წილ შეიკვანნენ ღთისმსახურნი: ხ ნეტარი ეთერი მადლისა მიტე-
მად მეფისა კულადცა წარმოკურთა საიუფოოდ. და ვითარ იგი აღმოკვი-
დოდა. შთაიგდო დანაბრი მდინარესა. და სრბად წამებისაჲ აღასრულა:
მარტსა: კ:

ხოლო ესე ცნეს ქერსოვნეთს მეოფთა მორწმუნეთა მიწერეს
საკუდრებელი წიგნი დიდსა გოსტანტინესა და სანატრელი კაპიტონ ეპი-
სკოპოსად მოიუკანეს რომლისათჳს მორწმუნენი მხიარულ იქმნეს ხო-
ლო ურწმუნონი შეწუხნეს. ვინაჲცა იწვეს მისეგან თხოვად სასწაულისა-
ნუ თუ რა სახუმილსა ცუცხლისასა შეკიდეს. და უვნებლად და შეუწ-
უელად გამოვიდეს მიერ. (წმიდაჲ შეკიდა და უვნებლად გამოვიდა). მა-
შინ განჭკრეთეს უნი სასწაულსა მას ზედა დიდებულსა. და მისცეს
დიდებაჲ ღმისა და ჰრწმენა ქრისტე და ნათელილეს. რ ღნინცა სწავლითა
თჳსითა განმტკიცნა. და საჭმელ სათნოებისა აღადგინნა. და ესრეთ
სანატრელად ცხორებაჲ ესე დაუტკეა საკესპან უოკლითა სათნოებითა:
თუესა დეკენბერსა: კბ: და წინაშე ღუთისა მიიგვალა:

საგალობელი: წმიდით ჭლავით მწუძისთ მთავარი ერმიონ მწუძისთა
განაკლენს ქრისტეკად ¹³⁾ ქერსოვნეთისა: ¹⁴⁾ რჳნი ნეტარნი გუგ-
მითა ეძღუნებინ. ბასილი მეუდრისა აღმდგენელი თრკვით მეუდა-
რობს: აღათოდორე. კვები და ელბიდი მოჭტკეისა მისგუ დღისასა

13) Православная церковь празднует память всѣхъ поименован-
ныхъ священномучениковъ 6 марта.

По истеченіи нѣкотораго времени туда же былъ посланъ епископъ Евѳерій, который встрѣтивъ со стороны дикихъ туземцевъ непослушаніе, отправился въ Византію, гдѣ только что „сдѣлался скиптроносцемъ“ Константинъ Великій; царь далъ ему право творить правый судъ и удалять отъ себя всѣхъ невѣрующихъ и мѣста ихъ замѣщать слугами Божиими. По прибытіи въ Херсонисъ, Евѳерій исполнилъ волю императора и затѣмъ вернулся въ Византію, чтобы благодарить государя. Однако онъ не успѣлъ прибыть въ Царьградъ, такъ какъ былъ схваченъ врагами Христа и брошенъ въ рѣку Данапръ (Днѣпръ). Христіане Херсониса глубоко опечалились, когда узнали, что ихъ добрый пастырь погибъ (6-го марта), и написали письмо Константину Великому съ просьбой прислать имъ другого епископа. На этотъ разъ былъ посланъ Капитонъ, который, занявъ епископскую кафедру, своими чудесами успѣлъ обратить въ христіанство всѣхъ херсонисцевъ и утвердить ихъ въ истинной вѣрѣ ¹²⁾.

Канонъ: изъ святаго города (Іерусалима) архипастырь отправляетъ пастырей для обращенія Кхерсовнетіи ¹³⁾; восемь блаженныхъ претерпѣваетъ мученичество: Василій, воскресившій умершаго, умираетъ чрезъ влеченіе по землѣ; Агаѳодоръ, Евгений и Елпидій въ одинъ и тотъ же день претавляются мученическою смертію; блаженный Евѳерій утопаетъ въ водѣ, Капитонъ же, невредимо вышедшій изъ огня, вмѣстѣ съ Евѳеріемъ и Ефремомъ строятъ себѣ кущу въ небесахъ.

¹²⁾ См. Пѣсноиѣнія въ честь святыхъ, составл. грузинскимъ патріархомъ Арсеніемъ Булмаксиндзе, жившимъ въ XIII вѣкѣ (Пергамент. сборникъ Церк. Др.—ща за № 85).

¹³⁾ Глаголь *ἁγιοποιεῖν* кхрствява въ древней литературѣ употребляется весьма рѣдко и означаетъ крестить, обращать въ христіанство.

¹⁴⁾ Названіе Херсониса въ формѣ кхерсовнетіи мы встрѣчаемъ въ первомъ разѣ.

გუგამით განკლენ ღ ქუერი ნეტარი წყლით იშთობვის. ხოლო კამბ-
ტონ ცუცხლისა მძლე მშვიდობით. ქუერის კუფრემისთანა ტალა-
რობს ზენა.

...მას ჟამსა 8 იქმნა ზედამოსლვამ სკუთთამ, რომელთა
წადმოკლეს დანობი ღ წარტუფენეს თრავი. რამეთუ მას ოდენ ჟამსა
მომკუდარიყო დეოკლიტანე ღ მქსომინეს დაეპურა ორთავე მეფო-
ბამ... კინამთგან სარწმუნოებისაგან კერ უძლო განყენებად მისა.
წარსცა იგი სატლეკელთა ქალაქსა. რომელ არს სომხითისამ. ექვსთა
მმათა მისთა თანა. ღ მიუწერა დუქსსა მას, რომელი იყო მუნ: ვი-
თარმედ განიკითხნე რამ უკეთუ დაიჟგრონ კებაჲ კერბთამ. ჩემდავე
წარმოაკლენენ: უკეთუ გუელა არა დაიწმუნონ. წარაკლენენ იგინი ექ-
სორიად ქუენისა აფხაზეთისასა. ღ ჯიქეთისასა. ღ ესრეთ ბრძანებისა
ებრ მეფისა. მირამ ჭუკანდეს იგინი მგზავრ. ვითარცა მიიწინეს
ადგილსა რომელსა ხანაკებ ეწოდების, წმიდამ ეროს უხუცესი მამა
უფლისა მიმართ მიიცვალა: თუესა იენისსა. კბ: ხოლო წმიდამ ორენ-
ტი რიზოანს რამ მიიწია მოკება ლოდი ქედსა მისსა. ღ შთაიგდო
ზღუასა. რამეთუ ესრეთ განჩინა მისთჳს. არამედ გარდამოსლვით
წმიდისა რაფაელ მთავარანგელოზისაჲთა ხმელად განვიდა უკნებელი. ღ
აღვიდა კლდესა ზედა. ღ ილოცდა უფლისა მიმართ ღ აღმოუტევა წმიდამ
სული თჳსი ღ მუნვე დაუფლა: თუესა იენისსა: კდ:

ეგრეთვე წმიდამ ფარნაკი კორდილიოს რამ მიიწია ოფლი-
სა მიმართ მიიცვალა: თუესა იელისსა კ:

ხოლო ფირმოს ღ ფირმინოს აფხარონს რამ მივიდეს საწუთ-
რომსა ცხოვრებისაგან განვიდეს: ზ: იელისისა თჳსასა:.

ხოლო წმიდამ გვრთავოს მივიდა რამ ოკსეთისა ქუენსა. ად-
გილსა რომელსა ზიპანუოს ეწოდების. ძილი იგი მრთაღთამ დაიძინა:
იდ: იელისისასა: . ეგრეთვე ამათი მამა ნეტარი ლონგინოზ: განვიდოდა
რამ ზღუასა ოკსეთად: საშინულითა დუღილითა ღ ლეკვითა ოთხ-
ნაკვეთისა აღიძრა ზღუამ. ხოლო მან ილოცა ღ სული თჳსი ღმერთ-
ისა შექვედრა: ღ დაუფლა ჰიტოტას რამეთუ შეპოვდგომად ოთხისა
დღისა მიერ განვიდა ნაკი იგი:.

თუესა მარტასა: . კვ წთა მწიეთამ. რნი გუთუთს იწამნეს. 15)
ორნი ხუცესნი. ბათუა: ღ უირიკ: ორთა მეთა. ღ ორთა ასულთა

Въ то время ¹⁴⁾ когда свѣны, спустившись по Даноби (Дунай), опустошали Фракію и когда умеръ Діоблітанъ и занялъ престолъ обоихъ царствъ Максиминъ, жилъ св. Орентій съ шестью братьями. По повелѣнію безбожнаго Максимиана, Орентій съ шестью братьями за почитаніе истиннаго Бога былъ сосланъ на заточеніе въ сомхитскій городъ Сатлефель, а потомъ въ Абхазію и Джигетію. Изъ нихъ старшій братъ Еросъ скончался въ мѣстечкѣ Банакеби (22 іюня), Орентій въ Ривзонѣ (Ривѣ) (24 іюня), Фарнакій въ Кордиліи (въ іюлѣ), Фирмосъ и Фирминъ въ Ансаронѣ (7 іюля); св. Киріаеъ, прибывъ въ страну овсовъ, скончался въ мѣстечкѣ Зипанеосъ; блаженный же Лонгиносъ умеръ и похороненъ въ Бичвинтѣ (Пицундѣ).

Мученики готскіе ¹⁵⁾: священники Батуа (по-слав. Ваѳусій) и Уйриѣъ (Верѣъ) съ двумя ихъ сыновьями и двумя дочерьми, монахъ Арпла (Арпила), міряне Авиппа (Авивъ), Коста, Агіа (Агнѣ), Увіа, Эпарѣасъ (Игаѣраасъ), Иской, Сиги (Сила), Суириллъ (Сонирилъ), Суимпла (Суимвъ), Тетра (Термъ), Филга (Филъ) ¹⁶⁾.

Мученицы, замученныя вмѣстѣ съ ними: Анна, Аласъ (Алла), Барка (Лариса), Мойка (Моика), Мамва (Мамива), Уйво (Уирва), Анимасъ (Анимаида).

Всѣ они вмѣстѣ со многими другими христіанами были сожжены въ церевѣ во время готскаго царя Уингурихоа (Уингериха) и греческаго императора Валентиніана.

¹⁴⁾ Синакс. за № 222, стр. 375.

¹⁵⁾ Тамъ же стр. 257; всѣхъ мучениковъ было 29; память ихъ празднуется 26 марта.

¹⁶⁾ Въ церк.-слав. мѣсяцесловѣ вмѣсто имени Коста показанъ Реасъ, а вмѣсто Увій — Сигиць.

თანა მათთა. ღ არზლა მონაზონი: ხოლო კრისკანნი რნი იწამეს მათ თანა. ესე არს სახელები მათი: ბუბზა: კოსტა: ჭგია: ოიამა: ჟმართაქს: ისკოამ: შილა: ხიგო: ხუირილლ: ხუიძლა: (კეთრას: ჭილვა:.

ხოლო დედანი რნი მათთანა აღესრულეს: ჭნნა: ჭლას: ბარკა: ჭოკია: ჭამკა: ოაჯოკო: ჭნიმას:

ესენი იუენს ოაჯინდურისხომს ზე გუთთა მეფისა: მეფობასა ბერძენთა ზედა: ოაჯალენტინიანესსა: ღ ოაჯალენტოს. ღ ღრატანიესსა, ღ ჭრისტეს აღსარებისათეს ცნხლისა მიერ გარჯენი წამებისაჲ დაიდგეს. რამეთუ ბრძანებითა უნდურისხომსითა. დაწუნეს კელესიას შინა. რომელსა შინა დაიწუნეს სხუანიცა მრავალნი ჭრისტეანნი რომელნი მისულაიუენს: შესწირაკითა მსუვე კელესიასა. და ამათვე ზემოსხუებულთა წმიდათა თანა სრულ იქმნეს. რამეთუნაცლად შესწირაკთა თაენი თჳსნი შეწირეს ღთისა: მსხუერზლად უბიწოდ ღ საეუერთხად წმიდად: ღ სულად სულნულად. ღ გარჯენი დიდებისაჲ დაიდგეს:.

თჳსა: იენისსა: კჯ: წმიდისა მამისა ჩუენისა იოანე გუთულ კბისკობისსაჲ:.

ესე იყო ჟამთა კოსტანტინე ღ ლეონ ისავრომსთა ქუენთ ტაჯრო სკკითაჲთ. იე ლეონტი ღ ფოტინასი. ხოლო წმიდა იქმნა სიერმიტან კითარცა იერემია. ღ კითარცა დიდი სამოკულ. აღთქუებით იშუა. ღ მეესულად ღუთისა შეიწირულ იქმნა. არამედ კინაჲთგან საზომისა სულაიერსა ღ ხორციელსა ქსასკისასა მოიწია. ღ ჟერყო მისა მდელთ მოძღრობისა ჰატაქსა აღსლვაჲ: თჳსისა ერისა მიერ ქართლისა კათალიკოზისა წარიქინა. ღ მიერ მოიღო ხელთ დასხმია. რამეთუ მას ჟამსა საბერძენეთისა კერძონი ხატთა ბრძოლისა წკალეპასა დაჰუერნეს. ხოლო შემდგომად სიგულდილისა კოსტანტინესა ღ ლეონისა სამეუფოდ ქალაქად მოკვიდა... ღ ირინე დედოფალსა ფრად ერასხა მართლისა სარწმუნოებისათჳს. ღ თჳსდავე ქალაქად უკუნ იქტა. ღ მრავალნი ჭირნი თავს ისხნა თვისთა მიერგანცემითა. ხაზარეთისა მთავართაგან. ღ ამასტრად პონტომსა. სივლტოლოთ მიიწია. ღ უფლისა მიმართ მიიცვალა: ხოლო ჰატომსანნი ნაწილნი მისნი წარიუკანნეს ნაკითა. ღ დაისხნეს მონასტერსა წმიდათა მოციქულთასა:

Іоаннъ, епископъ Готѣи ¹⁷⁾ († 26 іюня).

Іоаннъ былъ изъ Тавро-Скиѣи и жилъ во время Константина и Льва Исавріанина. Съ рожденія же онъ былъ святымъ. Подобно Іереміи и великому Самуилу родился по объту и былъ посвященъ Богу. Духовно и тѣлесно достигши возраста архіерейскаго служенія, Іоаннъ, по избраніи народа въ архипастыри, отправился къ картвельскому каволикосу ¹⁸⁾ и получилъ рукоположеніе въ епископы. Греція въ то время обуреваема была иконоборствомъ. По смерти Константина и Льва онъ явился къ императрицѣ Иринѣ и, уладивъ дѣла христіанъ, вернулся обратно въ Готѣю, гдѣ перенесъ много бѣдствій отъ владѣтелей Хазаріи. Когда скончался Іоаннъ, его св. останки положены были въ монастырѣ св. Апостоловъ.

Св. Максимъ Исповѣдникъ ¹⁹⁾ за непризнаніе ереси северіанъ (монотелитовъ) былъ сосланъ въ Мингрелію вмѣстѣ съ двумя учениками. Тутъ Максима заточили въ крѣпости Гимаръ (ჯიმარ) ²⁰⁾, что недалеко отъ страны овсовъ; ученика же его

¹⁷⁾ № 222, стр. 381.

¹⁸⁾ Іоаннъ прибылъ въ Грузію въ 758 году (см. Записки Импер. Отд. Одесскаго Общ. Истор. и древностей, т. XIII, стр. 25).

¹⁹⁾ Пергаментные свѣдѣн. (XI в.), № 97, стр. 538 и № 193, листъ 281 Тифл. Церк. Др.-ца.

²⁰⁾ Максимъ исповѣдникъ былъ сосланъ „въ страну сивскую, которая въ Европѣ, Аланія нарицаемую, въ градѣ Схимаръ, гдѣ былъ въ заточеніи 3 года“ (Четыи Минен, стр. 109). Схимаръ или Гимаръ, вѣроятно, Хумара, на Кубани.

... უკეთურისა სკკროსის წვალება განგრცლადებოდა... ღ შემდგომად განკითხვისა მათისა აღმოკვეთნეს ენანი მათნი ღ დაჭკუუთნეს ხელნი მათნი... ღ განაჭიჭნეს ღ ესრეთ გუემულნი კქსორად უვნეს სამგრელოს. ღ მიერ განუვნეს. რამეთუ ესრეთ აჭუნდა ბრძნებად მეფისაჲს. ღ წარიუანეს წმიდაჲ მაქსიმე განკათული სენთაგან. ღ შეაწუდიეს ციხესა რომელსა ეწოდებოდა ჳიმარ მახლობლად ქვეუანასა ოკსეთისასა. ღ მოწაფე მისი ანასტოასიოს შეაუენეს ციხესა აფსაზეთისასა. რომელსა ეწოდების გოტორი ღ მეორე მოწაფე მისი ანასტოასიოს შეაუენეს ციხესა სახელით ბუკელეს საზღვართაჲ ოკსეთისათა. ღ შემდგომად მცირედის ჳამისა გამოიუანნეს სეხნანი იგი მძანი ციხეთა მათგან. ღ წარიუანეს ხუცესი ანასტოასიოს ციხესა სუნთა სოფლისასა.*) ღ ვიდრე არღა მიწკენულ იყო ციხესა მას განკათული მრავლთა ჳირთაგან. მივიდა წინაჲ უფლისა. თუესა იკლისსა. კდ: . ღ ანასტოასი დიაკონი წარიუანეს ციხესა თაუერისასა აფსაზეთასა. ღ ვითარცა მოკუდა მეფე იგი მიერა ფლობაჲ ღ მოვიდა საბერძნეთად ღ უოკულიჲ გუაუწვა რაჲ იგი შეემთხვა მათ. ღ სიწმიდით აღასრულა ცხორებაჲ თჳისა.

ხოლო წმიდაჲ ღ სამგზის სანატრული მაქსიმე შეიუენა ზემოხსენებულსა მას ციხესა. ღ წერდა ებისტოლეთა მართლისა საწმუნობისათჳს. რამეთუ კალამი მოიბა დაკუთილსა მას ხელთა. ღ წერნ. ღ ესრეთ მადლითა ღთისადთა აღიარა ღ დამტკიცა მართალი საწმუნობაჲ ღ ესრეთ აღესრულა ღ ხელთა ღუთისათა შეჭკედრა სული თჳისი: თუესა ავჯსტოსსა: იგ: ოთხმეოცდა ათისა წლისამან. ღ დაჭმარხეს წმიდაჲ იგი გუამი მისი მონასტერსა წმიდისა არსენისსა. ხოლო კურნებანი ღ ძალნი მრავალნი იჭმნებოან საფლავსა მას მის სანატრელისასა. ვიდრე აქმომდე. ხოლო აღესრულების სახნებელი მისი ამასცა დღესა ღ გუაღად. იანკარსაცა: კა: ოდეს იგი დააკუთნეს ენანი ღ ხელნი მათნი. ვითარცა განაწესეს წმიდათა მამათა მეჭქისისა კრებისათა:.

არს მთაწმიდას ჳრასტინთა 24) მინა სოფელი ერთი. რომელსა ლიკსდია ეწოდების. ადგილი რაჲმე მოჭკუული ერთე უოკლად უდაბნო მთანი უღად მადნარნი ღ კტონებ თუ არავინ წმიდათაგანი მიმწუთარა *) სუნთა სოფლისა ციხე. რომელ არს მური (N: 97,)

Анастасія заперли въ абхазской крѣпости Котори (Кодорь)²¹⁾, откуда перевели въ пограничную съ Овсетіей крѣпость Букегесъ²²⁾, а по истеченіи нѣкотораго времени въ Сванетію²³⁾, гдѣ онъ и умеръ (24 іюля). Другого же ученика, тоже Анастасія, держали въ абхазской крѣпости Тавквери, но послѣ смерти нечестиваго императора Константина, внука Ираклія, отпустили на родину. Максимъ же, написавъ изложеніе правой вѣры, скончался (13 августа 662 г.), имѣя отъ роду 90 лѣтъ.

Въ окрестностяхъ св. горы Аѳонской²⁴⁾ есть одно селеніе, называемое Ливедіа²⁵⁾. Мѣсто это гористое, пустынное и населено боргальцами ბორგალნი (болгары), которые неразумны, скотоподобны и ѣдятъ всякую нечисть. Въ этой мѣстности оставался идолъ мраморный, имѣющій видъ женщины, и ему служило мѣстное населеніе, вѣря, что солнце, дождь и всякое добро получаютъ отъ него и что смерть и жизнь зависятъ отъ его воли. Св. Георгій Мтацминдели († 1066 году) очень печал-

²¹⁾ „Которая называется Тцебери “(Цебельда?) (см. синакс. № 97).

²²⁾ Букегесъ (синакс. № 97).

²³⁾ „Въ крѣпость Мури“ (пергам. синакс., № 97).

²⁴⁾ Житіе св. Георгія Аѳонскаго (Мтацминдели) († 1066 г.), писанное современникомъ его (Рукопись Др—ща, № 170 и Рай Грузія, стр. 455). Слово ჰრასტინი прастини мы перевели въ значеніи окрестность. Лексикографъ С. С. Орбелиани говоритъ, что „прастини“ слово греческое и означаетъ „мѣстопробываніе“; если ჰრასტინი производится отъ греческаго слова πρᾶττειν, то оно мѣжетъ означать не только мѣстопробываніе или окрестность, но и *мѣстность, платящую дань*, и, намъ кажется, что будемъ ближе къ истинѣ, если фразу ჰრასტინი ვინაჲსა ჰრასტინი ვინა სოფელი ურთი, რომელსა ლივისლია ქუთაისის переведемъ такъ: *изъ числа селъ, обязанныхъ служить св. горѣ Аѳонской, есть одно селеніе, называемое „Ливедіа“.*

²⁵⁾ Вѣроятно, городъ Δεβίδεια, въ Віотіи, существующій еще и теперь.

ძუნ. ხოლო კაცნი მკვდრ არიან ბოროტადნი რომელთა საკლავ ეწოდებინს. უკვლითურთ უგუნურნი და პირუტყუთ სახენი. წარმდებენი და არა წმიდათა ქრისტწარმაკალთა მკვამელნი. ამას პრასტიინსა შინა ვითარცა ვთქვით კურპი ერთი და მთლიად იყო პირველითგანვე აქა მომდევ მარმარალოასა სახითა დედაკაცისათა. ამისი ვითარცა ვთქვით. კაცნი იგი უგუნურნი წუთლა მსახურებდეს და იტყოდეს. მზე და წვიმა. და უოკელი კეთილი მისკან მოკუტყუდისო. რამეთუ ხელმწიფება აქუს სიკუდილად და ცხოვრებად ავისიფა ენების. ესე ვითარსა რამ უკეთურებისა შინა წარმატებულად იხილნა კაცნი იგი. მსახურნი მისნი ელმოდა და ექვინებოდა სულსა მისსა წყალობისათვის მათისა. და აღვიდოდა რა იგი ოდესმე გულადცა სამეთოდ ქალაქად. და მოვიდა მეზარე პრასტიინსა მას ზემო ხსენებულსა მოკვიდეს შეტომილნი იგი კაცნი და ეტყოდეს წმიდასა მას. უკეთუ გნებავს რათა განმარჯუებით შემოიქცე უკვლითა საურავითა შენითა. კვიდრე ღმერთსა ჩვენსა. რათა შეგვიწიოს წინაშე მეფისა. ხოლო წმიდამან რქვა მათ. კეთილ კეთილ. გულეთ და მიწურვით და მადლიერ ვარ თქვენდა ესე ვითარისა ამის კეთილისა თხრობისათვის. წარიყვანეს ბერი კაცთა მათ ერუსა მიმართ და უსულოსა ღმერთისა მათისა. და ვითარცა იხილა იგი. ჰრქვა მათ. იუოს ჭამისად. ხვალე თვისკან მოვიდე და კურანხო. და ხუალისკან ვითარცა განთენა მოღებად სცა ურო მჭედლისკან და წარვიდა თვთ ბერი აკონომოსითურთ ორთა თანა სხუათა კაცთა და ვითარცა მიყახლა გამოისახ სასწაული პატრიოსნისა ჭურისა შუბლსა თვისსა და იწყო თქუმიად სახარებისა პირუტყლითგან იყო სიტუა და შემდგომი. და კაცნი იგი ეტყოდეს აქა ესერა მოკვლავს. ხოლო ბერმან განიგინნა და ვითარცა ახოკანი შეჭურვილი ჭურითა ქრისტესითა მოუხდა მეუსუულად კურპისა მას. აღიღო ურო იგი და უხუთქნა. და ესრეთ წურილ წურილად შემესრს.

лился, что народъ этотъ находился въ такомъ заблужденіи, и однажды, отправляясь въ Константинополь, заѣхалъ къ нимъ. Народъ встрѣтилъ его словами: „если желаешь благополучно вернуться, помолись нашему богу, чтобы онъ помогъ тебѣ предъ императоромъ“. — „Хорошо, хорошо! поважите мнѣ вашего бога“. Они привели святого, запасшагося тяжелымъ молотомъ, въ глухому и бездушному богу, котораго онъ, въ удивленію и ужасу язычниковъ, разбилъ вдребезги.

II. Повѣсть о Джимшерѣ, царѣ хазарскомъ, сынѣ Дилара ²⁶⁾.

Когда-то царь хазарскій, храбрый и доблестный Диларъ покорилъ всѣ страны, и все подчинилось ему, а окрестные владѣтели стали дрожать предъ нимъ. Все это подробно описано Саргисомъ Тмогвели ²⁷⁾ съ указаніемъ на доблести и голіагообразную отвагу Дилара.

Этого Дилара, царя, не имѣющаго себѣ равнаго, великаго, мощнаго, щедро-милостиваго и именитаго, постигла ве-

²⁶⁾ Переводъ изъ рукописи Общества грамотности въ Тифлисѣ. Эта рукопись (№ 1623) переписана изъ древняго оригинала почеркомъ „мхедрули“ въ 1776 году. Переписчикъ ея нѣкій Георгій, въ концѣ книги помѣстилъ слѣдующее четверостишіе:

აღმწერი ამა წიგნისა უნდოა ვინმე მონაი,
ვითხოვ ცთომილთა შენდობას, ვინცა შეატყუო ქონაი.
ჭმობენ მწერადღნი, არ თქმულ არს ცასა ღრუბლისა არ ქონაი,
და გგრეთვე წიგნსა არ აქნდეს ტყუილისა რა წონაი!

აპრილის კბ, ქს უად. გიორგი.

Переписчикъ сей книги нѣкій ничтожный рабъ

Испрашиваю прощенія за ошибки, если онѣ имѣются!

Писатели говорятъ, что небо безъ облаковъ не бываетъ,

А книга безъ ошибокъ.

Апрѣля 27, 1776 года. Георгій.

²⁷⁾ Саргисъ, правитель города и крѣпости Тмогви (см. Квемо-Тмогви и Зеда-Тмогви въ Ахалцхск. уѣздѣ Тифлисск. губерніи въ

ликая болѣзнь и онъ отошелъ въ вѣчность. Несравненный этотъ государь имѣлъ племянника Хосро, человека весьма добраго и въ трудныхъ дѣлахъ предприимчиваго. Предъ своею смертью царь призвалъ его къ себѣ, поручилъ ему своего юнаго Джимшера и наказалъ, чтобы онъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ научилъ его всѣмъ правамъ, приличествующимъ отважнымъ богатырямъ, и дѣяніямъ ихъ, а потомъ передалъ ему его же царство и утвердилъ на престолѣ хазарскомъ. Хосро обѣщалъ исполнить царскую волю, согласно его завѣщанію. Затѣмъ царь тотчасъ умеръ, и величество Дилара сравнилось съ черной землей; оплакивали его и горевали по немъ много дней. Когда прошелъ установленный траурный срокъ, Хосро потребовалъ къ себѣ правителя Мераба, одного изъ сильнѣйшихъ героевъ, и сказалъ ему, чтобы онъ взялъ сына великаго царя Дилара и держалъ въ крѣпости въ качествѣ плѣнника; самъ же онъ воцарился. Мерабу приказано было держать царевича вдали отъ всѣхъ богатырскихъ и военныхъ упражненій (такъ поступилъ и Диларъ при своемъ воцареніи, а теперь то же самое сдѣлали и съ его сыномъ Джимшеромъ). Вельможа взялъ царевича въ крѣпость. Онъ былъ печаленъ и ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ о строѣ отрядовъ, сраженіи войскъ и боѣ богатырей и героевъ; мечтая только о войнѣ и битвахъ, царевичъ не заботился ни о чемъ другомъ: не говорилъ ничего, не пилъ

Сводъ статистич. данныхъ о населеніи Закавказья, изд. 1893 г.), современникъ царицы Тамары, человекъ ученый; онъ, говорить, перевелъ съ персидскаго языка извѣстное сочиненіе „Клилла да Дамана“ (издано въ 1884 году подъ редакціей И. Г. Чавчавадзе); изъ другого же его сочиненія „Диларіани“ дошла до насъ только часть, т. е. то, что нынѣ печатается въ переводѣ на русскій языкъ. Саргиса Тмогвели такъ характеризуетъ поэтъ Шота Руставели.

დიღარგეთ სარგის თმოგველსა,
მას ება დაუშრობელსა.

„Въ „Диларгетъ“ Саргисъ Тмогвели
Не устаетъ языкомъ“.

вина, не игралъ на двухструнномъ инструментѣ и не смотрѣлъ на свѣтилообразныхъ женщинъ; онъ былъ постоянно угрюмъ, такъ какъ зналъ, что находится въ плѣну; во время сна, задремавъ немного, вдругъ просыпался и, какъ изъ утроба матери выскакиваетъ единорогъ, такъ точно подскакивалъ онъ на своей постели.

Въ одинъ день призвалъ онъ къ себѣ жителей крѣпости и сказалъ имъ: „Идите и скажите Мерабу, что если мой дядя Хосро приказалъ ему убить меня, то пусть убьетъ, а если повелѣлъ сохранить мою жизнь, то пусть содержитъ меня прилично.—Зачѣмъ онъ заключилъ меня въ такую крѣпость-тюрьму? Если онъ выведетъ меня изъ нея и поступитъ со мной такъ, какъ подобаетъ героямъ и богатырямъ, то хорошо, а если не сдѣлаетъ этого, то, клянусь Всевышнимъ Богомъ и солнцемъ великаго государя Дилара ²⁸⁾, я перебью весь гарнизонъ крѣпости, безошадно срю и самую крѣпость, убью и самого Мераба, или же самъ паду отъ меча его!“

Мерабъ, получивъ такое посланіе, разгнѣвался такъ, что тотчасъ снялъ голову съ доставившаго такое извѣстіе. Джимшеръ, не получивъ отвѣта, еще болѣе обезпокоился и послалъ къ Мерабу другого человѣка съ такимъ же порученіемъ. Мерабъ, впавъ въ раздумье, говорилъ самъ себѣ: „всякія отличія и всѣ повышенія получены мною отъ великаго и славнаго царя Дилара, отца Джимшера; какъ могу я убить его и тѣмъ болѣе держать его въ заключеніи или же доносить на него Хосрою?“ И онъ, призвавъ къ себѣ своихъ вельможъ, высшихъ и низшихъ чиновниковъ, сообщилъ имъ все о дѣлѣ Джимшера, о желаніи его освободиться изъ заключенія и объ угрозахъ его. Всѣ сказали ему: „такъ какъ отецъ

²⁸⁾ ვუიჯავ მზესა დიდისა ხელმწიფის დიდარისსა. Божба эта, — остатокъ того времени, когда въ Грузіи поклонялись солнцу какъ богу, продолжаетъ существовать и донинѣ.

его очень благоволилъ къ тебѣ и много сдѣлалъ тебѣ добра, то подобаешь и тебѣ добромъ же отплатить его сыну“. Отправился Мерабъ въ сопровожденіи всѣхъ мѣстныхъ князей, войска и витязей и освободилъ изъ заключенія великаго государя, Диларова сына, этотъ плодъ прекрасный, героя, не имѣющаго равнаго себѣ. Всѣ, смотрящіе на него, говорили: „нѣтъ подобнаго ему прекраснаго героя на всей земной поверхности“. Поставили ему тронъ изъ драгоцѣннаго золота, посадили его на немъ и, возложивъ на голову его царскую корону, поклонились ему, поздравили, осыпали драхмами и затѣмъ устроили пирь; пѣвцы воспѣли и восхваляли новаго героя Джимшера прекраснымъ своимъ голосомъ, пріятными и прекрасными стихами. Пирь, веселье и радость длились три дня.

Когда разсвѣло четвертое утро, созвали 40,000 воиновъ, взяли много бѣлыхъ ястребовъ, вобчиковъ, барса, сокола и безчисленное множество собакъ и, посадивъ Джимшера на коня, оставили этотъ край; шли они 12 дней, убивая по дорогѣ много львовъ и барсовъ. На Джимшерѣ были щитъ, кольчуга, шлемъ съ забраломъ, булава и шашка, подаренные ему Мерабомъ.

Когда они прошли 12-дневный путь, прибыли въ нѣмъ полевые сторожа и люди, выслѣживающіе звѣрей, и доложили: „Видите, тамъ по близости воинство съ великою поклажею и могуществомъ? Мы спросили одного человѣка: „Чье это войско и куда оно направляется?“ Онъ отвѣтилъ: „Это Куль Чрдилоели²⁹⁾, левъ изъ львовъ, герой, не имѣющій равнаго себѣ, вышелъ поохотиться. Много странъ обошелъ онъ, но равнаго себѣ героя нигдѣ не нашелъ; имѣетъ съ собою 60,000 отборныхъ воиновъ, славныхъ бойцовъ!“ Мы стояли на одномъ мѣстѣ; Куль, казъ только увидѣлъ насъ, сказалъ сво-

²⁹⁾ Чрдилоели (ჩრდილოელი) или чрдиели букв. сѣверянинъ, житель сѣвера.

имъ войскамъ: „Я пойду къ нимъ, посмотрю, чье это войско, а вы ждите меня тутъ“. Пришель подобно льву-самцу, и, ворвавшись въ наши отряды, сталъ брать воиновъ на копье и ударять ихъ объ землю; онъ навелъ на всѣхъ страхъ и, перебивъ множество лошадей и людей, разсѣялъ воинство“.

На это Мерабъ не нашелся, что сказать; Джимшеръ же сказалъ ему:

„Это дѣло что за дѣло? Явился какой-то безвѣстный человекъ, который, побивъ наши войска, хочетъ по вѣтру пустить и наше имя. Желаю, Боже, вступить съ нимъ въ бой и увидите, что я за герой“.

Джимшеръ бросился впередъ и вызвалъ врага въ единоборство. Онъ говоритъ Кулу: „Недостойно героямъ проливать кровь невинныхъ людей: я и ты испытася другъ друга!“

Кулъ посмотрѣлъ на Джимшера, и онъ ему показался страннымъ, а слова эти привели его въ удивленіе.

Вышли они на ристалище и, ударивъ другъ друга шпагами по одному разу, стали биться кнутами, затѣмъ пустили другъ въ друга стрѣлы, а наконецъ вступили въ рукопашный бой. Схватка ихъ походила на обоюдное столкновеніе двухъ большихъ горъ, а лязгъ ихъ доспѣховъ подобенъ былъ треску небесной грозы. Оба войска пришли въ трепеть, и грусть овладѣла ими, но побѣдить ни одинъ не сумѣлъ. Въ войскѣ поднялся большой шумъ; Мерабъ безпокоился сильно и не зналъ, что дѣлать и какъ помочь горю. Въ это время Джимшеръ, понятивъ своего коня назадъ, крикнулъ противнику: „Теперь испытаю тебя, что ты за герой!“ и, подскочивъ къ нему, замахнулся пашкою, отрубилъ голову его коню, а падающаго Кула схватилъ и, какъ маленькаго мальчика, поднялъ вверхъ, ударилъ объ землю такъ, что онъ лишился чувствъ. Однако Джимшеръ не убилъ его, но, перевязавъ ему руки своимъ арканомъ, отвелъ къ Мерабу, который воздалъ побѣдителю хвалу и поздравилъ съ побѣдою. И это была первая борьба Джимшера.

Куль Чрдилели до нѣкоторато времени находился безъ памяти, когда же онъ пришелъ въ себя, то спросилъ Мераба: „Кто этотъ вновь появившійся храбрець и не имѣющій равнаго себѣ славный герой? Изъ чьего рода онъ?“.

Мерабъ отвѣтилъ: „Это Джимшеръ, сынъ великаго государя нашего Дилара“. Узнавъ, что Джимшеръ наследникъ царя, Куль Чрдилели сталъ плакать и пролилъ много слезъ у ногъ Джимшера, молясь за него Богу. Джимшеръ сталъ допрашивать Мераба и онъ доложилъ ему все, а именно, что Куль Чрдилели есть герой, воспитанный царскимъ богатиремъ и одержавшій много побѣдъ въ сраженіяхъ. Джимшеръ, узнавъ о немъ всѣ подробности, тотчасъ развязалъ ему руки и подарилъ ему хорошее, дорогое и приличное платье. Тогда герой Куль, созвавъ свое войско, рассказалъ ему исторію Джимшера и сообщилъ, что царевичъ сынъ Дилара; воинство Кула поклонилось и подчинилось Джимшеру. Устроили пиръ и веселье, подобающее достоинству и величію его.

Хазарскій царь Хосрой, узнавъ объ освобожденіи Джимшера изъ крѣпости, объявленіи его царемъ чрезъ Мераба и Кула Чрдилоели, благословеніи и признаніи всею арміей, сильно опечалился и написалъ Мерабу и Кулу слѣдующее:

„Я, Хосро, вседержецъ всей Хазаріи, царь надъ царями, пишу нашимъ вѣрнымъ и довѣреннымъ добрымъ удалцамъ. Мерабу и Кулу! Слышалъ я, что вы, отвергнувъ меня, вывели изъ крѣпости Джимшера и воцарили его; вы дѣлаете дѣло, которое погубить васъ. Сколько добра я сдѣлалъ вамъ и сколько земель подарилъ! Мерабъ, развѣ ты самъ не знаешь и не свѣдуешь въ томъ, какъ плохо обходился со мной господинъ дядя мой во время своего царствованія! Онъ держалъ меня въ заключеніи, ничему, кромѣ волшебства и лувавства, не училъ и не далъ мнѣ воспитанія. Я, желая излить на тебя всякія милости, поручилъ тебѣ Джимшера; ты долженъ былъ держать его согласно моимъ наставленіямъ, но ты позабылъ.

Бога Творца; такъ же, какъ и ты, поступилъ Куль. Другого государя возводите на мой тронъ и мои земли отдаете другому! И вотъ я со своей силой и съ большимъ войскомъ выступаю противъ васъ, и въ скоромъ времени буду гостить у васъ, чтобы стереть съ лица земли васъ и Джимшера! Зовите, кого хотите, въ помощь себѣ и приготовьтесь встрѣтить меня!“.

Прочитавъ такое письмо хазарскаго царя Хосроя и узнавъ всю суть его посланія, они созвали 120,000 воиновъ и стали совѣщаться между собою. Мерабъ доложилъ Джимшеру слѣдующее: „Противостать его силѣ мы не сумѣемъ, такъ какъ онъ, владыка громаднаго воинства, ведетъ дэвовъ и драконовъ, и знатокъ волшебныхъ дѣлъ. Подъ небесами нѣтъ человѣка, который могъ бы сравниться съ нимъ. Онъ, если пожелаетъ, огнемъ сожжетъ все море, а крѣпкую скалу превратитъ въ мягкій воскъ. Лучше мы поднимемся и съ домохадцами нашими переселимся въ другое мѣсто. Въ дни моей юности я, выходя испытывать свою силу, видѣлъ одно мѣсто съ прекрасною водою и полемъ. Отправимся туда и поселимся!“ Согласились съ нимъ всѣ и выступили отсюда, забравъ съ собою все и не оставивъ на мѣстѣ даже камня, пригоднаго для человѣка.

Джимшеръ отправилъ письмо въ Хазаретію, писанное такъ: „Великій и возвышенный государь, да продлитъ Богъ дни ваши! Вы разгнѣвались на насъ и угрожаете намъ всячески. Я сынъ царя Дилара, а царствомъ ты управляешь! Я владѣлъ однимъ этимъ княжествомъ, и потому ты не долженъ былъ обижаться и гнѣваться за это! Но такъ какъ ты разгнѣвался на насъ, то мы и пришли сюда, оставивъ тѣ владѣнія“.

Посланецъ, отправившись къ Хосрою, подаль ему письмо Джимшера и доложилъ обо всемъ, что онъ видѣлъ. Хосрой, уже выступившій со множествомъ войскъ и огромною силой, тотчасъ своротилъ въ свою страну и городъ. Джимшеръ же съ Мерабомъ и Куломъ, прибывъ въ дальнюю страну, посе-

лился на берегу хорошей рѣки, текущей по прекрасной равнинѣ, пріятной для отдыха и жизни; занявъ эту страну, онъ сталъ устраивать ее и укрѣплять.

Въ одинъ день Джимшеръ захотѣлъ итти на охоту и немедленно выступилъ съ войскомъ, взявъ вмѣстѣ съ собою Мераба и Кула. Прошли они 20-дневное разстояніе, но изловили мало звѣрей. Наконецъ они подошли къ высокой отвѣсной горѣ, съ которой спустились къ нимъ три человѣка, красивые на видъ и имѣющіе золотые доспѣхи. Отвѣчая на вопросы Джимшера, они сообщили, что на этой горѣ звѣрей очень много и что товарищи ихъ находятся на ней же. Джимшеръ приказалъ имъ взять его съ собою на охоту и получить отъ него много подарковъ. Они согласились. Когда они поднялись на ту высокую гору, то пришли къ нимъ товарищи проводниковъ, которые были въ золотыхъ доспѣхахъ и имѣли при себѣ много изловленныхъ звѣрей. Тутъ же они остановились всѣ и стали пировать и веселиться.

Но оказалось, что эти люди въ золотыхъ доспѣхахъ были подданные Хусруджана, царя дэвовъ, и направлены были сюда имъ же, а такъ какъ они знали волшебное искусство и умѣли колдовать, то были посланы сюда (и прибыли) съ порученіемъ измѣнить Джимшеру.

Въ ту ночь они много пили напитковъ, опьянѣли и легли спать. И тѣ волхвы и чародѣи тоже прикинулись спящими, но потомъ встали, волшебствомъ связали царевича Джимшера и привели его спящаго туда, гдѣ былъ царь дэвовъ Хусруджанъ. Послѣдній приказалъ надѣть на него тяжелые кандалы и связаннаго и закованнаго въ мучительныя цѣпи заключить въ темную, глубокую темницу.

На ту же гору, гдѣ былъ взятъ Джимшеръ, рано утромъ пришли Мерабъ и Кулъ. Они думали, что онъ еще спитъ. Продавъ еще нѣкоторое время, они пошли впередъ и увидѣли, что Джимшера нѣтъ тутъ, а спящіе вокругъ него, то-

же околдованные, еще не очнулись; стали допрашивать ихъ, но они ничего не могли сказать. Вернувшись оттуда поспѣшно, они сѣли на быстрыхъ коней и обошли всѣ окрестныя горы и поля, но ничего не узнали. Вернувшись обратно домой, одѣлись въ трауръ и стали коротать многіе дни въ печали.

Такъ протекло семь лѣтъ. Джимперъ переносилъ такія страшныя испытанія, что если бы онъ имѣлъ оружіе и на свободѣ руку, то живымъ бы не оставилъ себя.

Въ одинъ день Джимперъ увидѣлъ городского разносчика, вошедшаго въ крѣпость. Разносчикъ, увидѣвъ царскаго сына въ страшныхъ мукахъ, сжалился надъ несчастнымъ страдальцемъ. Царевичъ очень понравился ему и онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Царевичъ сообщилъ ему все подробно. Разносчикъ, выйдя изъ крѣпости, пришелъ къ царицѣ Кетеванъ⁹⁰⁾, которая была дочь китайскаго царя. Онъ разсказалъ ей положеніи Джимпера, о нахожденіи его въ заточеніи, испытаніяхъ его, происхожденіи его отъ царя Дилара, о томъ, что онъ околдованъ и взятъ и заключенъ въ кандалы. Царица, услышавъ обо всемъ этомъ, весьма опечалилась и стала изыскивать средство къ его освобожденію.

Отъ царицы Кетеванъ дѣвъ Хусруджанъ имѣлъ одну дочь, такую прекрасную, съ которою не могла сравниться луна въ освѣщеніи поднебесья. Царь Хусруджанъ очень любилъ царицу Кетеванъ и принималъ ея совѣты. Встала царица и пришла къ царю Хусруджанъ; онъ вышелъ навстрѣчу ей, взялъ ее за руку, повелъ ее съ великими ласками и посадилъ на тронѣ. Царица доложила ему, что она имѣетъ маленькую просьбу, умоляла его быть милостивымъ и выслушать просьбу ея.

⁹⁰⁾ Кетеванъ (Khethevani) и сокращенно Кето (Ketho) имя, весьма уважаемое у грузинъ и встрѣчаемое въ легендахъ объ Амиранѣ.

— „Что скажешь такого“, отвѣтилъ ей царь: „чего я не могъ бы исполнить!“

Она доложила: „Тобою пойманъ и плѣненъ Джимшеръ, сынъ царя Дилара; сдѣлай мнѣ честь, помилуй его и освободи“.

— „Онъ не проститъ намъ обиды за взятіе его въ плѣнъ и посрамленіе, и если проститъ, то прощаю“, сказалъ царь царицѣ.

— „Освободимъ мы его, не имѣющаго себѣ равнаго героя, молодого юношу, сына первѣйшаго царя Дилара и выдадимъ за него нашу дочь, изливающую на насъ свѣтъ Раоденъ-Кали ³¹⁾“, такъ продолжала говорить царица.

— „Если будетъ согласіе Джимшера, то она будетъ его женою“, добавилъ царь.

Отправился разносчикъ и сообщилъ Джимшеру волю царей. Приятно стало Джимшеру и онъ, улыбаясь, сказалъ разносчику: „Если такъ милостиво обойдутся со мною, я согласенъ: пусть исполнится воля ихъ!“ Вернулся разносчикъ и сообщилъ царю и царицѣ сказанное Джимшеромъ и согласіе съ его стороны.

Посланные дѣвы сокрушили вандалы и вывели изъ заключенія Джимшера, которому царица прислала царскую одежду, рѣдкую и красивую. Завели Джимшера въ баню; купавшись въ ней, онъ вышелъ и одѣлся; его повели и ввели къ царю дѣвовъ и царицѣ Кетеванъ. Встрѣтившіе его царь и царица чрезвычайно удивились, увидѣвъ красоту царевича, юнаго возрастомъ. Обрадовались и развеселились все. Пригласили многихъ героевъ-дѣвовъ съ ихъ женами и войско и сообщили, что выдаютъ за Джимшера Раоденъ-Кали. Все, смотря на нихъ и видя ихъ, радовались; глаза и сердце всѣхъ привывались къ нимъ.

³¹⁾ Раоден Кали (რადენ კალი), букв. „сколь (возвышенная) дѣвица“.

Нерадостно было только Раодень-Кали. Узнавъ о своей судьбѣ, тяжело стало ей: она опечалилась, начала плакать, горевать и причитывать: „Что это сдѣлали со мною отецъ и мать? Какъ это выдаютъ меня за плѣнника, не испытавъ его!“

Раодень - Кали имѣла крѣпость, крѣпкую и непреступную; она жила въ этой крѣпости, имѣя при себѣ гигантовъ и дѣвовъ, многихъ героевъ и богатырей. Царица Кетеванъ услышала о печали и плачѣ Раодень-Кали, пришла и когда увидѣла свою дочь, плачущую и проливающую слезы, то сказала ей: „Что это съ тобою, дитя мое? Если все это дойдетъ до свѣдѣнія царя, отца твоего, онъ отъ горя съ ума сойдетъ и весьма опечалится. Почему ты плачешь и озабочена? Какъ тебѣ не нравится герой и богатырь, сынъ первѣйшаго царя? Вѣдь такого прекраснаго храбреца глазъ человѣческой еще не видывалъ!“ Досказавъ это слово, встала царица и направилась въ царю.

Въ догонку царицѣ послала Раодень-Кали градоначальника съ приказаніемъ доложить ей, что у Раодень-Кали имѣется собственная крѣпость и множество богатырей и что она за неиспытаннаго плѣнника не выйдетъ замужъ, родители же пусть не требуютъ отъ нея невозможнаго!

Прибыла царица и передала Хусруджану слова дочери. Царь призвалъ Джимшера и далъ ему свой кнутъ, рѣдкій и тяжелый, испытанный во многихъ большихъ сраженіяхъ, далъ еще шапку, кольчугу, копье, булаву и арканъ изъ хребтовой кожи вѣта и сообщилъ ему также все сказанное царицею.

— „У моей дочери“, говорилъ царь: „имѣются свои богатыри; ты долженъ вступить съ ними въ бой и удовлетворить ихъ; если же безъ боя хочешь жениться, то она отсюда съ тобою не пойдетъ въ твою страну; когда же ты одолѣешь героевъ и побѣдишь ихъ, то возьмешь свою жену туда, куда угодно будетъ тебѣ“.

— „Очень хорошо и встаете изволите говорить“, отвѣтил царю Джимшеръ: „и я знаю, что къ неиспытанному человѣку женщина не будетъ имѣть довѣрія, да и безъ боя не обойдется! Если даже у нея 1000 богатырей, я не оставлю ни одного, чтобы не вступить съ ними въ бой“.

И слѣдующій день назначенъ былъ для боя.

У Раоденъ-Кали былъ одинъ дѣвъ, Махмеръ, первый боецъ, который обыкновенно выходилъ на ристалище первымъ, чтобы вступать въ бой.

Какъ только разсвѣло, устроили ристалище, поставили барабанщиковъ и трубачей; взобрались на плоскія крыши самъ царь дѣвовъ Хусруджанъ, царица Кетеванъ, дочь китайскаго царя, множество женъ героевъ и „голіаеовъ“, дѣти дѣвовъ и горожане. Шумъ былъ великій. Многіе плавали и молились, ожидая смерть Джимшера. Плакали также и сама царица и горожане.

Выйдя на ристалище, Джимшеръ встрѣтилъ дѣва, прішедшаго сюда заблаговременно. Обступивъ другъ друга и крикнувъ, стали они бросаться другъ на друга. Подбѣжалъ дѣвъ къ Джимшеру и ударилъ копьемъ, но не могъ причинить вреда: не пробилъ даже броню. Джимшеръ же, призвавъ на помощь Бога и надѣясь на происхожденіе свое отъ Дилара, бросился на дѣва, зацѣпилъ его копьемъ, захватилъ Махмера-дѣви, поднялъ его, величиною съ гору, высоко и крикнулъ царю: „Эй, царь дѣвовъ! суди теперь самъ, что за герой этотъ твой Махмеръ-дѣви!“ Сказавъ это, ударилъ онъ его объ землю и тотчасъ душа оставила побѣжденнаго. Всѣ были рады благополучному избавленію Джимшера, но царя дѣвовъ и самихъ дѣвовъ опечалила смерть Махмера-дѣви, и царь Хусруджанъ сказалъ: „Я знаю, что Джимшера не слѣдуетъ испытывать: дочь моя его заставитъ перебить всѣхъ моихъ богатырей!“

Восхваляли Джимшера, осыпали его золотомъ и драгоценными камнями.

На другой день привели въ порядокъ ристалище; царь

Хусруджанъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ и посадилъ возлѣ себя многихъ богатырей и героевъ; поднялась на плоскую крышу и царица Кетеванъ и посадила возлѣ себя женъ дѣвовъ. Устроили пиръ, пришли и горожане, ударили въ барабанъ и затрубили трубы. Общее веселіе пробѣжало по толпѣ.

И выступилъ богатырь изъ дѣвовъ, именемъ Эжванъ-дэви; такъ онъ назывался ²¹⁾, но подобенъ былъ вчерашнему дѣву по несчастію своему. Съ противоположной стороны вышелъ Джимшеръ. Обѣжали они другъ друга и ударили копьями, потомъ обстрѣливались стрѣлами, затѣмъ ввязались за кнуты. Джимшеръ, попятивъ коня назадъ, крикнулъ царю Хусруджану: „Эй, государь! вотъ кнутъ твой и вотъ твой богатырь!“ и ударилъ дѣва кнутомъ по головѣ такъ сильно (шумъ отъ удара походилъ на грохотъ небесный!), что придавилъ его къ сѣдлу и, сломавъ спину его коня, сравнилъ ихъ обоихъ съ землею!

Всѣ обрадовались благополучному избавленію Джимшера, а богатыри-дэвы единогласно говорили: „На лицѣ земли нѣтъ подобнаго Джимшеру героя!“ Только царь дѣвовъ и сами дэвы очень огорчились и опечалились. Въ ту ночь Джимшеръ отправился въ свой домъ, чтобы отдохнуть.

Царевна призвала Аберъ-дэва, о которомъ говорили, что подобнаго ему не было ни одного дѣва, ни Каджмаджи, ни Джинбаджинъ, ни Джушита. Аберъ считался первымъ богатыремъ. Раоденъ-Кали сказала ему: „Отецъ мой Хусруджанъ меня потому поручилъ тебѣ, что на тебя сильно надѣялся; и я тоже, надѣясь на тебя, поставила себѣ единую крѣпость, а теперь меня хочетъ увести какой-то плѣнникъ; онъ сотретъ съ лица земли ваше геройство и меня!“

Аберъ-дэви такъ сказалъ свѣтилу-царевнѣ: „Если угодно тебѣ, убью его и голову доставлю тебѣ; если хочешь,

²¹⁾ ۳۳۵۶-۳۳۳ (Эжванъ дэви), букв. „гремучій дэвъ“.

поймаю его и живого приведу; если желаешь, схвачу и изобью таяъ, чтобы онъ самъ упрашивалъ меня: „Не убивай, прекращаю борьбу“. Раодень-Кали сказала ему, „все, что съдѣлаешь—хорошо, если только прибѣгнешь къ одному изъ этихъ трехъ способовъ“.

Къ утру привели въ порядокъ ристалище, заняли свои мѣста царь дѣвовъ Хусруджанъ, многіе герои-дѣвы, царица и домохадцы дѣвовъ и горожане; пришли и барабанщики и трубачи; пронесся гулъ; говорили, что борецъ, подобный Аберъ-дѣву, еще не рождался во всемъ свѣтѣ, гибель же Джимпера заранѣе оплакивалась всѣми.

Когда Аберъ-дѣвъ вошелъ на ристалище въ своихъ военныхъ доспѣхахъ, онъ былъ такъ страшенъ, что человѣчскій взоръ не могъ остановиться на немъ: онъ подобенъ былъ черной желѣзной горѣ; глаза его казались окрашенными бальзаминномъ; въ рукѣ держалъ онъ кнутъ, величиною въ семь маслбойныхъ жернововъ; на поясѣ у него имѣлись три острия шашки; латы его были большія, величиною въ колокольню; коще его было толще большихъ бревенъ; стрѣлы у него были вложены въ ножны; ревъ его уподоблялся эху высокой горы. Онъ говорилъ Джимперу: „Ну-ка, несчастный, выходи! я отмщу тебѣ за вчерашнюю кровь дѣвовъ!“

На противоположной сторонѣ былъ Джимперъ; онъ надѣлъ на себя кольчугу; хусруджановскую броню, которую нельзя было прорвать ничѣмъ, надѣлъ на голову; китовый арканъ царя привѣсилъ къ поясу, его же страшный кнутъ воткнулъ за поясъ; въ руки взялъ булаву, которую, кромѣ царя Хусруджана, никто не могъ поднять, и затѣмъ онъ вышелъ на ристалище.

Противники бросились другъ на друга со страшною стремительностью: столеновеніе ихъ походило на столеновеніе двухъ горъ, а лязгъ ихъ доспѣховъ на небесный грохотъ! Съ одной стороны смотрѣли на нихъ царь, царица и

весь городъ, а съ другой—Раодень-Кали. Страхъ былъ великій и ужасъ страшный: у многихъ героевъ-дэвовъ отъ испуга поблѣднѣли лица, и они находились въ безпокойствѣ. Царь Хусруджанъ говорилъ своимъ богатырямъ, что, кромѣ него, никто не одолѣетъ Аберь-дэви. Въ это время Джимшеръ, подсакавъ на конѣ къ Аберу, моментально отрубилъ голову его коню; Аберъ остался безъ лошади, а Джимшеръ попятился назадъ. Аберу подали другого коня, но Джимшеръ и съ него снялъ голову. Враги бились до вечера, съ наступленіемъ же ночи прекратили бой. Состязаніе Джимшера понравилось всѣмъ дэвамъ и высокимъ особамъ, всѣ воздавали ему великія хвалы; дэвъ Аберъ опечалился и, прибывъ въ крѣпость, легъ спать; Джимшеръ же провелъ ночь такъ, какъ ему хотѣлось.

Въ слѣдующій день опять вышли всѣ зрители и вняли свои мѣста; вышли также барабанщики и трубачи. Вступили на ристалище оба противника и, обѣжавъ другъ друга, схватились. Божусь именемъ Всевышняго Бога и головою вашею, что столкновеніе это не похоже было на предшествовавшее, и никто еще не видывалъ такого боя! Бились до 9-ти часовъ; трубы и барабанный бой оглушали всѣхъ. Джимшеръ поскакалъ на конѣ къ врагу и поднялъ надъ нимъ хусруджановскій кнутъ, желая имъ хлестнуть его по головѣ. Аберъ хотѣлъ защитить голову щитомъ, но онъ разбился подъ ударомъ кнута, который, скользя по бронѣ, размозжилъ голову аберовскаго коня. Аберъ свалился на землю. Джимшеръ отошелъ назадъ; наступилъ вечеръ; ночь разняла противоборствующихъ.

Аберь-дэвъ вернулся въ крѣпость и сталъ укорять Раодень-Кали, что изъ-за нея онъ не можетъ биться съ сердцемъ. „Завтра же увидите, говорилъ онъ ей: „что сдѣлаю я съ нимъ!“.

Къ утру явились всѣ зрители и расположились по сво-

имъ мѣстамъ; предстали и барабанщики и трубачи.

Какъ только солнце приподнялось на сводѣ неба, съ той стороны выступилъ Аберъ-дэви, а съ этой Джимшеръ. Они объѣхали другъ друга, и Аберъ-дэвъ, выругавъ Джимшера, сказалъ ему: „Ты, приглянувшійся совершеннѣйшему изъ царей, изъ низкаго рода и родившійся подъ злой звѣздой! я щадилъ тебя два дня, теперь же, имѣя разрѣшеніе свыше, я свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и сейчасъ же сравню тебя съ землею!“ Джимшеръ, въ отвѣтъ ему, сказалъ: „Я сынъ возвеличеннаго царя Дилара, а ты плохой, гадкій и порочный дэвъ, и изъ рода ты злого и изъ сѣмени тожь. Съ Божьей помощью тебя сейчасъ же доведу до раскаянія за глумленіе надъ возвеличеннымъ царемъ, отцомъ моимъ“.

Аберъ-дэвъ, подскочивъ къ противнику, замahнулся кнута, Джимшеръ прикрылъ голову щитомъ, который, подъ ударомъ кнута, полетѣлъ вдребезги, кнутъ же, скользя по брони, попалъ въ голову джимшеровскаго воина и размозжилъ ему голову; Джимшеръ остался безъ лошади. Аберъ-дэвъ тоже спрыгнулъ съ своего воина, и столкнулись они пѣшіе и стали бить другъ друга такъ, какъ кузнецъ бьетъ молотомъ объ наковальню. Слышенъ былъ шумъ страшнѣе громового удара! Уставъ отъ борьбы кнутами, они воткнули ихъ за поясы и вступили въ рукопашный бой; столкновеніе ихъ подобно было треску громадныхъ скалъ. Хусруджанъ говорилъ своимъ героямъ, что въ рукопашномъ бою Абера никто въ мірѣ не одолѣетъ, ни дэвъ, ни человекъ, ни рожденный, ни долженствующій родиться! Если даже онъ ударитъ по горѣ, то и ее въ одинъ мигъ разрушить!“.

Разгорѣлась борьба отчаянная; бились не на животь, а на смерть. Рвали другъ у друга знаменитыя кольчуги, какъ какое-нибудь гнилое платье. Бой Джимшера черезчуръ понравился царю и всѣмъ героямъ. Раздавались трубный звукъ и барабанный бой. Дэвы печалились за участь Аберъ-дэва, а

другіе зрители за участь Джимшера. Но вотъ, Джимшеръ, призывавъ на помощь имя Бога Мидостиваго и отца своего Дилара, подбѣжалъ къ Аберъ-дэву, схватилъ его одною рукою за бедро и другою за шею, приподнялъ вверхъ человека съ-гору и ударилъ объ землю съ такою силой, что земля (на томъ мѣстѣ) потряслась сильно и многіе слабонервные люди лишились чувствъ. Царь дэвовъ быстро вскочилъ съ мѣста и потребовалъ воя, чтобы спасти Абера, но Джимшеръ разсѣвъ кольчугу брони его и обоюдоострымъ алмазнымъ кинжаломъ снялъ голову съ Абера. Убитый дэвъ пустилъ такой потокъ крови, который могъ привести въ движеніе пять мельничныхъ жернововъ! Царя, не подоспѣвшаго на помощь дэву, смерть его опечалила, но онъ все жъ поздравилъ Джимшера съ побѣдою; побѣдителя осыпали золотомъ и драгоценными камнями. Джимшеръ въ ту ночь отдохнулъ.

По смерти Аберъ-дэва ³³⁾ Раодень-Кали сказала своимъ дэвамъ и богатырямъ, что она надѣется на нихъ, что они укрѣпятъ крѣпость и не впустятъ въ нее Джимшера. Они отвѣтили, что, сколько возможно, постараются, но, добавили при этомъ, поборотъ его не сумѣетъ ни дэвъ, ни человекъ, развѣ, какъ довелось имъ слышать, это можетъ сдѣлать только Амиранъ Дареджанисдзе, который Хазарана, прославителя дэвовъ, схватилъ одною рукою и убилъ ³⁴⁾; другой изъ живущихъ на лицѣ земли, кромѣ Амирана, не можетъ противостоять Джимшеру.

Какъ только наступило утро, Джимшеръ, вооружившись пѣшеходомъ, приблизился къ крѣпости царевны, накиннулъ арканъ на крѣпостную башню, надѣлъ его на ея верхушку, а затѣмъ, приврывъ свою голову щитомъ, сталъ ловко карабкаться вверхъ; съ высоты осыпали его множествомъ камней, но ни-

³³⁾ Абер, вѣроятно, ветхозавѣтное имя Авеля (по-грузински Абел).

³⁴⁾ Объ этомъ будетъ сказано ниже.

какого вреда не могли ему причинить. Взошедши на вершину ерѣпостной стѣны, онъ засталъ тамъ дѣвовъ; тотчасъ обнажилъ острую пашку и изрубилъ ихъ. Навстрѣчу ему вышли два дѣва, но внутомъ онъ ихъ обоихъ сравнилъ съ землею. Пошелъ Джимшеръ въ ерѣпостнымъ воротамъ, которыя были изъ ерѣпкой стали и желѣза. Ударомъ внута выбилъ въ нихъ столь большое отверстіе, что четыре конныхъ человѣка сразу могли пройти чрезъ него. Кто изъ дѣвовъ былъ свидѣтелемъ всего этого, убѣжалъ безъ оглядки. Въ ерѣпости была хрустальная башня, и въ этой башнѣ находилась Раодень-Кали съ сорока рабынями, имѣющими лунообразныя лица. Когда Джимшеръ толкнулъ рукою въ двери, онѣ отворились; тутъ его встрѣтила дѣвица, которая блистала болѣе чѣмъ солнце. Онъ присѣлъ въ ней, поцѣловалъ ее въ красивое лицо и сказалъ: „Клянусь Всевышнимъ Богомъ, въ красотѣ твоей пристойно относиться съ большимъ благоговѣніемъ!“

Царь прислалъ въ ерѣпость царицу и вельможь-дѣвовъ; послѣдніе повели въ царскій дворецъ Джимшера, а царица— Раодень-Кали, и въ тотъ же день сыграли свадьбу; клянусь главою вашею, ни одна невѣста и ни одинъ женихъ не превосходили новобрачную чету. Въ числѣ званыхъ была вся знать. Веселье, пѣнье, пиръ, отдыхъ, раздача наградъ и радость продолжались 40 дней и болѣе.

Въ такомъ веселіи прошло 6 мѣсяцевъ. Въ одинъ день Джимшеръ сидѣлъ на пиршествѣ печальнымъ. Царь спросилъ его, почему онъ такъ печаленъ. Джимшеръ отвѣтилъ: „Великій государь, я уже шесть мѣсяцевъ нахожусь на пиру и веселіи, не зная ничего о моихъ рабахъ“.

— „Ты бы раньше сказалъ объ этомъ мнѣ“, добавилъ Хусруджанъ: „я бы доставилъ тебѣ извѣстіе объ нихъ“. Царь приказалъ привести одного генія, который одѣтъ былъ въ черную короткую бурку. Хусруджанъ повелѣлъ ему: „Ты сегодня же долженъ явиться въ городъ Джимшера?“.

— „Завтра здѣсь же доложу вамъ вѣсть о городѣ Джимшера“, отвѣтилъ царю геній.

Джимшеръ принесъ чернильницу, бумагу и написалъ Мерабу и Булу письмо слѣдующаго содержанія: „Мерабу и Булу со знатью, равнымъ отцу моему, почтительно-теплый привѣтъ и ласка съ любовью! Знаю, желаете получить извѣстіе обо мнѣ. Люди, явившіеся къ намъ и напоившіе насъ виномъ, околдовали меня спящаго и, связавъ мнѣ руки, доставили къ царю дэвовъ Хусруджану; онъ же меня поручилъ крѣпостному гарнизону. Имѣя на свободѣ руку, я сразился бы съ ними на животъ или смерть; но я былъ закованъ въ тяжелые оковы и въ такомъ положеніи находился семь лѣтъ. Затѣмъ со мною повидался разносчикъ, который сообщилъ царицѣ Кетеванъ о нахожденіи моемъ, царевича, въ плѣну, и она, будучи дочерью великаго царя, сжалилась надо мною; по ходатайству ея предъ царемъ, освободили меня и обѣщались выдать за меня свою дочь, но она не пожелала быть моею супругой, говоря, что за неиспытаннаго человѣка не выйдетъ замужъ. Царь Хусруджанъ подарилъ мнѣ всѣ свои военные доспѣхи. Во время перваго боя я убилъ копьемъ Махмеръ-дэва, на другой день скрутилъ кнутомъ коннаго Эжванъ-дэва на самомъ же сѣдлѣ. На третій день поборолся со мной Аберъ-дэвъ, который былъ громаднѣе горы. Три дня я бился съ нимъ, все оружіе изломалъ и, только въ рукопашной схваткѣ поваливши его, снялъ съ него голову; затѣмъ взялъ я крѣпость дэвовъ, откуда вывелъ Раоденъ-Бали съ лунообразнымъ лицомъ и женился на ней. Уже шестой мѣсяць, какъ я пирую и веселюсь. Столько времени прошло, а о васъ ничего не знаю! Прочитавъ это мое письмо, приведите въ исполненіе мою волю: запаситесь палатками, коврами, конями, оружіемъ, соболами, ястребами, всѣми охотничьими принадлежностями, мѣдной посудой, барабанами и трубами и отправьтесь сюда, какъ подобаетъ свитѣ

царя; царь же великъ и слѣдуетъ въ нему прійти торжественно; возьмите съ собою и все войско“.

Письмо это вручили генію, который полетѣлъ стрѣлою и двухмѣсячное разстояніе прошелъ въ тотъ же день; геній, прибывъ въ городъ Джимшера, увидѣлъ, что и во дворцѣ и въ крѣпости всѣ въ траурѣ, всѣ страшно опечалены; подойдя къ одному человѣку, онъ попросилъ его показать ему Мераба и Кула. Тотъ человѣкъ умолялъ генія сказать ему, что онъ знаетъ, но получилъ отказъ. Мерабъ и Кулъ оба были въ рубищахъ и сидѣли въ траурной комнатѣ. Геній пришелъ съ письмомъ; зашли къ Мерабу и Кулу и доложили о прибытіи араба и о томъ, что онъ принесъ имъ письмо. Они подумали, что, вѣроятно, враги сдѣлали какую-нибудь пакость. Выслали къ нему одного человѣка и спросили, въ чемъ дѣло. Арабъ сказалъ такъ: „Имѣю письмо отъ вашего царя Джимшера и несю весьма радостное извѣстіе: введите меня самого къ нимъ!“ Мерабъ и Кулъ, услышавъ слова араба, выбѣжали къ нему, стали обвиваться вокругъ его колѣнъ и проливать кровавыя слезы. Затѣмъ достали письмо, прочитали его и много плакали. Но потомъ развеселились и обрадовались; великіе и малые, собравшись вмѣстѣ, предались веселію; траурныя платья разодрали на себѣ и одѣлись въ багряницы; начали приводить въ исполненіе повелѣніе Джимшера, которому написали такъ: „Прахъ царствованія вашего—Мерабъ и Кулъ! Изволили прислать намъ доброе извѣстіе, которое насъ, мертвецовъ, оживило; вы были закованы въ кандалы, а мы, страшно опечаленные, сидѣли въ ямахъ, а теперь, благодареніе Богу, мы тоже скоро прибудемъ къ вамъ“. Письмо отдало тому же генію, и онъ на слѣдующій день доставилъ его въ Джимшеру²⁵⁾, который очень обрадовался, узнавъ о благополучномъ состояніи своихъ подданныхъ.

²⁵⁾ Замѣчательно, что подобные же геніи являютъ и въ „Барсовой кожѣ“ Шоты Руставели. Такъ, другъ героя Таріела Автандилъ че-

Повелѣніе Джимшера привели они въ исполненіе и съ 60,000 воинами отправились, пославъ впередъ гонца. Какъ только стали они приближаться, и оставалось еще трехдневное разстояніе до столицы дэвовъ, въ нимъ навстрѣчу выпелъ Джимшеръ. Мерабъ и Кулъ, увидѣвъ его, спрыгнули съ коней, пали ницъ на землю, потомъ встали и пошли привѣтствовать Джимшера, а этотъ, увидѣвъ, что Мерабъ и Кулъ идутъ къ нему пѣшіе, тоже слѣзъ съ коня и привѣтствовалъ ихъ какъ родныхъ; они пали предъ Джимшеромъ и стали обвиваться вокругъ ногъ его, а онъ цѣловалъ ихъ въ губы и здоровался ласково. Затѣмъ начали привѣтствовать другъ друга знать дэвовъ и прибывшее воинство. Въ это время пріѣхалъ и царь дэвовъ Хусруджанъ, котораго встрѣтили Мерабъ и Кулъ съ поклономъ и привѣтствіемъ.

По прибытіи въ столицу, царь Хусруджанъ оказалъ большія почести Мерабу и Кулу; онъ устроилъ пиръ и выше всѣхъ дэвскихъ героев посадилъ Мераба, которому далъ мѣсто возлѣ себя; на противоположной сторонѣ стола, возлѣ Джимшера, занялъ мѣсто Кулъ Чрдилели; вошли также высокопоставленные лица и заняли мѣста за столомъ — 2,000 человекъ по одну сторону и 2,000 по другую; явились и другіе князья началось веселіе и разгорѣлся такой пиръ, какового еще не бывало никогда. Пиръ длился три дня. На второй день послѣ, пира Джимшеръ чрезъ Мераба и Кула доложилъ царю: „Великій государь, унижьте себя и удостойте палатку вашего раба своимъ посѣщеніемъ!“ Самъ же Джимшеръ лично пригласилъ царицу Кетеванъ и всю знать. Разукрасили площадь и поставили палатки; все устроено было такъ красиво, что красоту убранства трудно выразить языкомъ. Во главѣ стола на царскомъ тронѣ сѣлъ царь дэвовъ; тутъ же были царица
резъ чернаго генія посылаетъ письмо Нестану-Дареджанъ, заключенной въ Баджетскую крѣпость, и чрезъ него же получаетъ отъ нея отвѣтное письмо.

Кетеванъ съ лунообразною дочерью и со всею знатью. Пиръ былъ такой, какого человѣческой глазъ еще не видывалъ! Пѣли поэты и акробаты и восхваляли Джимшера, который подарилъ царю и царицѣ 200 коней съ золотой сбруей, по 1,000 штукъ златотканной парчи, несчетное число кусковъ китайской парчи, двѣ короны, стоимость которыхъ определить невозможно, и которыя по ночамъ испускали дневной свѣтъ! Затѣмъ онъ раздарилъ дѣвскимъ героямъ, вельможамъ и дочерямъ столько, что стоимости всего этого высчитать нельзя! Разошлись всѣ съ благодарностью.

Пировали также и въ царскомъ розовомъ саду, гдѣ Джимшеръ распростился съ царемъ. Дѣвскій царь подарилъ Джимшеру тканной и нетканной парчи и драгоценныхъ камней 500 верблюжьихъ выюковъ, также 1,000 муловъ, 300 ватеровъ съ золотой сбруей и 500 платьевъ Мерабу и Кулу. Царица, простившись съ дочерью своею со слезами на глазахъ, поручила ее Джимшеру и благословила ихъ обоихъ; царь же сопровождалъ ихъ на разстояніи трехдневнаго пути и затѣмъ тоже попрощался. Мы направились въ городъ Джимшера, убивая по дорогѣ звѣрей. Какъ только мы приблизились къ городу, всѣ вышли намъ навстрѣчу съ великой радостью; они цѣловали ноги Джимшера, обнимали его, сыпали на него „драму“ и „драхму“. По всему царству пронеслась такая радость, которую человѣческой языкъ не выразить! Свадебное пиршество и веселіе съ раздачей подарковъ продолжались цѣлый мѣсяцъ. Дѣвскія высокопоставленныя лица, которыя сопровождали насъ, получивъ много подарковъ, вернулись обратно съ благодарностью. Радость и веселіе все еще продолжались.

И родился у Джимшера сынъ, плодъ прекрасный. Когда ему исполнился годъ, красота его тогда же привела всѣхъ въ восхищеніе: онъ не похожъ былъ ни на отца, ни на кого другого; такого удивительнаго созданія человѣческой глазъ еще не ли-

цезрѣль! Но Джимшеръ заболѣлъ и умеръ. Плачь, рыданіе и горе были такъ велики, что человекъ могъ бы сойти съ ума! Оплакивала его царица Раодень-Кали, Мерабъ и Кулъ рвали на себѣ волосы, бороду, платье. Оплакиваніе длилось цѣлый годъ.

Прекрасный плодъ остался на воспитаніи Мераба и Кула, и назвали его Джимшеромъ (именемъ отца), но потомъ величали его также Армокла-Чабуомъ.

Здѣсь конецъ повѣсти о Джимшерѣ, сынѣ Дилара. Да продлитъ Богъ бытіе царствованія вашего многія времена! Аминь.

III. Повѣсть о Джимшерѣ II (Армокла-Чабукѣ), сынѣ Джимшера I.

Слушай, царь царей, и живи вовѣки! Да прославитъ Богъ любящихъ васъ и посрамитъ не преданныхъ вамъ!

Когда этотъ Джимшеръ (II-ой) сталъ семи лѣтъ, онъ полюбилъ охоту. Этотъ юный ребенокъ, гдѣ ни встрѣчалъ льва или дикую козу, убивалъ ихъ словно кошекъ. И былъ онъ такимъ прекраснымъ и пригожимъ, что никто и слышать не слыхалъ о подобномъ сынѣ!

Какъ только немножко подросъ онъ и сталъ 15 лѣтъ, то призвалъ Мераба, Кула и высокопоставленныхъ первѣйшихъ особъ и сказалъ имъ: „Желаю увидѣть чужія страны и нѣкоторое время путешествовать по горамъ и доламъ, испытать себя, найти себѣ прекраснѣйшую невѣсту, воевать и биться съ героями и богатырями; вы же сберегите мнѣ престолъ мой до моего возвращенія!“

Мерабъ, Кулъ и вельможи осмѣлились доложить: „Мы, представители трехъ царствъ, увѣрены въ вашей храбрости!“

— „Вы увѣрены“, замѣтилъ Джимшеръ: „но и я долженъ убѣдиться въ этомъ. Мерабъ, развѣ ты позабылъ о дѣлахъ своей

юности! Въ сколькихъ участвовалъ ты сраженіяхъ, а также и Куль! Не откажусь отъ своего намѣренія, клянусь Всевышнимъ Богомъ, да и вы не уговаривайте меня остаться, а то мнѣ будетъ весьма обидно!“ Испугались всѣ, и ни они ни мать не осмѣлились прекословить больше.

Джимшеръ забралъ все оружіе отца (и то, которое было подарено ему царемъ Хусруджаномъ) и взялъ съ собою одного раба, хорошаго молодца Бебура Мурадидзе, одного скорохода, опоясанаго золотымъ поясомъ, съ погремушками и драгоценными камнями, и одѣтаго въ платье съ золотыми украшеніями (этотъ скороходъ былъ быстрѣ птицы); оставивъ мать свою и вельможъ въ слезахъ, онъ отправился въ царство Драми.

По дорогѣ онъ подошелъ къ снѣжной горѣ и съ удивленіемъ сказалъ: „Время-то теперь лѣтнее, а этотъ холодъ отчего могъ бы быть!“ И сталъ онъ подыматься на ту гору, и когда достигъ до ея вершины, то подуло такимъ морозомъ, какого человѣческимъ языкомъ не выразишь. Испугался Бебуръ вмѣстѣ съ бывшими съ нимъ людьми и сказалъ Джимшеру, что ни они ни лошади ихъ не въ состояніи итти дальше. Джимшеръ, прыгнувъ съ коня и привязавъ лошадей своихъ спутниковъ къ своему коню, повелъ его и ихъ вверхъ; затѣмъ онъ прибылъ въ мѣсто, поросшее тростникомъ и камышомъ, гдѣ было большое озеро; тутъ находился драконъ—хозяинъ этого озера. Оказалось, что и снѣгъ пошелъ по его волшебству. Драконъ, увидѣвъ людей, скорчился и напалъ на нихъ. Бросился на него и Джимшеръ; доставъ стрѣлу, пустилъ онъ ее въ него и угодилъ въ голову; отъ удара стрѣлы повисли губы у дракона, и онъ самъ припалъ къ землѣ. Больно стало дракону, и онъ бросился на Джимшера, но шапка послѣдняго разсѣкла его пополамъ. Драконъ испустилъ такой потокъ крови, въ которомъ могъ бы плавать человѣкъ! Снѣгъ и страшный морозъ тотчасъ же исчезли, и стало тепло.

Мы пошли дальше и ходили три дня; затѣмъ мы поднялись на неизмѣримо высокую гору и съ вершины ея увидѣли, что поле на семь дней ходьбы все покрыто палатками и полно войскомъ. Джимперъ присѣлъ завусывать, а скороходу приказалъ пойти и узнать, что это за войско.

Скороходъ пошелъ такъ быстро, что арабская лошадь не могла бы его догнать. Когда онъ пришелъ, то начальствующіе люди, увидѣвши его, вышли ему навстрѣчу, поздоровались съ нимъ и, замѣтя на немъ удивительное, платье, съ золотыми украшениями, догадались, что онъ посоль или великаго царя или хорошаго героя.

— „Кто ты и за какимъ дѣломъ явился?“ спросили скорохода.

— „Если не онъ самъ, то никто другой не осмѣлится рассказать вамъ о дѣлѣ господина моего“, отвѣчалъ скороходъ: „я желаю отъ васъ получить свѣдѣніе о васъ самихъ, чтобы сообщить объ этомъ господину моему“.

— „О насъ что можемъ сказать тебѣ! Сколько бы насъ теперь ни было здѣсь, но семь разъ больше этого было насъ, когда одинъ звѣрь произвелъ среди насъ страшное опустошеніе. Кто спасся, всѣ встали и прибыли сюда. Вокругъ той страны подверглось разоренію все 12-дневное пространство. Мы люди турецкой страны ²⁶⁾ и молимъ Бога, чтобы явился царь или

²⁶⁾ *تورک* *تورک*. Въ Грузіи турки стали называться „осмало“ только по появленіи Османа, занявшаго престолъ Кіасъ-ед-дина въ 1303 году и † 1325—1327 (Hist. de la Géorg., I p., II liv. p. 676, п. I; Джанашивили „Парсаданъ Горгиджанидзе и его труды“, стр. 73). До того же они назывались *تورک* — „турки“. Эти „турки“ впервые появились въ Малой Азіи въ началѣ XI вѣка. Тогригъ-бекъ, внукъ Сельджука, перваго предводителя турокъ, уже считался султаномъ Хорасана и Адарбадагана и къ своимъ владѣніямъ онъ въ скоромъ времени присоединилъ также Бирманъ, Мислп, Гавазы (*گاو*), Арменію и Малую Азію (*کلیت*) („Висраміанъ“, стр. 1—3; Исторія Грузіи Вахушта, стр. 151—160).

какой-либо герой и убилъ того звѣря, или же насъ самихъ переселилъ куда-либо съ этого необозримаго поля“.

Съ этими свѣдѣніями скороходъ пришелъ къ господину своему и передалъ ему все, что узналъ. За нимъ приѣхали также 40 конныхъ, чтобы повидаться съ Джимшеромъ. Приѣхавшихъ Джимшеръ рассадилъ и спросилъ: „Кто вы такіе и по какой причинѣ переселились сюда? Я желаю, чтобы вы все подробно рассказали мнѣ“. Они отвѣтили: „Мы осмѣлимся подробно доложить вашему величеству, но такъ какъ вы изволили прибыть сюда, то пожалуйста въ намъ, и тамъ въ средѣ народа и домочадцевъ доложить вамъ обо всемъ“.

Тотчасъ же мы отправились. Прибывшіе въ намъ люди выслали впередъ четырехъ конныхъ съ порученіемъ приготовиться принять насъ. Раньше чѣмъ мы могли приѣхать, они приготовили все и поставили царскій тронъ. Вышли намъ навстрѣчу 200 человекъ съ золотыми посохами. Они пали на землю и, поклонившись Джимшеру, повели его и посадили на тронъ. Наврыли столъ и принесли яствъ въ изобиліи. Кто былъ достоинъ, всѣ сѣли съ нимъ за столъ и стали веселиться, сколько хотѣли. Затѣмъ Джимшеръ предложилъ имъ: „Ну-ка, теперь расскажите мнѣ о томъ звѣрѣ“. Всталъ одинъ изъ вельможъ, по имени Омаръ, и доложилъ такъ: „Живи, царь, вовѣки! Видѣвшаго того звѣря уже нѣтъ никого. Одинъ какой-то человекъ, собравъ большое войско, напалъ на того звѣря, но онъ сожралъ всѣхъ, кромѣ одного воина, который спрятался въ трещинѣ земли и оттуда смотрѣлъ на происходящее вокругъ него. Отъ него мы слышали, что тотъ звѣрь величиною долженъ быть съ трехъ слоновъ; онъ имѣетъ двѣ головы, которыя дышатъ пламенемъ; своимъ огнемъ этотъ звѣрь сожжетъ и гору, если направить его на нее; одинъ рогъ у него длиною въ 10 локтей, которымъ подымаетъ все, за что ни возьмется. Когти у него лютые, длиною въ три локтя. Глаза его налиты кровью; зубы такъ

остры, что если положить желѣзо, то и его онъ легко разжуетъ; онъ испускаетъ такой вонючій запахъ, что вонный, находясь отъ него на разстояніи одного перехода, падаетъ съ лошади. Куда онъ ступитъ ногою, тамъ образуется яма, глубиною въ одинъ локоть“.

Джимперъ вставилъ слово: „Ни одно изъ этихъ качествъ не можетъ принадлежать звѣрю! Все это я считаю небылицей!“.

Съ наступленіемъ утра Джимперъ приказалъ, чтобы послѣдовали за нимъ лучшіе наѣзники. Выступили 500 человекъ на такихъ жеребцахъ, которыхъ не могла бы догнать даже птица.

До страны изгнаннаго народа мы ѣхали 15 дней. Когда же мы приѣхали, то увидѣли, что страна эта подобна раю: тутъ протекають рѣки; покрыта она простыми и плодовыми деревьями и травою; имѣлись также прекрасные города и селенія, которыя опустошены были сказаннымъ выше звѣремъ. Туземцы принесли намъ мѣстное вино, и оно оказалось такимъ, что лучшаго желать нельзя было. Мы увидѣли издали логовище того звѣря, и оно было пространствомъ въ три гумна; вокругъ стоялъ такой вонючій запахъ, что отъ него человекъ могъ бы лишиться чувствъ. Джимперъ сказалъ: „Свидѣтельству, что вонючій запахъ исходитъ отъ того звѣря, но все остальное, приписываемое вами ему, считаю баснею“.

Туркестанскіе вельможи, бывшіе съ Джимперомъ, доложили ему: „Живи, царь, вовѣки! Эта большая красивѣйшая страна дѣйствительно разорена тѣмъ звѣремъ“.

Пошли мы дальше и по близости логовища увидѣли большія башни, которыя звѣремъ скрыты были до основанія; встрѣтили слѣды самого звѣря, которые были глубиною въ одинъ локоть. Взойдя на высокій холмъ, Джимперъ спросилъ о мѣстопробываніи звѣря. Сказали ему, что до того мѣста остается только пять „парсанговъ“ ³⁷⁾ пути; и они именемъ Все-

³⁷⁾ Парсанги (ژابلانگه) = 7 верстѣ.

вышняго Бога упрашивали его не брать ихъ туда, гдѣ находился тотъ звѣрь.

Джимшеръ сказалъ имъ: „Вы только покажите мнѣ его, а туда я не возьму васъ“.

Они такъ и сдѣлали. Въ путеводители дали одного человѣка, посадивъ его на такого жеребца, котораго птица не могла бы догнать. Пошелъ впередъ этотъ человѣкъ, а за нимъ Джимшеръ съ однимъ изъ своихъ людей, а всѣхъ прочихъ оставилъ тутъ же.

Прошедши одинъ „парсангъ“ пути, Джимшеръ спросилъ вожатаго, гдѣ звѣрь! Тотъ доложилъ: „Логовище его вотъ здѣсь, но куда онъ самъ дѣлся, не знаю!“ Только что кончилъ онъ свой докладъ, какъ Джимшеръ, замѣтивъ звѣря, прищипорилъ своего коня; скоро онъ увидѣлъ, какъ приподнялся проснувшійся звѣрь, высунулъ языкъ, длиною въ чинаревое дерево и сталъ корчиться. Онъ былъ необыкновенно страшень. Увидя человѣка, онъ не обратилъ на него вниманія, но герой поскакалъ къ нему; тогда звѣрь испустилъ такой вонючій запахъ, отъ котораго чуть было Джимшеръ не свалился съ лошади. Джимшеръ, спрыгнувъ съ коня, палъ на землю и, молясь Богу, просилъ Его дать ему быстроту Амираана Дареджанисдзе и храбрость сорокалѣтняго, но находящагося въ бѣдѣ, человѣка. Подулъ вѣтеръ и вонючій запахъ направилъ къ самому звѣрю, а самъ Джимшеръ, извлекши палку изъ связки, висѣвшей у сѣдла лошади и, замахнувшись ею, угодилъ звѣрю прямо въ глазъ и на два локтя всадилъ въ мозгъ его. Звѣрь, ударомъ лапы, отломалъ наружную часть палки, острие же ея съ желѣзнымъ наконечникомъ осталась тамъ же въ мозгу; притомъ, онъ заревѣлъ такъ сильно и выбросилъ изо рта такой страшный огонь, что если бы онъ попалъ въ Джимшера, то тотчасъ же бы сжегъ его; но огонь, пролетѣвъ надъ головою его, спалилъ поле на пространство двухъ верстъ. Какъ только разсѣялся дымъ,

Джимшеръ пустиль стрѣлу, но она, не причинивъ звѣрю никакого вреда, упала на землю, словно ударившись объ стѣну, скрѣпленную известью. Пустиль онъ стрѣлу второй разъ, но опять повторилось то же самое, и такъ изломаль онъ на немъ много стрѣлъ. Потомъ онъ, бросивъ лукъ, досталь вторую джигитовочную палку и швырнулъ ее въ звѣря, но и она упала на землю. Звѣрь, схвативъ лапою упавшую палку, швырнулъ ее и попалъ въ лошадь, смялъ ей бока и пробилъ насквозь. Она свалилась. Тяжело вооруженный герой былъ ошеломленъ чрезвычайною вонью; въ такомъ состоянїи онъ находился до тѣхъ поръ, пока не протеръ себѣ глаза; очнувшись, онъ приподнялся и увидѣлъ, что у звѣря и второй глазъ наполнился кровью, и онъ ревѣлъ неистово. Тогда герой подбѣжалъ къ нему, обнажилъ пашку и вонзилъ ее подъ мышкою звѣря до самой рукоятки; звѣрь махнулъ лапою, но Джимшеръ, оставивъ пашку, отскочилъ назадъ; тогда звѣрь досталь изъ раны пашку, положилъ ее въ ротъ, разжевалъ подобно жвачкѣ и выплеваль. Герой, взявъ хусруджановскій кнутъ, подскочилъ къ звѣрю и нанесъ ему семь ударовъ, но не сдвинулъ съ мѣста; онъ нанесъ и восьмой ударъ, и на этотъ разъ звѣрь свалился, потрясъ землю и испустиль такой потокъ крови, который могъ бы привести въ движеніе пять мельничныхъ жернововъ. Джимшеръ, оставивъ тутъ же кнутъ и цѣпы, пошелъ назадъ, но пройдя одинъ „парсангъ“ пути, усталъ и присѣлъ; оставалось пройти еще версты три, но его рабъ Бебуръ Мурадидзе и скороходъ успѣли пройти это трехверстное разстояніе и прибыть къ Джимшеру. Они слѣзли съ коней, поцѣловали Джимшера въ колѣно и подали ему воды, фруктовъ и вина. Джимшеръ умылся и, подкрѣпивъ себя, спросилъ прибывшихъ: „Куда дѣлись остальные люди?“

— „Какъ только вашъ проводникъ вернулся“, доложили они: „и принесъ свѣдѣніе о звѣрѣ (клянемся вашею головою), сейчасъ же они разбѣжались и слѣдовъ ихъ не могли мы найти“.

— „Ступай, Бебурь!“ приказалъ Джимшеръ: „и тѣхъ людей приведи сюда!“ Бебурь отправился и, собравъ разбѣжавшихся людей, привелъ ихъ къ герою. Они стали обвиняться у ногъ его и осмѣлились доложить: „Великій государь! убивъ страшнаго звѣря, вы совершили такой подвигъ, который никѣмъ изъ людей, кромѣ Амираана, не могъ бы быть совершенъ. Рогъ того звѣря полезенъ, чешуя его цвѣта тигровой шкуры и пригодна: слѣпому даетъ зрѣнiе; сало тоже имѣетъ лѣчебное свойство“.

Джимшеръ сказалъ имъ: „Ступайте вы всѣ туда, гдѣ валяется звѣрь; въ немъ остался стальной наконечникъ моей джигитовочной палки; не сломайте его, а доставьте его мнѣ, а тамъ, что хотите, то и дѣлайте со звѣремъ“:

Отправились всѣ 500 человѣкъ и остались тамъ два дня. Такъ какъ они опоздали, то Джимшеръ приказалъ скороходу поѣхать и узнать, куда дѣлись они. Со стремительностью вѣтра пустился въ путь скороходъ и, моментально вернувшись, доложилъ Джимшеру: „Государь! ваши войска, изволи-те ли знать, возятся со звѣремъ, словно съ живымъ существомъ. Клянусь вашей головой, пока они и на волосокъ не сдвинули его съ мѣста и даже не успѣли пошевелинуть; они не сумѣли его перевернуть и содрать съ него кожу“.

Отправился самъ герой и нѣкоторое время сталъ смотрѣть на ихъ работу; потомъ онъ взялъ кнутъ, однимъ ударомъ отбилъ рогъ и, разбивъ черепную кость, досталъ изъ головы свой стальной наконечникъ; затѣмъ винжаломъ разодралъ бокъ звѣря и въ трехъ мѣстахъ разорвалъ животъ его; тогда онъ, напустивъ на него 500 человѣкъ, самъ пошелъ отдохнуть. Приставленные къ звѣрю люди остались тамъ до вечера и, снявъ съ него кожу и извлекши сало и желчь, пришли къ Джимшеру.

Ночь эту мы провели тутъ же возлѣ города, въ палаткахъ. Къ ужину подали вино и яства. Поэты говорили хва-

лебныя пѣсни Джимшеру за избавленіе страны отъ звѣря. Воины послали къ своимъ домочадцамъ вѣстниковъ, а сами радовались и веселились.

Къ утру прибыли изъ страны воиновъ всѣ высокопоставленные люди и представители города и доложили Джимшеру: „Живи, царь вовѣки! Невозможное вы сдѣлали возможнымъ! Довладываемъ вашему величеству, мы искуплены десницею твоею и исполнимъ все, что ни прикажете: если прикажете намъ слѣдовать за вами, мы поидемъ, а если прикажете остаться здѣсь же, то мы безпрекословно исполнимъ вашу волю, такъ какъ желаемъ быть твоими вѣрными рабами“.

— „Ничто мною не совершено“, отвѣтилъ имъ Джимшеръ: „а помиловалъ васъ Богъ. Вашъ губитель уже погибъ. Этотъ край лучше того, гдѣ вы пріютились. Переселитесь сюда же и отсюда прислуживайте мнѣ“.

Услышавъ повелѣніе царя, они пали ницъ и поклонились ему. Объ этомъ они чрезъ нарочнаго дали знать и своимъ домочадцамъ. Это извѣстіе ихъ обрадовало больше, чѣмъ вѣсть о гибели звѣря. Переселились всѣ сюда и устроились.

Джимшеръ установилъ порядокъ въ странѣ сей и, взявъ 200 избранныхъ мужей, вернулся, написавъ предварительно письмо своей матери, Мерабу и Кулу и сообщивъ имъ о своемъ здравіи, завоеваніи цѣлой страны и о причинѣ своего опозданія. И они были обрадованы этимъ письмомъ и съ своей стороны тоже написали отвѣтныя письма и прислали ихъ Джимшеру вмѣстѣ съ письмомъ Мзе-Чабува, приславшаго его къ нимъ съ выраженіемъ удивленія по случаю подвиговъ Джимшера.

Мзечабукъ писалъ: „Новому богатырю, несравненному рыцарю, братъ его Мзечабукъ издали пишетъ и съ любовью кланяется! Слышу о васъ хорошее и весьма радуюсь. Дядя вашъ Хосро, съ которымъ вы не могли вступить въ соглашеніе, умеръ, и теперь всей Хазаріей и многими другими стра-

нами управляю я, такъ какъ ты находишься на чужбинѣ. Приѣзжай и властвуй надъ своей страной! Лучше, когда мы оба будемъ пребывать въ любви“.

Полученіе такого письма отъ Мзечабука и удивило Джимшера и обрадовало, такъ какъ оно написано было отъ души и заключало въ себѣ приглашеніе взять въ свои руки власть надъ страной и повидаться съ любимой сестрой.

Царяца Раоденъ-Кали, получивъ письмо отъ Мзечабука, отправила назадъ посланца, доставившаго это письмо, и сообщила царю о находеніи сына Джимшера въ чужой странѣ; въ отвѣтномъ письмѣ она писала такъ: „Джимшеръ и самъ хочетъ видѣть васъ, и если вернется благополучно, то поводится съ вами“.

Отправившись дальше, подошли они къ высокой горѣ и съ вершины ея увидѣли большую рѣку, на берегахъ которой стояли два войска: одно на правомъ берегу, а другое на лѣвомъ. Приблизившись къ войску по сю сторону рѣки, мы замѣтили, что оно было ограблено до-чиста. Оказалось, что это были караванщики. Стали привѣтствовать Джимшера, обвиваться у ногъ его лошади, цѣловать его, плавать и отъ плача съ трудомъ выговаривать слова. Такъ они докладывали: „Именитый, несравненный царь и по дѣяніямъ своимъ рыцарь! избавь насъ отъ кровопійцъ арабовъ. Сейчасъ же расскажемъ вамъ, что постигло насъ чрезъ нихъ. Мы караванщики великаго царя и вседержца Сѣвера, семь лѣтъ уже какъ по торговымъ дѣламъ находимся въ Индіи; ѣхали мы домой, обогатенные великими сокровищами. Арабы, находящіеся на томъ берегу, узнавъ объ этомъ, пришли и неожиданно напали на насъ; мы со всей своей силой бились съ ними четыре дня и четыре ночи, поразили много людей, но напоследокъ они насъ одолѣли и ограбили; кто изъ насъ спасся, оказался ограбленнымъ и босымъ; мы не сумѣемъ болѣе пройти и одного дня пути; сколько насъ теперь, въ четверо больше они

истребили, сокровищъ же отняли столько, что вотъ уже шесть дней какъ они дѣлятъ ихъ между собою, но все жъ остается дѣлить еще двѣ части; и мы остаемся здѣсь, призывая смерть“.

Выслушавъ эти слова, Джимшеръ слѣзъ съ лошади и одному изъ своихъ людей, турку, приказалъ идти къ вожаку арабовъ и рассказать ему отъ имени его о дѣяніяхъ его, о встрѣчѣ съ ограбленными караванщиками, принесшими ему жалобу на грабителей, о просьбѣ его, внука великаго государя, сдѣлать ему честь и вернуть караванщикамъ все отнятое у нихъ добро и его самого отпустить домой съ почетомъ.

Посланецъ, прибывъ къ арабамъ, сосчиталъ 12,000 другъ возлѣ друга разставленныхъ палатокъ, гдѣ сидѣло 80 избранныхъ человѣкъ въ кольчугахъ; въ головахъ ихъ стояли люди съ золотыми жезлами; трое изъ атамановъ сидѣло въ большой палаткѣ; одинъ изъ нихъ былъ среднихъ лѣтъ, другой съ бородою, а третій безъ бороды; не могло быть мужчинъ красивѣе ихъ; одѣты они были въ кольчуги, съ латами на ногахъ; и люди ихъ и лошади были тоже въ кольчугахъ; съ правой и лѣвой сторонъ ихъ сидѣли по 10 богатырей. Привали къ этому атаману Джимшеровскаго посланца и заставили воздать имъ поклонъ. Когда посланецъ передалъ имъ слова господина своего, они, размѣявшись, сказали: „Мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ ни о Диларѣ, ни о Хазаріи, ни о Джимшерѣ, между тѣмъ какъ именемъ нашимъ покрыть весь міръ; страшась насъ, трепещетъ вселенная; если Джимшеръ такой хорошій человѣкъ, какъ ты сказываешь, онъ долженъ былъ самъ явиться къ вратамъ нашимъ, и мы воздали бы ему соотвѣтствующій его достоинству почетъ, слѣдуемое ему предложили бы ему, а онъ могъ или взять себѣ или подарить караванщикамъ; а такъ какъ онъ объявленъ именемъ отца своего и дѣда и, возвышая себя, тре-

буеть вернуть все отнятое и говорить съ нами непристойно, то сомнѣваемся, чтобы онъ, увидя насъ, не раскаялся и не испилъ чашу караванщиковъ“.

Посланецъ вернулся и передалъ Джимшеру слова арабовъ. Джимшеръ былъ вооруженъ; онъ взялъ копье, надѣлъ броню, вскочилъ на лошадь и привалялъ одному человѣку итти къ арабскому атаману и именемъ его связать ему, чтобы они, приславшіе непристойный отвѣтъ, вооружились, всѣ сѣли на коней и ожидали, что будетъ съ ними. Но посланный человѣкъ доложилъ Джимшеру: „Воевать съ ними мы не въ силахъ; ихъ 12,000 человѣкъ, и всѣ они одѣты въ желѣзо; они столь храбры, что можно подумать, что изо рта ихъ извергается огонь, а ихъ три атамана такіе люди, лучше которыхъ еще я не видывалъ!“

Джимшеръ ему замѣтилъ: „Ты перепугался и похожъ на труса!“.

Когда посланецъ явился и сообщилъ арабамъ слова Джимшера, они не удивились, но сказали такъ: „Это какой-то глупецъ!“

Джимшеръ тронулся и мы последовали за нимъ. Будучи сильно разсерженъ, онъ ударилъ на враговъ, перебилъ и опрокинулъ многихъ; воины перепугались (Бебуръ тоже въ тотъ день уложилъ многихъ враговъ).

Атаманы, услышавъ о случившемся, подослали своего человѣка къ Джимшеру и доложили ему: „Убивать этихъ людей не есть геройство: если ты молодецъ, борись съ нами!“

Джимшеръ поскакалъ на конѣ и остановился у дверей атаманской палатки.

Старшій братъ потребовалъ лошадь, чтобы выйти противъ Джимшера, но средній и младшій братья упрашивали его подождать, пока и они соберутся. „Ты одинъ не сумѣешь биться съ нимъ“, говорили младшіе братья старшему.

— „И онъ одинъ, что предопредѣлено свыше, то и сбуй-

дется сейчас“, замѣтилъ старшій братъ, сѣлъ на коня и бросился на Джимшера, но послѣдній, вонзивъ въ него копье и приподнявъ вверхъ, ударилъ его объ землю и убилъ. Прискакалъ и второй братъ, котораго онъ пашкою разсѣкъ на двѣ части, а третьяго брата схватилъ, поднялъ высоко и, продержавъ его въ воздухѣ нѣкоторое время, передалъ намъ, приказавъ связать, самъ же вступилъ въ бой съ арабской конницей. Мы тоже помогли Джимшеру и стали бить враговъ; но въ борьбѣ съ Джимшеромъ никто не могъ сравниться: и воина и лошадь ударялъ онъ другъ объ друга и убивалъ. Такую борьбу еще не приходилось видѣть! Войско противниковъ разбѣжалось, а Джимшеръ занялъ ихъ палатки.

Въ это время пришли караванщики и забрали все, что принадлежало имъ. Джимшеръ много подарилъ и оставшимся тутъ арабамъ, а также безбородому атаману, который получилъ оставшуюся палатку и людей.

— „Клянусь Всевышнимъ Богомъ“, говорилъ атаману Джимшеръ: „я не желалъ смерти твоихъ братьевъ, и они сами на себѣ призвали ее, не исполнивъ моей просьбы“.

Атаманъ припалъ къ ногамъ Джимшера, поцѣловалъ его въ колѣно и простился съ нимъ, оказавъ ему несказанныя почести.

Мы отправились далѣе вмѣстѣ съ караваномъ. Пройдя нѣсколько дней пути, Джимшеръ спросилъ Заварда, начальника каравана: „Кто царь вашъ и откуда вы?“ Доложили ему: „Мы изъ Бѣлаго Сѣвера, а царь нашъ великій государь, владѣтель морей и суши; его дочь прекрасна, красива и свѣтлѣе солнца; небесныя свѣтила у нея заимствуютъ свѣтъ! Ея локоны краснѣе сердцевинны китайскаго мускуса; красотой она превосходитъ обитателей магометанскаго рая и учтивость ея служитъ урокомъ для всѣхъ!“

Джимшеръ, услышавъ такую похвалу царской дочери, прельстился ея красотой: любовь къ царевнѣ стала закрады-

ваться въ его сердце, и Джимшеръ, подобно куропаткѣ, попалъ въ разставленный силокъ. Онъ сказалъ: „Ее надо мнѣ видѣть, если бы даже весь свѣтъ пошелъ противъ меня!“

Поблагодаривъ караванщиковъ и подаривъ имъ много добра, онъ выбралъ изъ среды ихъ 30 человекъ и пошелъ впередъ, а остальнымъ приказалъ медленно слѣдовать за ними.

Отправились мы къ сѣверу. По пути нашего слѣдованія если гдѣ-либо были разбойники, всѣ разбѣжались отъ страха предъ Джимшеромъ. Во многихъ мѣстахъ мы встрѣчали ихъ палатки, въ которыхъ находили всякіе запасы, а также раненыхъ или больныхъ; нѣкоторые изъ нихъ говорили, что они арабы, другіе — что они турки; „Когда мы услышали“, сказывали они: „что направился сюда вглубь Дилара, товарищи наши убѣждали, мы же, не имѣя возможности слѣдовать за ними, остались тутъ“.

Шли мы два мѣсяца и прибыли на неизмѣримо высокую равнину; мы достигли такой большой (широкой) рѣки, противоположный край которой не былъ виденъ; вода ея была столь мутна и имѣла такой вонючій запахъ, отъ котораго на разстояніи цѣлаго поприща человекъ могъ бы потерять сознание. Джимшеръ спросилъ сопровождающихъ насъ сѣверянъ: „Что это за рѣка?“ Отвѣтили: „Это рѣка царя Сѣвера, лучшая изъ всѣхъ рѣкъ. Она называется Эдили ^{*)}“. Мы уже семь лѣтъ какъ путешествуемъ, много разъ видывали эту рѣку, но такую, какъ теперь, никогда. Недоумѣваемъ, отчего она теперь такая!“

Стояли мы тутъ цѣлую недѣлю и изыскивали средство къ переходу чрезъ рѣку. Наконецъ, увидѣли мы въ серединѣ рѣки четырехъ мужчинъ, сидящихъ на поромѣ изъ мѣховъ винныхъ и уносимыхъ внизъ по теченію. Они кричали намъ: „помогите!“ Джимшеръ былъ легко одѣтъ, сейчасъ же сбро-

^{*)} Эдилъ — это татарское названіе рѣки Волги, на берегу которой находился городъ Итиль.

силъ съ себя одежду, спустился въ воду, поплыль, догналь ихъ и, ухватившись за поромъ, потащилъ къ берегу; до полуночи (работая съ утра) онъ успѣлъ причалить къ берегу. Сѣли всѣ ужинать и пить вино. Джимшеръ спросилъ спасенныхъ: „Кто вы такіе, и почему эта рѣка такъ мутна?“

— „У истоковъ этой рѣки“, докладывали они: „появился дэвъ, который въ годъ разъ мутитъ воду этой рѣки, и тогда не можетъ по ней ходить ни корабль ни поромъ; тотъ дэвъ губитъ все. Мы съ большимъ числомъ товарищей собрались и неведомъ изловили множество зубастыхъ рыбъ. Товарищи наши, замѣтивъ возмущеніе воды, ушли и спаслись; мы же, ослѣпленные жадностью къ наживѣ, не обратили вниманія на опасность и остались; вдругъ ударила въ нашъ поромъ волна и, разорвавъ веревку, унесла его внизъ; вотъ уже четыре дня, какъ несетъ насъ вода. Плавать мы знаемъ очень хорошо, но вонь, сообщенная водѣ дэвомъ, такая, что можетъ задуть человѣка; вы находитесь подъ покровительствомъ Бога, а то не могли бы плыть по рѣкѣ“.

Джимшеръ приказалъ имъ отвести его къ дэву. Они пошли впередъ, а мы за ними. Джимшеръ спросилъ ихъ, какъ далеко находится обиталище дэва?

— „Истокъ этой рѣки“, говорили они: „прорывается чрезъ скалу, а затѣмъ рѣка проходитъ по котловинѣ и въ ней водится дэвъ“.

Ночью мы прошли много полей и лѣсовъ. На вопросъ Джимшера: „Много ли еще остается до дэва?“ они отвѣтили, что остается пройти два раза больше пройденнаго. Джимшеръ сурово сказалъ имъ, что онъ бы обезглавлялъ ихъ, если бы они не были спасены имъ же. Они же осмѣлились доложить, что сильно боятся дэва, но сегодня ночью или же завтра непременно приведутъ его къ обиталищу дэва.

Къ разсвѣту показалось имъ мѣсто, поросшее камышомъ.

— „Чье это мѣсто?“ спросилъ проводниковъ Джимшеръ.

— „Это мѣсто охоты дѣва“, отвѣчали они: „а что тамъ виднѣется красное, это пещера, въ которой послѣ охоты отдыхаетъ онъ вмѣстѣ со многими другими дѣвами“.

Услышанное вывело Джимшера изъ терпѣнія. Насъ оставилъ онъ тутъ же, а самъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ и поджегъ все камышевое пространство. Дѣвъ, увидѣвъ его, взялъ въ руки кнутъ и приказалъ двумъ другимъ дѣвамъ слѣдовать за собою, но при видѣ усилившагося пожара, жгучій огонь прошелъ по сердцу его и глаза его устремились къ пылавшему огню. Джимшеръ подошелъ къ дѣву съ другой стороны. Увидя Джимшера, дѣвъ обмеръ, такъ какъ подобнаго чело-вѣка ему еще не приходилось видѣть. Джимшеръ бросился на него съ ожесточеніемъ и съ быстротою молніи. Дѣвъ взялся за кнутъ, но Джимшеръ швырнулъ въ его грудь джититовочную палку, которая, пробивъ хребетную кость дѣва, прошла сквозъ него; дѣвъ тоже ударилъ кнутомъ по спинѣ лошадь Джимшера и, сравнивъ съ землею ее, сбросилъ сѣдока. Джимшеръ направился къ намъ; глаза его наполнились кровью, колѣна подкашивались; несмотря на это, онъ протеръ глаза руками, но, оглянувшись назадъ и увидя, что дѣвъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, подбѣжалъ къ нему и ударомъ шашки тамъ же свалилъ его. Находящіеся съ нимъ дѣвы, увидѣвъ Джимшера, разбѣжались вмѣстѣ со всѣми другими дѣвами, которыми сообщили о случившемся.

Джимшеръ тихимъ шагомъ направился къ обиталищу дѣва. Навстрѣчу ему пошелъ и его отрядъ. Всѣ стали обвиваться у ногъ лошади героя и поздравлять его съ побѣдою. Войдя въ дѣвскую пещеру, мы нашли въ ней 40 комнатъ, полныхъ золота и драгоценныхъ каменьевъ, со множествомъ рѣдкаго оружія, кольчугъ и брони. Остались мы тутъ цѣлую недѣлю на отдыхъ. Всѣ сокровища Джимшеръ подарилъ бывшимъ съ нами туркамъ, выбравъ изъ нихъ самыя

рѣдкіе драгоцѣнные каменья для своей невѣсты ³⁹⁾; онъ и рыбакамъ подарилъ много и затѣмъ спросилъ ихъ: „Какъ лучше ѣхать, по сушѣ или по водѣ?“

— „По сушѣ“, отвѣтили они. Мы послушались ихъ и отправились дальше. Куда мы ни прибывали, вездѣ и всѣмъ правилси Джимшеръ, которому оказывали большія почести. Встрѣтили мы какихъ-то высокопоставленныхъ лицъ. Джимшеръ спросилъ ихъ о царѣ Сѣвера. Они отвѣтили: „Это не имѣющій равнаго себѣ государь! Царь нашъ великъ и силенъ, но не имѣетъ сына; у него есть только одна дочь, раскрывшаяся подобно утренней розѣ, прекрасная какъ солнце; блескъ ея уподобляется блеску 15-дневной луны; глаза ея, какъ чернильная гуща, брови вытянулись подобно луку; человекъ, какъ бы онъ ни былъ крѣпокъ сердцемъ, при видѣ ея тотчасъ же лишается чувствъ. Тронъ отца своего она считаетъ своимъ, а царь желаетъ передать его сыну своего брата. Тому отроку теперь 9 лѣтъ, и для него старается царь; по этой причинѣ между ними происходятъ нескончаемыя смуты и борьба. Являются царевичи, чтобы сосватать ее. Она называется Камарлухъ ⁴⁰⁾ и имѣетъ свою крѣпость и многихъ богатырей. Между этими богатырями и прибывающими женихами происходятъ состязанія, во время которыхъ однихъ убиваютъ, другихъ грабятъ и третьихъ выгоняютъ вонъ“.

Джимшеръ поблагодарилъ рассказчика и подарилъ ему хорошую одежду, а онъ продолжалъ говорить: „Несравненный юноша! подобный тебѣ герой еще не являлся и не явится!“.

Это высокопоставленное лицо былъ Десамсонъ, которо-

³⁹⁾ Въ „Барсовой Кожи“ Ш. Руставели главный герой поэмы Таріель тоже убиваетъ дѣвоу и овладѣваетъ ихъ несмѣтными сокровищами, которыя впоследствии даритъ своей невѣстѣ Нестанъ-Дареджанъ.

⁴⁰⁾ Камарлухъ арабское слово съ татарскимъ окончаніемъ: Камаръ — арабскія луна, а Камарлухъ — лунный, лунообразный.

му Джимшеръ приказалъ быть нашимъ путеводителемъ и повелѣлъ повести насъ къ своему царю. Онъ пошелъ впередъ, а мы послѣдовали за нимъ. Куда онъ насъ ни завозилъ, вездѣ встрѣчали насъ торжественно. Десамсонъ, опередивъ насъ, прибылъ къ царю своему и сообщилъ ему о цѣли нашего путешествія. Онъ выслалъ навстрѣчу своего племянника, такого молодца, подобнаго которому нельзя было видѣть. Приблизившись къ намъ, онъ спрыгнулъ съ коня; то же самое сдѣлалъ и Джимшеръ, и они оба обняли другъ друга и, подобно любимымъ братьямъ, распцѣловались; племянникъ царя поцѣловалъ Джимшера и въ руку. Затѣмъ прибыли и высокопоставленные люди, поклонились Джимшеру и, предшествуя намъ, взяли насъ въ царскую палату, гдѣ мы и остановились. Подали намъ закуску, пищу и питье; вошли къ намъ и поэты-пѣвцы. Цѣлыя сутки мы провели въ веселіи. На другой день Джимшеръ представился великому государю Сѣвера—„хакану“ Амрану, который вышелъ къ нему навстрѣчу и, взявъ за руку, ввелъ въ свои чертоги. Въ тотъ день онъ не отпустилъ его, но устроилъ въ честь его пиръ. Джимшеръ очень понравился всѣмъ, и подарили ему множество одѣяній.

На слѣдующій день царь послалъ челоуѣка къ своей дочери и велѣлъ ей сказать: „Дитя мое! я искалъ для тебя мужа, который превосходилъ бы всѣхъ героевъ и богатырей, и вотъ нашелъ юношу такого, съ которымъ никто не можетъ сравниться ни происхожденіемъ ни героизмомъ. Выйди замужъ за этого не имѣющаго себѣ равнаго царевича!“

Тяжеко стало царевнѣ отъ такого приказанія отца, горько заплакала она и передала посланцу сказать матери и отцу: „Съ рожденія моего вы относились ко мнѣ милостиво и разрѣшали мнѣ пользоваться свободою. Если кто окажется такимъ, что сумѣетъ управлять престоломъ, не потребую отъ него ни борьбы ни испытанія; если же думаете выдать меня въ чужой край, то юноша (женихъ) долженъ быть такимъ,

который могъ бы одолѣть слона кулакомъ, который видѣмъ своимъ превосходилъ бы солнце, сердце имѣлъ бы подобное солнцу, а ростъ—подобный кипарису. Этотъ же юноша меня не возьметъ безъ борьбы! Если онъ одолѣетъ моихъ богатырей и возьметъ мою крѣпость, то тогда воленъ взять меня куда ему угодно: я буду его женой и на чужбинѣ и въ плѣну!“

Выслушавъ слова дочери, царь прислалъ сказать Джимшеру: „Богъ видитъ, что мнѣ не хотѣлось бы испытывать тебя, и если ты женишься на моей дочери, то, будучи усыновленъ мною и живя съ моимъ племянникомъ благожелательно, борьбы не потребуетъ отъ тебя, и дочь моя принадлежитъ тебѣ; если же нѣтъ, то ты долженъ вступить въ бой въ боватырями крѣпости, взять самую крѣпость, побѣдивъ гарнизонъ ея, и послѣ всего этого увезти царевну“.

Царскія условія принесъ Десамсонъ и сообщилъ Джимшеру, который велѣлъ доложить царю слѣдующее: „Великій государь! Прежде всего приношу вамъ мою благодарность за ту столь великую милость, что уступаете мнѣ свой тронъ! Да дастъ Богъ царствованію вашему 1000-лѣтнее долгоденствіе! Если царевна не хочетъ покинуть свою страну, то могу ли покинуть свою я!? Женщина вообще, а тѣмъ болѣе сидящая на тронѣ, вышедшая замужъ за неиспытаного въ борьбѣ человѣка, постоянно будетъ недовольна мужемъ; и я не допущу себѣ жениться на вашей дочери безъ боя! Если бы даже у васъ было 1000 героевъ и если бы вы выдали за меня царевну безъ боя, и въ томъ случаѣ безъ предварительной борьбы я не женился бы!“

Такой отвѣтъ Джимшера весьма понравился царю. Рѣшено было устроить бой на другой же день.

Привели въ порядокъ ристалище. Явились зрители. Царица и царь взошли на высокія плоскія крыши и посадили возлѣ себя высокопоставленныхъ лицъ. Пришли и горожане, а также барабанщики и трубачи. Дали сигнальный

знакъ. На нашей сторонѣ стали вооружаться Джимшеръ; онъ надѣлъ на себя вольчугу и шлемъ съ забраломъ дэвскаго царя, 25 кнутовъ воткнулъ себѣ за поясъ и съ конемъ своимъ съ ногъ до головы заковалъ себя въ желѣзо, такъ что походилъ на черную желѣзную гору. Всѣ сказали, что на лицѣ земли нѣтъ подобнаго героя! Съ другой стороны выступилъ богатырь царевны, именемъ Кавтаръ, такъ стремительно, какъ спускается потокъ съ крутизны, и, протянувъ копье къ ушамъ коня, направился къ Джимшеру. Послѣдній и не удивился и не испугался, а когда приблизился противникъ и поднялъ копье, то ударомъ кнута разбилъ копье на двѣ части, а его самого поднялъ съ сѣдла вверхъ и держалъ въ воздухѣ долго. Кавтаръ умолялъ Джимшера не убивать его и онъ тихо-тихо посадилъ его на землю. Затѣмъ онъ призвалъ кнутовщиковъ, заставилъ ихъ подать коня въ золотой сбруѣ, посадилъ на него Кавтара и сказалъ ему: „Побѣдилъ-то я; если хочешь, слѣдуй за мной, а если нѣтъ, то отправляйся въ крѣпость!“ Кавтаръ поцѣловалъ его въ руку и отправился въ крѣпость. Бой Джимшера понравился всѣмъ, и онъ пошелъ ночевать.

Къ утру опять всѣ заняли свои мѣста вмѣстѣ съ царицей, царемъ, барабанщиками и трубачами. Дали сигналъ. Съ ихъ стороны выступилъ другой богатырь, именемъ Атаманъ, а съ нашей— Джимшеръ. Обступили они другъ друга. Ударомъ шапки Джимшеръ отрубилъ голову коню своего противника, который упалъ на землю. Джимшеръ схватилъ его за обѣ руки, какъ какого-нибудь мальчугана, и сказалъ ему: „Зачѣмъ ты безпокоился!“ И онъ, подаривъ ему коня, выпроводилъ его.

Вышли зрители и въ третій день въ томъ же порядкѣ, какъ и въ прежніе дни. Съ одной стороны выступилъ Джимшеръ во всеоружіи, а съ другой—Атамини. Джимшеръ замахнулся копьемъ и надѣлъ на него коня противника

такъ, какъ надѣвается шашлыкъ на вертель. Тогда съ боку выскочилъ Барамъ и поднялъ надъ Джимшеромъ шашку, но послѣдній, схвативъ его за руку, повалилъ на землю и сказалъ: „Васъ обоихъ я легкомогъ бы перебить кулакомъ или кнутомъ, но этого не сдѣлаю!“ Сказавъ это, онъ посадилъ ихъ на коней и выпроводилъ въ крѣпость. Однако Барамъ остался тутъ же, сказавъ Джимшеру: „Мнѣ желателенъ такой господинъ, какъ ты!“ Царь Сѣвера воскликнулъ: „Герой этотъ долженъ бы называться не Джимшеромъ, а Армокла-Чабукомъ (и съ тѣхъ поръ его называли Армокла-Чабукомъ)“ ⁴¹⁾.

На четвертый день, какъ только зрители заняли свои мѣста и предстали барабанщики и трубачи, выступили на ристалище Армокла-Чабукъ и четыре богатыря. Послѣдние напали на Джимшера неожиданно, но онъ ихъ всѣхъ скрутилъ и, посадивъ на коней, выслалъ въ крѣпость. Побѣдитель торжественно возвратился домой. Царь прислалъ ему хорошія одежды и подарки.

Въ ту ночь царица прислала къ Джимшеру начальника своихъ рабынь и чрезъ него сказала герою: „Вижу, на лицѣ земли нѣтъ такого героя, какъ ты, и мнѣ желателенъ подобный тебѣ мужъ! Ты ужъ доказалъ свою храбрость, но предлагаю тебѣ совершить еще одинъ подвигъ: здѣсь, на морскомъ островѣ, завелся великій драконъ, который причиняетъ вредъ нашимъ караванамъ. Завтра знающіе путь туда причалятъ съ лодкой, сядь въ нее и, отправившись туда, убей дракона и тогда всѣ твои просьбы будутъ удовлетворены“.

Посланцу царицы Джимшеръ сказалъ: „Отъ имени моего доложи солнцу непорочному и дарующему жизнь: поручаете мнѣ сослужить вамъ службу,—я ли не исполню ее!“ Затѣмъ онъ подарилъ тому посланцу столько драгоцен-

⁴¹⁾ Ар (не)-мокла (убивай)-чабуки (герой, юноша), букв. „Не убивай, герой“.

ныхъ камней, что ему тяжело стало подъ этой ношей. Павши на землю и поклонившись Джимшеру, посланецъ отправился домой.

Своимъ войскамъ и героямъ Джимшеръ сообщилъ все, что было приказано царвною. Барамъ, ударивъ себя по головѣ, сказалъ ему такъ: „Вы не вѣдаете, что царвна, желая занять тронъ отца, не будетъ горевать, если вамъ измѣнить! Итти не совѣтую, а если пойдете, то возьмите и меня. Если бы дѣйствительно драконъ существовалъ тутъ, я услышалъ бы что-либо объ немъ; между тѣмъ никому ничего не известно о драконѣ, и это вѣрно, что замышляютъ измѣну!“.

— „Не говори такъ“, замѣтилъ ему Джимшеръ: „клянусь моимъ солнцемъ, не итти мнѣ нельзя! Разъ я выразилъ свое согласіе, могу ли не исполнить его! Если я тебя возьму съ собою, то царвна придерется и скажетъ: взялъ моего богатыря и его заставилъ убить дракона! Не печалься ни о чемъ!“

Черезъ тотъ городъ протекала рѣка; ее можно было перѣхать только на лодкѣ. На разстояніи 6 поприщъ (начиная отъ города) она впадала въ море.

Къ утру причалили съ лодкой. Положивъ въ нее два перевязанныхъ оружія, Джимшеръ сѣлъ и поѣхалъ. Лодкою управляли 10 лодочниковъ. Въ тотъ день все плыли впередъ. Когда лодка удалилась отъ города, Барамъ на двухъ коняхъ отправился къ морю и сталъ ходить по его берегу.

Къ вечеру лодочники остановили лодку. Джимшеръ спросилъ ихъ, почему они остановились.

— „Господинъ!“, отвѣтили они: „эту ночь пробудемъ тутъ, а утромъ привеземъ тебя къ дракону, который водится на островѣ, находящемся посрединѣ этого моря“.

Армокла повѣрилъ имъ, приказалъ подать ужинъ и, поужинавъ, легъ спать спокойнымъ сномъ. Ночью лодочники, выкравъ у него все оружіе, переложили его въ другую

лодку, а затѣмъ, вынувъ одну изъ досокъ лодки, на которой спалъ Джимшеръ, сами отчалили обратно.

Джимшеровская лодка стала наполняться водой: онъ проснулся и испугался. Приподнявъ свое платье къ головѣ, царевичъ бросился въ море и поплылъ въ ту сторону, откуда они пріѣхали. Съ берега Барамъ смотрѣлъ въ море подзорной трубой ⁴²⁾ и, замѣтивъ въ немъ что то похожее (на Джимшера), сбросилъ съ себя платье, а съ лошадей сбрую и спустился въ море; проѣхавъ вплавъ по водѣ двѣ версты, онъ увидѣлъ господина своего Армокла, который съ трудомъ двигался ослабѣвшими руками. Мерабъ воскликнулъ: „Змѣй готовился проглотить луну!“ ⁴³⁾ Затѣмъ онъ крикнулъ Джимшеру: „Царевичъ, взберись на эту лошадь!“ Узнавъ голосъ Мераба, Армокла расхрабрился и, что было силъ, подпрыгнувъ и вскочилъ на спину лошади. Барамъ повернулъ назадъ и къ вечеру они вышли на сушу, одѣлись и поѣхали въ городъ.

По дорогѣ Мерабъ говорилъ царевичу: „Тебя Богъ спасъ отъ измѣны царевны; число желающихъ выйти за тебя замужъ не изсякнетъ и потому откажись отъ нея“.

— „Такъ не говори, пожалуйста“, возразилъ Армокла: „хочешь, позаботься о чемъ-либо другомъ“.

Лодочники, доставивъ въ городъ доспѣхи Джимшера, объявили, что онъ утонулъ въ морѣ. Это извѣстіе обрадовало живущихъ въ крѣпости: барабанный бой и трубные звуки возвѣщали всѣмъ о ихъ радости. Объ измѣнѣ царевны царь и горожане говорили такъ: „Какъ это она утопила такого неподобнаго героя? Какъ она не пожалѣла его за его про-

⁴²⁾ Подзорная труба на древне-грузинскомъ языкѣ называется сатхоло (теперь у свановъ сатхал., букв. очки (thоли, глазъ).

⁴³⁾ Изъ грузинскаго народнаго повѣрья, основаннаго на томъ, что будто затменіе луны происходитъ отъ того, что змѣй (драконъ) силится проглотить ее.

исхождение или за героизм? Во всемъ мірѣ не было такого статнаго героя! Онъ превосходилъ собою утреннюю зарю! — Такъ оуждали и срамили царевну.

Людей же Армоклы до третьяго дня оставили въ невѣдѣніи: ничего о случившемся не сказали. Когда же они узнали, барабанщики ударили въ барабаны, трубачи затрубили въ трубы. Горожане, услышавъ барабанный бой и трубные звуки, говорили: „Овазывается, таковъ ихъ обычай объявлять о смерти усопшаго музыкальными инструментами!“ Царь и царица, увѣрившись въ смерти Армоклы, очень опечалились. Какъ разъ въ это время показался Армокла. Увидѣвъ его, всѣ благодарили Бога; сама царевна, увидя царевича, произнесла; „Благодарю Бога, что этотъ, не имѣющій равнаго себѣ, герой не погибъ отъ моей руки!“ Затѣмъ она, призвавъ людей своего гарнизона, сказала имъ: „Вамъ вѣдомо, какую вину я имѣю предъ тѣмъ героемъ! Позаботьтесь, чтобы онъ не взялъ нашу крѣпость, такъ какъ я его презираю!“ Они отвѣтили ей: „О, великая царевна, мы издерживали ваше хорошее золото въ ожиданіи того дня, когда или онъ долженъ былъ перебить насъ, или мы должны были уложить его“. Въ этихъ угрозахъ не принимали участія уже состязавшіеся съ Джимшеромъ воины, которые въ ту же ночь прислали человѣка и чрезъ него сказали Джимшеру: „Мы помнимъ оказанное тобою благодѣяніе. Что за человѣкъ тотъ, котораго разъ побѣдили, а онъ и въ другой разъ лѣзетъ въ борьбу! Это—срамъ! Мы овладѣемъ однимъ изъ фортовъ, и вы подоспѣвайте туда же къ утру“.

Армокла, вооружившись доспѣхами, бросился къ крѣпости съ ловкостью тигра. Внутри крѣпости послышался голосъ условившихся съ нимъ молодцовъ, которые говорили между собою: „Армоклу сдѣлаемъ господиномъ нашимъ!“.

Ловкимъ взмахомъ Джимшеръ набросилъ арканъ на верхнюю оконечность башни и стремительно вскарабкался вверхъ;

оттуда многие осыпали его камнями, но эти камни не причиняли ему вреда, такъ какъ, ударяясь о броню его, отскакивали назадъ и убивали самихъ же враговъ. Поэтому скоро всѣ попрятались. Армокла, дойдя до воротъ, ударомъ кнута расщепилъ желѣзные ворота и ворвался въ крѣпость. Царевна-свѣтило сидѣла на тронѣ и при ней было 40 ея рабынь. Армокла, подойдя къ ней, взялъ ее за подбородокъ, поцѣловалъ въ солнечное лицо и сказалъ такъ: „Клянусь Всевышнимъ Богомъ, будучи такимъ свѣтиломъ и такую прекрасной, ты должна бы быть въ стократъ бдительнѣе!“ И онъ прижалъ ее къ груди, и любезно они обнялись обое.

Затѣмъ явилась въ крѣпость царица, которую встрѣтили у входа. Она расцѣловала всѣхъ. Прибылъ и царь, похвалилъ Армоклу и поздравилъ съ побѣдой.

Въ тотъ же день ихъ взяли во дворецъ и сыграли свадьбу. Ни одинъ юноша и ни одна дѣвица не могли сравниться съ новобрачной четой! Свадьба длилась 40 дней. Всѣ устали, раздавая подарки изъ царской сокровищницы.

Затѣмъ Армокла сталъ прощаться. Царь поручилъ ему свою дочь. Приданое ея состояло изъ тканной и нетканной парчи, драхмъ и драгоценныхъ камней, что навьючено было на 500 верблюдовъ, 1000 муловъ, 200 златосбруйныхъ лошадей; 400 рабовъ и рабынь съ золотыми поясами тоже входили въ составъ ея приданого. 30,000 воиновъ подъ предводительствомъ царскаго племянника назначены были для сопровожденія новобрачной четы на разстояніе 3-дневнаго пути.

Ночь предъ отъѣздомъ царь и царица провели со своею дочерью. Утромъ, при прощаніи царевна начала плакать, и царица тоже, плача, говорила ей: „Дитя мое, должны плакать мы, такъ какъ остаемся бездѣтными, а тебя увозить такой славный герой! Плакать непристойно тебѣ!“ Простив-

шись со всѣми, мы пустились въ путь. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ Армоклой былъ убитъ дѣвъ, нашли множество сокровищъ и, навьючивъ все на животныхъ, пошли дальше и прибыли туда, гдѣ Армоклой были перебиты арабы, а отсюда перевалили на то мѣсто, гдѣ имъ же сраженъ былъ змѣй. Тутъ вышли намъ навстрѣчу туземцы. Всѣ радовались. Вся страна была возобновлена. Воздвигнуты были такія зданія, лучшаго которыхъ не могло быть. Страна эта понравилась дочери сѣверянъ. Устроили свадебное пиршество и веселились 10 дней. Выступивъ и отсюда, впередъ послали въ качествѣ вѣстника Абрамисдвѣ, поручивъ ему сообщить царицѣ Раоденъ о женитьбѣ Джимшера-Армоклы на дочери царя Сѣвера и о возвращеніи его съ большимъ богатствомъ.

Сообщеніе это вызвало тамъ всеобщее удовольствіе. Собрались богатыри, ударили въ барабаны и затрубили въ трубы. Сама царица Раоденъ и Мерабъ съ Куломъ и войскомъ выступили навстрѣчу царевичу. Встрѣтившись съ нами, всѣ слѣзли съ коней и, привѣтствуя Джимшера, поклонились ему и осыпали его золотомъ. Царица Раоденъ, подойдя къ сыну, обняла его и отъ радости стала проливать слезы. Армокла сказалъ ей: „Я премного виновенъ предъ вами, но мою вину смоетъ сія дочь царя Сѣвера“. Подошли царицы другъ къ другу и расцѣловались. Затѣмъ отправились въ городъ и праздновали свадебное пиршество въ продолженіе 60 дней. Торжество было такое, какого человѣческой глазъ еще не видывалъ. Затѣмъ царевича сѣверянъ и все его войско отпустили, одаривъ ихъ богато и давъ имъ рѣдкія и драгоценныя сокровища. Мерабу же подарили для княженія городъ, гдѣ Армоклой былъ убитъ змѣй. Такъ всѣ проводили жизнь въ веселіи, удовольствіяхъ, пиршествахъ и отдыхѣ.

Въ это время прибылъ Абрамъ, братъ Мзечабука, царя хазарцевъ, и принесъ отъ него письмо съ поздравленіемъ съ побѣдою и въ подарокъ множество драгоценныхъ камней. При-

ятно стало Армоклѣ-чабуку и онъ съ своей стороны велѣлъ передать Мзечабуку: „Я молодъ и самъ приѣду навѣстить васъ и сестру свою, вы же оставайтесь дома!“

Затѣмъ онъ выбралъ 30,000 воиновъ и, взявъ съ собою и царицъ, отправился въ Хазаретію. Туда предшествовалъ намъ хазарскій князь. Шли два мѣсяца и вступили въ царство Мзечабука. Встрѣчали насъ всюду, всѣ кланялись Армоклѣ, хвалили его и дарили много. Армокла спросилъ Абрама: „Какъ далеко отсюда Хазаретія? Сколько дней пути въ эту сторону?“

— „Дней чрезъ 30 прибудемъ туда“, отвѣтилъ Абрамъ. Когда мы прошли 20-дневное разстояніе, все населеніе, выйдя навстрѣчу и припадая предъ Армоклою, говорило, что онъ внукъ великаго царя Дилара.

Пройдя еще пять дней пути, встрѣтили мы Мзечабука, вышедшаго навстрѣчу съ князьями, дочерью хазарскаго царя ⁴⁴⁾ и своей матерью. Увидѣвъ другъ друга, люди Армоклы начали привѣтствовать людей Мзечабука, а люди Мзечабука людей Армоклы; когда же сами цари увидѣли другъ друга, то сначала слѣзъ съ коня Армокла, а потомъ Мзечабукъ, и бросились другъ другу въ объятія и расцѣловались сладко; затѣмъ сѣвъ на коней, стали въ сторонѣ. Потомъ встрѣтились другъ съ другомъ царицы, свѣточа міра, и, сладостно поцѣловавшись, тоже посторонились. Затѣмъ Армокла-чабукъ, подойдя къ дочери хазарскаго царя Хосроя, обнялъ ее, расцѣловалъ, осыпалъ драгоценностями и поздравилъ. Ту ночь они провели въ палаткахъ, а затѣмъ въ продолженіе трехъ сутокъ тутъ же пировали и отдыхали. Послѣ того мы всѣ тронулись въ путь и доѣхали до хазарскаго города, который весьма понравился намъ (Слава его не имѣетъ конца!). Прибыли мы въ удивительный казенный домъ, въ которомъ

⁴⁴⁾ Она была дочь хазарскаго царя Хосроя.

ту ночь провели въ весельѣ, питьѣ и ѣдѣ. На слѣдующій день пригласили насъ въ лучшей домъ и угостили и развеселили насъ лучше вчерашняго. За столомъ въ этомъ домѣ сидѣло 3,000 человекъ, которыхъ Мзечабукъ одарилъ щедро; царицы тоже одарили другъ друга.

Раздавали дары, ѣли и пировали, когда Мзечабукъ произнесъ: „Хочу вступить въ бой, господа, съ новымъ богатыремъ, который пусть не подозрѣваетъ, что я скуплюсь на раздачу своихъ сокровищъ!“ Армокла шепнулъ своимъ рабамъ, что и онъ хотѣлъ бы бороться съ Мзечабукомъ, если бы кто доложилъ объ этомъ ему, а затѣмъ, обратясь къ Абраму, поручилъ ему привести въ исполненіе его желаніе.

Когда мы сидѣли за однимъ пиршествомъ, Абрамъ всталъ и, наполнивъ двѣ чашки виномъ, одну подаль Мзечабуку, а другую Армоклѣ-чабуку и сказалъ обоимъ: „Выпейте! конецъ одинъ: оба имѣете желаніе вступить въ бой“.

— „Онъ угадалъ!“ сказали они оба въ одинъ голосъ, опорожнили чашки и условились испытать другъ друга на другой же день. Царицы, узнавъ объ этомъ, обидѣлись и разсердились на Абрама и стали плавать. Однако бой былъ рѣшенъ.

На другой день разукрасили ристалище рѣдкими парчами. Пришли царицы, которыя горько плакали и просили Бога спасти обоихъ борцовъ. Явилось также войско, прибыли и порожане, предстали барабанщики и трубачи. Съ обѣихъ сторонъ слышенъ былъ топотъ, страшились всѣ, предвидя смерть одного изъ нихъ или же недовольство побѣжденнаго на побѣдителя. Но отговорить ихъ не смогли, и они вышли на ристалище, тяжело вооруженные, взявъ съ собою по 40 жеребцовъ. Обступивъ другъ друга, начали они биться, и борьба того дня кончилась мирно: Мзечабукъ свалилъ подъ Армоклою всѣхъ 40 жеребцовъ, послѣдній же подъ первымъ только 30; побѣда осталась за Мзечабукомъ. Въ ту ночь они разошлись, но на другой день опять предстали предъ зрителями, занявши-

ми мѣста въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера. Теперь у нихъ было по 60-ти коней. Въ этотъ день Армокла убилъ всѣхъ 60 коней, а Мзечабувъ только 50. Побѣда осталась за Армовлой. Они разошлись по домамъ.

Въ народѣ начался споръ: одни превозносили того, а другіе другого. Что же распространяться! До убіенія 400 коней побѣждалъ то одинъ, то другой, но однажды, сидя за столомъ, оба затѣяли горячій споръ и разошлись, угрожая другъ другу беспощаднымъ боемъ.

Въ слѣдующій же день вышли на ристалище зрители, предстали барабанщики и трубачи, выступилъ и Мзечабувъ на бѣломъ жеребцѣ, имѣя на всѣхъ опасныхъ частяхъ тѣла желѣзо (одѣяніемъ своимъ онъ походилъ на черную желѣзную гору!); на немъ висѣли и три шапки. Съ нашей стороны выступилъ Армокла-чабувъ на конѣ; джигитовочная палка его висѣла на сѣдлѣ, кнутъ дѣвскаго царя былъ у него за поясомъ, его же шлемъ прикрывалъ ему голову, арканъ изъ китовой кожи висѣлъ у него на поясѣ. Обѣ царицы громко стали рыдать, и войско тоже плакало и тревожилось. Армокла также имѣлъ при себѣ три шапки. Обступивъ другъ друга, кривнули они страшнымъ голосомъ и бросились другъ на друга. Сначала дрались копытами, а когда ихъ переломили, то обнажили шапки, но ударомъ одной объ другую и ихъ поломали. Тогда пустились въ рукопашную и стали затѣмъ драться на коняхъ; стрѣла, пущенная Мзечабукомъ, попала въ лобъ коня Армовлы, прошла сквозъ него и вылетѣла у хвоста. Прежде чѣмъ конь свалился, герой успѣлъ спрыгнуть. Подали ему другого коня, но стрѣла Мзечабука и у него раздробила реберную кость и прошла насквозъ таеъ, какъ черезъ какое-нибудь платье. Конь упалъ, но удалецъ, спрыгнувъ съ него, вскочилъ на третью лошадь. Вновь пущенная стрѣла попала ей въ грудь и вонзилась до лопаточной кости. Она свалилась, а Армовла, отскочивъ далеко, пустилъ

джиготовочную палку, которая, попавъ въ лошадь противника, переломила ей спину. Лошадь троекратно перекувыркнулась и упала. Оба остались пѣшими. Они дрались до вечера, но безуспѣшно. Затѣмъ опять вскочили на коней. Мзечабукъ, сидя на конѣ, крикнулъ: „Новоявленный храбрецъ и новоявленный несравненный богатырь, остерегайся! Если даже кнутомъ своимъ ударю объ гору, что возлѣ тебя, то сомнѣваюсь, чтобы я ее не сокрушилъ!“ И съ жестокосердіемъ махнулъ онъ кнутомъ. Армогла прикрылъ голову щитомъ. Кнутъ попалъ въ щитъ съ такою силой, что, клянусь вашей головой, ударъ его похожъ былъ на трескъ грома! Удивилось всякое духаніе тому, что отъ этого удара щитъ лопнулъ, хусруджановская броня, никогда не поддававшаяся ломкѣ, разбилась вдребезги, да сверхъ того и у самого Армоглы закружилась голова: онъ чуть было не упалъ съ лошади, хотя при этомъ не произнесъ ни одного звука.

Теперь Армогла погналъ впередъ своего коня и, держа въ рукѣ сложенный арканъ, крикнулъ противнику: „Много разъ побѣждавшій, прославленный богатырь, берегись корошенько! Этимъ арканомъ если бы я зацѣпилъ великую гору Капи (كاف) ⁴⁵⁾, то и ее снялъ бы съ основанія, но я не осмѣлюсь употребить его противъ тебя, коня же твоего не пощажу!“ Забросивъ одинъ конецъ аркана, онъ вдѣлъ его на голову мзечабуковскаго жеребца и потянулъ къ себѣ со скрежетомъ зубовъ. Мзечабукъ, вида, что Армогла потащилъ къ себѣ коня съ нимъ вмѣстѣ, прыгнулъ съ него, схватилъ его за хвостъ и, упершись объ землю, потянулъ его назадъ. Послѣ этого Армогла какъ ни тянулъ коня, но ни на шагъ не могъ сдвинуть его; наконецъ, онъ потащилъ его съ такою силой, что

⁴⁵⁾ Великая гора Капи, вѣроятно, горы „Кавказъ“, называемыя у тюрковъ Капкой („Капкой“ не есть ли измѣненная форма тюркскаго сложнаго слова „Капы-Каписа“, означающаго *врата, врата врата?*).

хвостъ лошади, оторвавшись у основанія, остался въ рукахъ Мзечабука; лошадь же Армокла притащилъ къ конюхамъ. Видя это, сошли на ристалище всё четверо царицъ, причемъ царицы со стороны Мзечабука обняли Армокла, а со стороны Армокла Мзечабука и, плача и проливая слезы, сказали имъ: „Зачѣмъ убиваете другъ друга? Ей Богу, вы оба хороши и безподобны!“ Эти слова угомонили ихъ и они разошлись.

Три дня они отдыхали. Затѣмъ Мзечабукъ, пригласивъ всѣхъ высокопоставленныхъ особъ, устроилъ пиръ. Прибылъ на пиръ и Армокла; онъ хотѣлъ поцѣловатьъ руку Мзечабука и всѣмъ говорилъ, что его побѣдилъ Мзечабукъ; этотъ же твердилъ, что онъ его не побѣждалъ. Армокла замѣтилъ: „Какъ же не побѣдилъ? Развѣ не помнишь, что подо мною ты убилъ трехъ коней, послѣ чего я уже не могъ пустить въ ходъ оружія!“ Мзечабукъ добавилъ: „А ты моего жеребца и меня вмѣстѣ съ нимъ притащилъ!“ Армокла возразилъ: „Ты на головѣ моей разбилъ вдребезги броню и щитъ дѣвскаго царя!“ Тотъ еще сказалъ: „А ты моего коня съ оторваннымъ хвостомъ доташилъ до конюховъ! Клянусь Всевышнимъ Богомъ, что я не совершалъ подвиговъ больше тебя и не позволю никому утверждать, что побѣдилъ я!“ И они разцѣловались. Всѣ войска и горожане говорили, что подвиги ихъ равны.

Все это, что я вамъ изложилъ, Ибнобадъ докладывалъ Амирану и Сепедавле.

Бебуръ, братъ Абрама, находился при Джимшерѣ. Взирь Абрамъ о всѣхъ дѣлахъ Джимшера докладывалъ Бебуръ, а этотъ Мзечабуку. Мы тоже узнали, что Мзечабукъ, раздѣливъ Хазаретію на двѣ части, долю Дилара уступилъ Армоклѣ-чабуку, другую же половину оставилъ себѣ. Такова полная повѣсть о Мзечабукѣ и внуцѣ Дилара Армоклѣ.

Разсказчика этой повѣсти Амиранъ и Сепедавле развѣдали и одарили множествомъ подарковъ. Онъ доложилъ имъ,

что имѣть сказать еще одно: „Когда Армовла и Мзечабукъ освободились отъ дѣлъ, пришелъ къ нимъ одинъ человекъ и доложилъ: „Господа! Вы хорошіе герои, но недостаетъ вамъ одного!“

— „Чего?“ спросили они.

— „Когда появились богатыри, герои и знаменитые дѣвы, тогда со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта собрались всѣ превосходнѣйшіе и именитые герои, чтобы испытать силу другъ друга, выслушать рассказъ о многихъ подвигахъ и дѣлахъ нѣкоторыхъ богатырей. И они провели вмѣстѣ цѣлый годъ въ веселіи. Въ испытаніи участвовало множество дѣвовъ и героевъ; говорили о вѣроломствѣ въ войнѣ и предпочтеніе отдавали одному отсутствующему силачу. Въ одинъ день за торжествомъ разговорились о неравенствѣ героевъ. Тутъ былъ дѣвъ Динбаджинъ, который носилъ на себя 1,700 внатовъ такъ, какъ будто носить $\frac{1}{2}$ фунта. Онъ сказалъ: „Я изобрѣлъ средство для самоиспытанія и кто прибѣгнетъ къ этому средству, узнаетъ свою силу“. Принесли желѣзо, чугуны и мѣдь, и изъ всего этого сплавилъ кусокъ, подобный жернову и вѣсившій 6,000 литровъ ⁴⁰⁾); сдѣлали также желѣзный ломъ, вѣсомъ въ 4,000 литровъ. Этотъ ломъ предназначался для тѣхъ богатырей, которые, желая испытать свою силу, могли бы приподнять 6000-литровый желѣзный жерновъ и затѣмъ поднять вверхъ. Тутъ былъ центръ вселенной и всѣ пути могли привести сюда богатырей. Имя героя, поднявшаго указанную массу, должно было быть записано на ней же. Всѣ пробовали поднять этотъ желѣзный жерновъ, но никто не сумѣлъ осилить его. Самъ дѣвъ Динбаджинъ выше поверхности земли не сдвинулъ этой массы. Амбри-Арабъ и Индочабукъ долго силились поднять ее, но сумѣли только поставить, а приподнять не могли. Отправился туда и Джимперъ, отецъ Армовлы, но и

⁴⁰⁾ 1 литръ=10 фунтамъ.

онъ только поставилъ ее. Послѣ того отправились туда Мзечабукъ и Армогла. По дорогѣ имъ пришлось много сражаться, но эти сраженія для нихъ составляли только развлеченіе. Прибывъ же къ мѣсту, они настолько подняли желѣзную массу, насколько Амбри и Индочабукъ. Мзечабукъ сказалъ: „Я удивляюсь, что Амиранъ и Сепедавле, о которыхъ слышалъ много похвалъ, не прибыли сюда же и не испробовали своей силы! Дѣянія ихъ извѣстны всѣмъ героямъ и, думаю, ни одинъ герой не совершалъ столько великихъ подвиговъ, какъ они, особенно же такихъ, какіе исполнены Амираномъ Дареджанисдзе, старшимъ изъ всѣхъ богатырей, прославленнымъ изъ края въ край, именитымъ, смиреннымъ, милостивымъ ко всѣмъ, съ юныхъ лѣтъ и до старости храбрымъ, вынословымъ, не поддающимся дѣйствию чаровъ, губителемъ дѣвовъ, наводящимъ страхъ на богатырей, почитающимъ царей, непобѣжденнымъ врагами, рожденнымъ на счастливой звѣздѣ, которому теперь хотя идетъ 120-ый годъ, а силы не только не измѣнили ему, но остались юношескія; повторяю, почему этотъ Амиранъ Дареджанисдзе и Сепедвале не отправились испробовать свою силу на желѣзномъ жерновѣ!“

Тутъ рассказчикъ остановился, и они оба изъявили желаніе итти для самоиспытанія. Вооружились они и съ большимъ торжествомъ отправились. По прибытіи къ мѣсту, осмотрѣли они желѣзный жерновъ. Амирану было 120 лѣтъ, а Сепедвале 60. Оба они поспорили между собою и осмѣяли другъ друга. Амиранъ сказалъ ему: „Когда я и ты вступали въ бой другъ съ другомъ, тогда мнѣ было 90 лѣтъ, а тебѣ 30“. Затѣмъ они сѣли обѣдать, развеселились и, попировавъ, встали и приказали всѣмъ бывшимъ съ ними рабамъ приподнять желѣзный ломъ, и они съ трудомъ сдвинули его. Послѣ этого Амиранъ сказалъ Сепедвалу: „Кто изъ насъ обоихъ приподниметъ желѣзный жерновъ съ ломомъ вмѣстѣ, тотъ пусть цѣлый годъ угощаетъ не поднявшаго!“ Бросили

жребій, кому поднять первому и жребій палъ Сепедвалу. Пришелъ Сепедвале и, призвавъ имя Бога, приподнялъ жерновъ выше земли на одинъ локоть, но отъ излишняго напряженія всѣ нервы его ослабѣли. Затѣмъ досталась очередь Амирану, который, призвавъ имя Бога, обступилъ жерновъ и поднялъ, но подъ давленіемъ тяжелой массы ноги его пошли въ землю до колѣнъ; желѣзный жерновъ съ ломомъ вмѣстѣ онъ поднялъ до своей груди и отбросилъ дальше шага на три. Тогда всѣ превознесли имя, славу и героизмъ обоихъ этихъ богатырей и они написали на желѣзномъ жерновѣ свои имена и свое превосходство надъ всѣми героями. Затѣмъ Сепедвале пригласилъ Амираана въ себѣ, и мы отправились въ Дариспаръ-шааръ ⁴⁷⁾ и оставались тамъ цѣлый годъ, проводя время въ нѣгѣ, охотѣ и веселии. По прошествіи же года выступили отсюда и отправились въ Багдадъ, веселые и имѣющіе множество богатствъ.

Здѣсь конецъ главы о внуцѣ Дилара Джимшерѣ и Мзечабукѣ. Да не будетъ конца существованію царствованія вашего многія лѣта! Аминь.

IV. Хосро и Мзечабукъ, цари хазарскіе. ⁴⁸⁾

Хосро.

На поединкахъ героевъ при дворѣ Аспана (*Aspan*), царя страны свѣтилъ, принималъ участіе царь Хосро, сынъ царя хазарскаго. На этихъ поединкахъ цѣль героевъ состояла въ томъ, чтобы, вступивши въ бой другъ съ другомъ, доказать, кто изъ нихъ болѣе достоинъ быть зятемъ Аспана, имѣющаго семь дочерей—свѣтилъ, но ни одного сына. Главными соперниками между женихами-героями были: съ одной стороны Свиманъ,

⁴⁷⁾ Сепедвале былъ изъ рода Дариспавидзе и Дариспанъ-шааръ знач. городъ Дариспана.

⁴⁸⁾ Изъ повѣсти „Амиранъ-Дареджаніани“ (XII вѣка).

сынъ синскаго (китайскаго) царя, и Ласуръ, сынъ деламскаго царя, а съ другой—Хосро, сынъ хазарскаго царя; въ нимъ впоследствии прибавился еще Амиранъ Дареджанисдзе, который дочерей царя Аспана хотѣлъ увести для сыновей халифа Амра Мумли.

Царь Аспанъ, не желая выдать своихъ дочерей за иностранцевъ, одну часть своего войска въ 200,000 человекъ поручилъ эриставу Лосору Лосоминисдзе и другую въ 150,000 человекъ Кабару Кависдзе. Лосоръ Лосоминисдзе напалъ на огромныя войска Свимана синскаго и Хосроя хазарскаго, но былъ побѣжденъ и, преслѣдуемый врагами до городскихъ воротъ, нашелъ спасеніе въ самомъ городѣ.

Въ это время прибыло еще семь чужестранныхъ героевъ, тоже съ намѣреніемъ жениться на царскихъ дочеряхъ. Аспанъ, прижатый къ стѣнѣ грозными силами, долженъ былъ согласиться присутствовать на поединкахъ всѣхъ этихъ героевъ и своихъ.

Послѣ перваго поединка Аспанъ устроилъ пиръ и на немъ объявилъ Хосрою хазарскому, что завтра его очередь вступить въ бой съ царскимъ богатыремъ. Хосро съ радостью принялъ предложеніе и одарилъ всѣхъ щедро.

Хосро былъ такой стрѣловъ изъ лука, равнаго которому не могло быть нивого. Надѣвъ на себя колчанъ и вступивъ въ бой съ царскимъ богатыремъ, онъ убилъ его стрѣлою. Всѣ стали срамить Хосроя за то, что онъ убилъ противника ни чѣмъ инымъ, какъ стрѣлою.

Послѣ этого имѣли состязаніе другъ съ другомъ и многіе здѣсь находящіеся герои и богатыри, изъ числа которыхъ особенно отличался Амиранъ Дареджанисдзе.

По случаю побѣды Амрана Дареджанисдзе надъ Свиномъ синскимъ, царь устроилъ пиръ, на которомъ Хосрою хазарскому объявилъ, что если онъ желаетъ, то можетъ вступить въ бой съ Амраномъ.

— „И безъ предложенія я готовъ былъ драться съ нимъ“, отвѣтилъ Хосро.

— „Богъ свидѣтель“, замѣтилъ Амиранъ Дареджанисдзе: „что я добровольно никогда не вступаю въ бой съ царями, боясь лишить ихъ жизни: не писано погибнуть царю отъ руки дворянина!“

— „Безъ боя не обойдется!“ настаивалъ Хосро.

Слѣдующій же день былъ назначенъ днемъ поединка.

Хосро былъ мѣткой стрѣлокъ. Стрѣла его, попавъ въ какую угодно тварь, тутъ же улаживала ее.

— „Чѣмъ мы будемъ драться?“ спросилъ Амиранъ Хосроя, луками или чѣмъ-либо другимъ?

— „Безъ луковъ“, былъ отвѣтъ Хосроя.

Утромъ, какъ только лучи восходящаго солнца освѣтили міръ, царь Аспанъ съ царицей, дочерьми-свѣтилами и всею знатью занялъ мѣсто на высокихъ сидѣніяхъ и началъ пировать. Тутъ пѣли поэты и показывали свое искусство гимнасты. Явились также женщины и мужчины. Барабанщики барабанили и трубачи трубили. Народъ кипмя кипѣлъ.

Въ это время царь Аспанъ прислалъ челоуѣва сказать нашему господину Амирану, чтобы онъ подрался съ Хосроемъ по-амирановски. Тогда Амиранъ сказалъ: „Хосро права измѣнническаго; можетъ-быть, противъ меня измыслилъ какую-либо напасть!“ И поэтому онъ, на всякій случай, счелъ нужнымъ надѣтъ на себя подъ латами кольчугу. И Амиранъ, такъ незамѣтно вооружившись, вышелъ на ристалище, куда выскочилъ съ другой стороны и Хосро, наказавши своему рабу подать ему лукъ при началѣ же борьбы.

Какъ только они обступили другъ друга и приготовились въ бою, то заранѣе предупрежденный рабъ подалъ Хосрою лукъ. Хосро, потянувъ тетиву, пустилъ стрѣлу въ грудь Амирана. Стрѣла, пробивъ броню и латы съ кольчугой, сильно ранила Амирана.

Раненый Амиранъ сказалъ Хосрою: „Ты хотѣлъ убить меня измѣннически! Будь же проклять ты, нарушитель обычая истинныхъ героевъ! Теперь, посмотримъ, ускользнешь ли ты изъ моихъ рукъ!“ Разсвирѣпѣвшій Амиранъ атаковалъ противника, не желая его вовсе падить; Хосро, испугавшись, сталъ убѣгать. Тогда я, Саварсимидзе ⁴⁹⁾, доложилъ Амирану, господину моему: „Не гнѣвайся, Амиранъ! Онъ не выдержитъ твоего удара, и ты убьешь его!“ Амиранъ, внявъ словамъ своего раба, бросилъ шашку въ сторону и погнался за убѣгающимъ; нагнавъ его, онъ поднялъ его съ сѣдла и ударилъ объ землю съ такой силой, что тотъ лишился чувствъ.

— „Клянусь Всевышнимъ Богомъ, если бы ты не былъ царемъ“, говорилъ Амиранъ полуживому Хосрою: „тутъ же убилъ бы я тебя!“ Амиранъ отошелъ отъ Хосроя, котораго, почти что простившагося съ жизнью, подняли рабы его и увезли.

Царь Аспанъ, обрадовавшись побѣдѣ Амирана, особенно благодарилъ его за сохраненіе жизни Хосроя хазарскаго.

Послѣ этого Амиранъ Дареджанисдзе, побѣдивъ еще семь героевъ, получилъ позволеніе царя Аспана взять его дочерей-свѣтилъ. Царевны съ великимъ приданымъ доставлены были въ Багдадъ къ Амиру Мумли, который женилъ на нихъ своихъ сыновей.

Мзечабукъ.

Ногаецъ (бѣгъ) Раибъ разсказалъ господину моему Амирану Дареджанисдзе, находившемуся на охотѣ и убившему двухъ львовъ, слѣдующее:

⁴⁹⁾ Мосе Хонели, авторъ „Амирана-Дареджаніани“, пишетъ свою эпопею со словъ Саварсимидзе, очевидца походовъ и дѣяній Амирана Дареджанисдзе и др. героевъ.

„Арабы увели меня въ плѣнъ въ Аравію, гдѣ я подросъ и сталъ заниматься разбоемъ. Въ это же время появились тамъ три разбойника, которые опустошали страну Аравію. У нихъ было 3,000 отборныхъ воиновъ, и я присоединился къ нимъ. Мы навели ужасъ на всю страну, грабили и убивали всѣхъ, осмѣливавшихся безповоить насъ нападеніями. Наконецъ, населеніе вышло изъ терпѣнія и выслало противъ насъ 12,000 конныхъ турокъ. Мы разбили ихъ наголову и, обративъ въ бѣгство, разгромили и навели ужасъ на всѣхъ. Приобрѣвъ огромныя богатства, мы жили вольно: охотились, лѣто проводили въ горахъ, а по зимамъ спускались въ долины. Однажды пришелъ къ намъ нѣкій человѣкъ и сказалъ, что идетъ огромный караванъ изъ Индіи въ Персію и его сопровождаетъ отрядъ изъ 4,000 конныхъ воиновъ. Мы сейчасъ же отправились, напали на тотъ караванъ и овладѣли имъ; успѣли ускорать только три человѣка, въ догонку за которыми пустились сто нашихъ воиновъ; увидѣвъ, что ихъ догоняютъ, двое изъ нихъ стали наносить удары одному изъ своихъ товарищей и, изранивъ его, скрылись. Раненый, которому мы подали первую помощь, рассказалъ намъ, что онъ былъ проводникомъ каравана, ограбленнаго нами, начальниками же и князьями каравана были тѣ, которые его избили и изранили, предполагая съ его стороны измѣну. „Нанося мнѣ удары“, говорилъ раненый: „убѣжавшіе начальники-князья твердили: Ты, зная мѣстонахожденіе нашихъ табуновъ, можешь услужить грабителямъ нашимъ еще другой разъ и указать имъ путь, ведущій къ нашимъ табунамъ, и потому не оставимъ мы тебя живымъ. Знайте же“, прибавилъ онъ: „что табунъ ихъ состоитъ изъ 20,000 невыѣзженныхъ лошадей!“ Все наше имущество скрывъ тутъ же въ нашей крѣпости и взявъ въ путеводители того же раненаго человѣка, пустились мы въ путь. Мы ѣхали 40 дней и, наконецъ, поднявшись на горный хребетъ, увидѣли за переваломъ его

огромный табунъ, который пасся безъ присмотра людей. Мы послали 1,000 воиновъ съ порученіемъ пригнать къ намъ весь табунъ. Порученіе они привели въ исполненіе, и мы, погнавъ табунъ впередъ, двинулись дальше. Вдругъ вдали показались 4 всадника, старшій изъ которыхъ сидѣлъ на огромномъ конѣ. Насъ было 3,000 человекъ, и потому мы не обратили на нихъ никакого вниманія, но они, обогнавъ насъ, загородили намъ дорогу. Тогда старшій изъ нихъ, обратившись къ намъ, сказалъ: „Кто вы такіе? Табунъ этотъ мой, я Мзечабукъ! Плохо сдѣлали вы, что угнали моихъ лошадей! Совѣтую вамъ оставить табунъ и удалиться по добру-по здорovu! Вы ошиблись, избравъ себѣ этотъ путь!“ Мы оставили его безъ отвѣта, но онъ повторилъ свое требованіе. Тогда мы обругали его, а онъ спросилъ нашего путеводителя: „Арабы ли они?“— „Да!“ отвѣтилъ тотъ. Мзечабукъ, взявъ копье, имѣющееся у его раба, атаковалъ насъ. Выступили впередъ наши атаманы, но Мзечабукъ одного убилъ копьемъ, другого шашкою, третьяго, снявъ съ сѣдла, ударилъ объ землю и покончилъ и съ нимъ. Увидѣвъ это, мы растерялись и обратились въ бѣгство, но онъ, догнавъ насъ, сталъ опустошать наши ряды. Я былъ раненъ вмѣстѣ съ моимъ конемъ. Мзечабукъ, нагнавъ меня, спросилъ: „Несчастный, какъ осмѣлились вы угнать мой табунъ?“

— „Вотъ этотъ проводникъ ввелъ насъ въ заблужденіе“, отвѣтилъ я. А проводникъ, стоявшій тутъ же, смѣясь, сказалъ: „Табунъ Мзечабука вы за караванъ что ли приняли!“ Тутъ выяснилось, что нанесеніе ранъ проводнику и все дальнѣйшее придумано было лишь съ тою цѣлью, чтобы обмануть насъ и привести къ гибели.

— „Въ чемъ дѣло?“ спросилъ Мзечабукъ нашего проводника; онъ же, изложивъ всю суть дѣла о насъ и о себѣ, добавилъ, что если бы все это не было придумано, то грабители каравана не явились бы сюда угнать табунъ того, который

одинъ только и могъ побѣдить ихъ и отомстить за нашу кровь! Эти слова разсмѣшили Мзечабука, и онъ сказалъ: „хорошо же все предусмотрѣно“!

Мзечабукъ вернулся, и я поѣхалъ съ нимъ въ его домъ, гдѣ и вылѣчился отъ ранъ. По моемъ выздоровленіи онъ подарилъ мнѣ много добра и сказалъ: „Вернись въ свой домъ“!

— „Нѣтъ у меня дома!“ отвѣтилъ я: „пока живы были убитые тобою герои, я служилъ имъ, а такъ какъ они болѣе не существуютъ, я не найду другого такого повровителя какъ ты, и буду служить тебѣ до своей смерти!“

— „И я не хотѣлъ губить ихъ“, замѣтилъ мнѣ Мзечабукъ: „я съ ними говорилъ вѣжливо, а они стали горячиться! Арабы, народъ гордый и спокойно не умѣютъ говорить!“

Теперь скажу вамъ о домѣ и величіи Мзечабука, что и языкомъ трудно передать.

Прежде всего доложу вамъ, что такого прекраснаго человѣка, какъ Мзечабукъ, я съ рожденія моего не видалъ, о героизмѣ же его судите сами. Онъ былъ прекрасный охотникъ и охотился часто. Враждовать съ нимъ никто не осмѣливался. Стрѣлялъ онъ изъ лука такъ мѣтко, что въ этомъ искусствѣ никто съ нимъ не могъ сравниться. Однажды мы были на охотѣ, и поохотился онъ славно, что доставило ему большое удовольствіе. Во время охоты подошелъ къ нему нѣкій человѣкъ, поклонился низко и доложилъ такъ: „Такъ какъ ты очень любишь охоту, я возьму тебя на такое мѣсто, казого тебѣ не приходилось еще видѣть. Мѣсто то находится далеко, и если дальность не затруднитъ тебя, лучшаго мѣста не отыщешь!“ Мзечабукъ обрадовался. Взявъ съ собою и того человѣка, мы вернулись домой, и тутъ Мзечабукъ спросилъ его: „Кто ты и изъ какой страны?“

— „Убогій я человѣкъ и самъ не знаю, изъ какой страны я происхожу“ доложилъ онъ Мзечабуку.

— „Какъ далеко находится то мѣсто охоты, о которомъ ты говоришь“?

— „Насъ раздѣляетъ разстояніе 15-дневнаго пути“.

— „Если бы до этого мѣста былъ даже 40-дневный путь, и въ томъ случаѣ я не отказался бы ѣхать туда!“ послѣдовалъ отвѣтъ Мзечабука.

Вооружившись, мы двинулись въ путь. Проводникомъ нашимъ былъ готь же убогій человекъ. Проѣхавъ 12-дневное разстояніе, мы вступили въ мѣстность труднопроходимую и бѣдную, но, проѣхавъ и ее благополучно, прибыли въ мѣсту охоты. Страна эта была большая, прекрасная и удобная для охоты (и охотились мы славно!); водилось тутъ много звѣрей, которыхъ Мзечабукъ билъ, какъ какихъ-нибудь кошей; и онъ билъ ихъ не только пашкой, но много разъ и однимъ кнудомъ!

Однажды мы охотились. Мзечабукъ натравилъ своего сокола на чирка и самъ побѣжалъ за нимъ. Вдругъ выбѣжали изъ камыша два льва и бросились на него. Мзечабукъ, схвативъ одного изъ нихъ за шею, поднялъ вверхъ, ударилъ объ другого звѣря и обоихъ уложилъ тутъ же. (Теперь, при видѣ убитыхъ тобою (Амираномъ) львовъ, я невольно прослезился, вспомнивъ тогдашнія дѣянія Мзечабука, который такъ же легко уложилъ львовъ, какъ теперь ты!). Остались мы тамъ довольно долгое время и охотились много, что доставило Мзечабуку большое удовольствіе. Только удивляло насъ одно, что въ этой прекрасной странѣ на разстояніи 3-дневнаго пути не встрѣчалось ни деревень ни городовъ, и такое отсутствіе человека мы объяснили страхомъ населенія предъ звѣрями, расплодившимися въ ней. Затѣмъ Мзечабукъ поблагодарилъ нашего проводника, доставившаго ему удовольствіе поохотиться въ этихъ мѣстахъ. Проводникъ сказалъ ему, что если бы не такой герой, какъ онъ, то никто другой не осмѣлился бы явиться сюда, и затѣмъ добавилъ: „Разъ ты такой славный герой, скажу тебѣ, что тутъ же по близости есть

другое мѣсто охоты, превосходящее здѣшнее, но и опасное, такъ какъ тамъ водятся страшные звѣри; дальше того мѣста, на разстояніи однодневнаго пути, имѣется еще одно мѣсто, въ которому не можетъ приблизиться ни одно существо: въ немъ живетъ удивительный звѣрь, огромный какъ слонъ и подобный льву, съ человѣческой головой. Ни одинъ человѣкъ не можетъ близко подойти къ нему. Водился тамъ же единорогъ, но и его онъ поборолъ и, сваливъ, убилъ. Этотъ звѣрь называется „левъ-человѣкъ“; никто его не видѣлъ, но такъ утверждаютъ всѣ.

Извѣстіе это опечалило насъ, и мы стали сердиться на проводника, но Мзечабукъ приказалъ намъ замолчать, а тому человѣку велѣлъ идти впередъ и указать намъ путь, ведущій въ слѣдующему мѣсту охоты. Мы прибыли туда и, поохотившись много и убивъ множество звѣрей, отправились дальше въ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться левъ-человѣкъ.

Прибыли мы туда и охотились много дней. Затѣмъ Мзечабукъ приказалъ проводнику повести насъ къ логовищу того чудеснаго звѣря. Онъ заплакалъ и началъ уговаривать Мзечабуку отказать отъ своего намѣренія. „Пожалѣй свою юность и не ходи туда!“ умолялъ проводникъ Мзечабуку.

— „Разъ я пришелъ сюда, ничто не удержитъ меня отъ боя съ тѣмъ звѣремъ!“ настаивалъ Мзечабукъ.

Пустились мы въ путь и подошли къ логовищу льва-человѣка, котораго не оказалось тамъ. Мы занялись охотой, но безуспѣшно: львомъ-человѣкомъ изведены были всѣ звѣри въ той окрестности. Мзечабукъ спросилъ проводника: „Ну, гдѣ же тотъ звѣрь?“

— „Вѣрно онъ куда-либо отправился!“ отвѣтилъ проводникъ. Когда мы вели этотъ разговоръ, послышался въ камышахъ трескъ, подобный грохоту сталеживающихся сеалъ, и показался страшный звѣрь. Проводникъ убѣждалъ, а Мзечабукъ, надѣвъ доспѣхи, вскочилъ на коня и поднялъ копьё.

(Въ это время онъ былъ просто неподобенъ!) Звѣрь, увидя человѣка, съ ревомъ выскочилъ изъ камышей и бросился на Мзечабуку, который съ своей стороны атаковалъ его и съ перваго же разу вонзилъ въ его пасть копые съ такой силой, что повалилъ его на колѣна. Затѣмъ, спрыгнувъ съ коня, обнажилъ пашку и вступилъ въ бой. Мзечабукъ ударилъ по немъ пашкой, а онъ билъ его лапой; удары лапы по доспѣхамъ Мзечабука и пашки послѣдняго по костямъ звѣря производили такой трескъ, какъ раскаты грома. Бились долго, и наконецъ пашка разрубила звѣря пополамъ.

Населеніе тѣхъ странъ, узнавъ о гибели страшнаго звѣря, явилось со всѣхъ сторонъ поклониться Мзечабуку и восхвалять его. „На всей землѣ нѣтъ подобнаго тебѣ героя!“ говорили они Мзечабуку. Населеніе радовалось потому именно, что прекрасная страна ихъ была разорена убитымъ звѣремъ. Мзечабукъ получилъ много подарковъ, и было всеобщее веселіе.

Мы впослѣдствіи узнали, что нашъ проводникъ самъ былъ изъ этой страны и былъ подосланъ къ Мзечабуку съ намѣреніемъ побудить его прійти сюда. Мы проводили время въ охотѣ, а жители начали строить дома.

Въ это время прибылъ къ Мзечабуку одинъ высокопоставленный человѣкъ и, восхваляя его, сказалъ: „Благословенъ Тотъ, Кто сотворилъ тебя и благословенна земля, на которой ты выросъ, такъ какъ на всей землѣ нѣтъ подобнаго тебѣ героя!“ И онъ поднесъ Мзечабуку великіе дары и, проведши съ нами въ охотѣ много дней, сказалъ Мзечабуку: „Имѣю сообщить тебѣ кое-что!“

— „Доложи!“ приказалъ ему Мзечабукъ.

— „Эта страна Хазаретія, и тотъ проводникъ твой тоже подданный хазарскаго царя. Сообщение мое есть тайна, и оно пригодится тебѣ. Сообщаю же тайну потому именно, что на всемъ мірѣ нѣтъ такого виднаго героя, какъ ты. Царь хазарскій есть владѣтель всего міра и вседержецъ. У него

нѣтъ сына, но есть дочь, подобно которой еще никому не приходилось видѣть. Самъ отецъ, великій хазарскій царь, далъ ей влѣтвенное обѣщаніе, что не выдастъ ее замужъ до тѣхъ поръ, пока я не найду соответствующаго ей жениха. О твоёмъ героизмѣ и твоей славѣ, давно слышали не только я, но и самъ царь, который и направилъ къ тебѣ того проводника, чтобы тебя склонить прибыть сюда, убить звѣря и совершить то, что по всеобщему убѣжденію не могло быть совершено никѣмъ. Но теперь доброта и красота царевны привлекла сюда также и другихъ доблестныхъ и храбрыхъ героевъ, а именно: Гамара Газнели (گامار گزنلی), Ордаварели и Мосора Надиридзе; всѣ эти трое стоятъ у воротъ столицы. Ожидаютъ также прибытія Имириндо, о которомъ передаютъ, что подобнаго ему героя нѣтъ на всей поверхности земли. И вотъ за того, кто отличится изъ числа этихъ героевъ, и выдастъ царь свою дочь и утвердитъ его на своемъ престолѣ. Это зналъ я и сообщаю тебѣ, дальнѣйшее же будетъ зависѣть отъ твоего благоусмотрѣнія“.

Мзечабуекъ, поблагодаривъ его, сказалъ ему: „Ты человекъ хорошій и связанное тобою тоже хорошо; ступай впередъ, и я послѣдую за тобой!“

— „У тебя малое число воиновъ“, замѣтилъ онъ Мзечабуку: „возьми съ собой своихъ людей и вызови свое войнство“.

— „Войска не надо! И безъ нихъ обойдется! Иди впередъ!“ приказалъ ему Мзечабуекъ.

Пустился онъ въ путь, и мы пошли за нимъ. Куда мы ни приставали, вездѣ насъ принимали, какъ владѣтелей; встрѣчали насъ въ городахъ, воздавали поклоны Мзечабуку, восхваляли его. Шествіе наше всюду было торжественное. Проводникъ нашъ оказался воспитателемъ хазарскаго царя и назывался онъ Абрамомъ. Оставался до столицы еще 3-дневный путь, когда прибылъ къ намъ одинъ человекъ, который, поклонившись Мзечабуку, что-то шепнулъ Абраму. Мзеча-

бувъ спросилъ послѣдняго: „кто этотъ человекъ и съ какимъ онъ пришелъ извѣстіемъ“?

— „Онъ сообщилъ, что въ странѣ миръ и затѣмъ спрашивалъ о твоёмъ здоровьѣ“, отвѣтилъ Абрамъ.

Затѣмъ Мзечабувъ обратился къ прибывшему человеку и спросилъ: „скажи, что знаешь“? ..

— „Пріѣхалъ Имириндо съ великой силой и славой“, отвѣтилъ онъ, и остановился въ парчевыхъ палаткахъ, украшенныхъ порфирой. До него же прибыли съ громадными войсками Гамаръ Газнели, Ордаварели и Мосоръ Надиридзе, которые расположились у городскихъ воротъ. Ожидаютъ еще Дорать-Дилама и Амаръ Іаманели тоже съ войсками“.

Какъ только онъ сказалъ намъ это, мы поспѣшно пустились въ путь и догнали Дорать-Дилама и Амаръ Іаманели. Скоро наступила ночь, и мы расположились ночевать въ одномъ мѣстѣ—отдѣльно Мзечабувъ со святой и отдѣльно Дорать-Дилама и Амаръ Іаманели, которые были горды и не захотѣли ни привѣтствовать Мзечабува, ни навѣстить его. Мзечабувъ сказалъ Абраму: „такъ какъ они не пришли повидаться съ нами, пойдемъ къ нимъ мы сами и отъ этого ничего не проиграемъ“. И мы пошли. Они же, увидя насъ идущихъ къ нимъ, вышли навстрѣчу. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, они пригласили насъ въ свои палатки. Мзечабувъ весьма понравился имъ и они воскликнули: „Подобнаго героя нѣтъ на всей землѣ!“ Они угостили насъ ужиномъ, послѣ котораго мы вернулись въ свою палатку.

На слѣдующій день они посѣтили насъ, и у насъ же остались обѣдать. Пообѣдавъ, они ушли; тогда Абрамъ доложилъ Мзечабуву: „Вижу, что властелиномъ этой страны будешь ты, но такъ какъ ты идешь прямо съ мѣста охоты, то у тебя не будетъ подарковъ, чѣмъ бы могъ одарить этихъ героевъ. Если приважешь, я доставлю все нужное, а ты подари имъ!“ Мзечабувъ сказалъ ему большое спасибо и доба-

вилъ, что одарить героевъ слѣдуетъ, но безпокоить его этимъ онъ не думаетъ.

Но люди, посланные Абрамомъ. человекомъ знатнымъ и первѣйшимъ въ томъ царствѣ, доставили изъ ближайшаго города прекрасныя одежды и рѣдкія парчи, и Мзечабукъ богато одарилъ Дорать-Дилама и Амаръ Іаманели.

На слѣдующій день мы выступили отсюда и отправились дальше. Дорать-Диламъ и Амаръ Іаманели предложили Мзечабуку, чтобы послѣдній, котораго они считаютъ превосходнымъ человекомъ, зачислилъ ихъ въ число своихъ рабовъ. Мзечабукъ поблагодарилъ ихъ и сказалъ: „Вы будете, какъ мои братья, и мы всѣ остановимся вмѣстѣ у воротъ столицы“. На томъ они кланялись ему. Прибывъ въ ворота города, мы нашли тамъ четырехъ героевъ—Имариндо, Гамаръ Газнели, Ордаварели и Мосора Надиридзе, которые находились въ богато убранной красной палаткѣ. Для насъ же палатка была убрана Абрамомъ, съ этою цѣлью опередившимъ насъ. Палатка для Мзечабука устлана была пальсами и коврами. Мы остановились въ этой палаткѣ, а съ боку отъ насъ Дорать-Диламъ и Амаръ Іаманели. Только что мы провели одинъ день, какъ всѣ стали говорить, что прибылъ Мзечабукъ, и со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться народъ, чтобы видѣть его. Всѣ, указывая на Мзечабука, говорили въ одинъ голосъ: „нигдѣ же встрѣчали мы подобнаго человека“.

На слѣдующій день посѣтили насъ Имариндо, Гамаръ Газнели, Ордаварели и Мосоръ Надиридзе, которые, по просьбѣ Мзечабука, остались у насъ обѣдать и получили отъ него большіе подарки.

Еще обѣдъ не былъ оконченъ, какъ прибылъ вельможа царя Хвасро хазарскаго, который прислалъ всѣмъ героямъ подарки, распредѣливъ ихъ такъ, чтобы большая часть досталась Мзечабуку, немножко меньше ея Имариндо, а всѣмъ прочимъ поровну; при этомъ царемъ наказано было вель-

можѣ привѣтствовать героевъ и передать имъ, что онъ радъ ихъ прибытію. Всѣ встали и поклонились представителю царя и затѣмъ, усѣвшись опять за столъ, окончили обѣдъ и разошлись.

На другой день мы всѣ были на пиру у Имириндо, куда прибылъ также царской вельможа опять съ подарками и одеждами для всѣхъ. Провели цѣлый день въ веселіи, слушали музыкантовъ и смотрѣли представленія акробатовъ. Впрочемъ, зачѣмъ удлинять повѣсть! Было адѣсь семь героевъ, и мы поочередно пировали и веселились то у одного, то у другого, и каждый разъ царь принималъ подарки всѣмъ. Такъ мы провели много дней, веселясь и упражняясь на ристалищѣ, при чемъ оказалось, что изъ числа этихъ семи героевъ каждый имѣетъ свои особыя преимущества. Такъ, Мзечабукъ, какъ стрѣлочникъ изъ лука, превосходилъ всѣхъ прочіе; Имириндо несравненный былъ въ упражненіяхъ гимнастическихъ; воньемъ лучше всѣхъ владѣлъ Ордаварели; ѣздою на лошади отличался Дорать-Диламъ; лучшимъ охотникомъ былъ Мосоръ Надиридзе; лучшимъ игрокомъ въ шахматы Амаръ Іамавели и несравненнымъ пловцомъ Гамаръ Газнели. (Мнѣ самому приходилось видѣть, какъ Гамаръ Газнели, взявъ на плечи вооруженнаго человѣка, пускался вплавъ въ какую угодно будущую рѣку и благополучно переправлялся на другой берегъ). Кто же изъ нихъ превосходилъ всѣхъ героизмомъ, узнаете сейчасъ же.

Однажды всѣ герои были на пиру у Мзечабука. Тутъ находился и Абрамъ, который, вставъ, обратился ко всѣмъ со слѣдующею рѣчью: „Отдыхъ, ѣда, охота или же радости не мало имѣли вы въ своихъ домахъ! Пора позаботиться о томъ, что заставило васъ явиться сюда и, вступивъ другъ съ другомъ въ бой, доказать свое превосходство; до сихъ поръ же вы напрасно теряли время“.

Имариндо, вставъ, спросилъ Абрама: „это слова твои или по предложенію царя?“

— „Царь ничего не говорилъ мнѣ, но я говорю отъ имени всѣхъ; всѣ желаютъ видѣть борьбу героевъ, и мы любимъ васъ за героизмъ, а охотиться, пировать и веселиться умѣемъ и мы!“ На это Мзечабукъ улыбнулся и сказалъ, что онъ и Имариндо не будутъ биться, а другіе пусть дѣлаютъ, что имъ угодно.

— „Или воевать или разойтись!“ воскликнулъ Ордаварели.

— „Завтра я выступаю на ристалище, и кто изъ васъ (кромя Мзечабука и Имариндо) хочетъ, пусть пойдетъ противъ меня“, предложилъ Амаръ Іаманели.

Вызовъ принялъ Мосоръ Надиридзе.

Утромъ слѣдующаго дня затрубили трубы и ударили въ барабанъ, и Хвасро, царь хазарскій, вмѣстѣ со знатью вышелъ смотрѣть на состязаніе героевъ. Предъ нимъ накрытъ былъ столъ, а также предъ Мзечабукомъ, сидящимъ съ находящимися при немъ героями. Вышли сюда также и горожане. Выѣхали въ кругъ Амаръ Іаманели и Мосоръ Надиридзе, которые бились до вечера и сбросили другъ друга съ лошади по три раза. Имариндо не захотѣлъ, чтобы они продолжали бой. Герои понравились всѣмъ, и царь подарилъ имъ одежды.

На другой день былъ поединокъ между Дорать-Дилломъ и Ордаварели; побѣда осталась за первымъ изъ нихъ.

На слѣдующій день дрались Гамаръ Газнели и Амаръ Іаманели, и бой кончился смертью послѣдняго, что сильно опечалило царя, Мзечабука и Имариндо, но Мзечабука больше всего. Тотчасъ разошлись всѣ. Царь въ этотъ день не раздавалъ одеждъ. Онъ, приславъ челоуѣка къ Мзечабуку и Имариндо, спросилъ ихъ: „не вражда ли была между состязавшимися? Чѣмъ объяснить, что Гамаръ Газнели лишился

жизни Амара Гаманели. Злой ли онъ былъ или просто-людинъ?”

Послѣ этого долгое время они не охотились, не упражнялись и не пиrowали, но печалились всѣ. Затѣмъ царь, приславъ всѣмъ подарки и одежды, утѣшилъ ихъ. „За измѣнническую смерть Амара Гаманели больше всѣхъ печалюсь я“, сообщилъ царь: „но дѣлать нечего! Пора вамъ опять предаться охотѣ, упражненіямъ и веселію“. Всѣ послушались царя и начали по старому охотиться, упражняться и пиrowать. Сообщили, что царь желаетъ видѣть борьбу Мзечабука съ Имириндо.

Въ одинъ день, на пиру у Мзечабука, Дорать-Диламъ сдѣлалъ вызовъ Гамару Газнели, но Мзечабукъ сказалъ первому: „Зачѣмъ вызываешь на бой человека незнатнаго и измѣнника? Если хочешь биться съ нимъ, то борись молодецки и хорошо, и старайся, чтобы онъ не причинилъ тебѣ бѣды!“

— „Зачѣмъ ты его учишь? Хочешь, самъ выходи противъ меня“, замѣтилъ Гамаръ Газнели Мзечабуку.

— „Такого вызова я и ожидалъ“, отвѣтилъ Мзечабукъ: „Богъ рѣшилъ твою погибель, и осуществится она!“

Отложили бой на слѣдующій день.

Царь прислалъ сказать Мзечабуку остерегаться измѣнника, но онъ отвѣтилъ: „Пусть онъ и прибѣгаетъ къ измѣнъ; я все же буду биться съ нимъ!“

Царь занялъ свое мѣсто у ристалища, куда собрались и всѣ горожане, жаждущіе видѣть Мзечабука. Затрубили въ трубу, ударили въ барабанъ и выступили съ одной стороны Мзечабукъ, а съ другой—Гамаръ Газнели. Царевна, узнавъ, что въ поединкѣ принимаетъ участіе Мзечабукъ, подошла къ окну дворца и подобно солнцу освѣтила все ристалище. Мзечабукъ, увидя ее, догадался, что она хочетъ смотрѣть на его бой. Онъ крикнулъ Гамару Газнели: „Держись осторожно, а то, клянусь Всевышнимъ Богомъ, убью тебя, такъ

важъ ты измѣнически погубилъ Амара Іаманели!" И, атаковавъ его, онъ шапкою расщепилъ ему голову и убилъ. Царь и царица столь сильно обрадовались, что вскочили съ своихъ мѣстъ и громко стали смѣяться. Всѣ стали хвалить Мзечабука; царь, царица и высокопоставленные лица подарили ему много драгоценныхъ одеждъ, при чемъ царь сказалъ побѣдителю: „Благословенъ Богъ, который даровалъ тебѣ такую отвагу, что сумѣлъ отомстить за кровь Амара Іаманели“.

Послѣ этого мы проводили время въ веселіи, охотѣ, и упражненіяхъ. Однажды, когда мы находились у Мзечабука, Абрамъ сказалъ ему, что царь сильно торопится видѣть борьбу его съ Имириндо.

— „Я стыжусь сдѣлать вызовъ Имириндо“, сказалъ Абраму Мзечабукъ: „когда будемъ вмѣстѣ, ты самъ сдѣлай намъ обоимъ предложеніе“.

Въ одинъ день мы обѣдали у Имириндо. Всталъ Абрамъ, наполнилъ виномъ двѣ чашки и, подавъ одну Имириндо, а другую Мзечабуку, сказалъ имъ: „Львы-герои! выпейте это вино и знайте, что всѣ желаютъ видѣть вашу борьбу!“

— „Мзечабукъ, опорожни чашку и затѣмъ исполнимъ волю всѣхъ!“ обратясь къ Мзечабуку, сказалъ Имириндо. Онъ тоже согласился съ нимъ, и, расцѣловавшись другъ съ другомъ, они отложили бой на завтра.

Утромъ раставили парчевыя палатки, поддерживаемыя золотыми столбиками, и убрали ихъ златотканными матеріями. Вышелъ Хвасро, царь хазарскій, занялъ свое мѣсто и посадилъ возлѣ себя за столомъ вельможъ; явились также гѣвцы, акробаты, трубачи, барабанщики и народъ. Мы тоже приблизились къ трапезѣ царя, а царица сѣла на высокую плоскую крышу вмѣстѣ со своей дочерью. Число зрителей было несмѣтно, радость всеобщая. Когда Мзечабукъ выступилъ въ

ругъ въ полномъ вооруженіи, всѣ въ одинъ голосъ сказали „Въ мірѣ не будетъ подобнаго героя! Состязаться съ нимъ никто не можетъ!“ Выступилъ также Имириндо, который тоже понравился всѣмъ. Царь прислалъ имъ сказать, чтобы они въ время борьбы не измѣнили другъ другу.

— „Я не измѣню, а онъ самъ знаетъ“, отвѣтилъ царю Мзечабукъ.

И герои погнали своихъ жеребцовъ, обсканали другъ друга и затѣмъ сшиблись такъ яростно, что такую отчаянную борьбу мѣ въ еще не приходилось видѣть, да и самъ народъ свидѣтельствовалъ то же самое. Бились до сумерекъ и разошлись; побѣда не склонилась ни во чью сторону. На слѣдующій день повторилось то же самое: борьба ихъ не перемѣнила ни въ ту ни въ другую сторону, что опечалило Мзечабука. Царь подарилъ имъ красивыя одежды, похвалилъ и сказалъ, что болѣе не позволитъ имъ состязаться. Имириндо не возразилъ царю, но Мзечабукъ сказалъ: „Завтра еще разъ испытаемъ другъ друга, и если борьба окажется равною, прекратимъ наше состязаніе“.

Утромъ опять всѣ заняли свои мѣста и герои атаковали другъ друга и бились до вечера, но безуспѣшно; наконецъ Мзечабукъ, прищпоривъ своего жеребца, бросился на противника, который, размахнувшись шашкой, разрубилъ желѣзную броню Мзечабука и ранилъ его въ голову. Мзечабукъ же, бросивъ вонъ свою шашку, полетѣлъ къ нему, схватилъ за руку, въ которой онъ держалъ шашку, снялъ его съ сѣдла и ударилъ объ землю такъ, что онъ лишился чувствъ. Царь, всоचितъ съ мѣста, крикнулъ: „убить Имириндо не велитъ Богъ!“

— „Я хотѣлъ его побѣдить и побѣдилъ, а убить и не думаю!“ отвѣтилъ Мзечабукъ.

— „Благословенъ Богъ, который тебѣ далъ такое сердце и героизмъ!“ говорилъ побѣдителю царь.

Всѣ радовались побѣдѣ Мзечабука и хвалили его. Ими-

риндо же по прошествіи нѣкотораго времени очнулся и всталъ на ноги. Обоихъ героевъ царь взялъ въ свою палатку, одѣлъ въ лучшія одежды, одарилъ богато и, затѣмъ всѣ вернулись въ городъ.

На другой день Имириндо пришелъ въ палатку Мзечабука и благодарилъ его за то, что не лишилъ его жизни. Они подружились и побратались. Мы находились въ ожиданіи свадьбы Мзечабука и царевны.

Въ одинъ день у Мзечабука находились Имириндо, Ордаварели, Дорать-Диламъ и Мосоръ Надиридзе. Прибылъ также Абрамъ и занялъ свое мѣсто. Онъ былъ очень печаленъ.

— „Почему ты такъ пригорюнился?“ спросилъ его Мзечабукъ.

— „Радость царя“, говорилъ Абрамъ: „оказалась недолговѣчной: царица не хотѣла выдать царевну замужъ, и ее прошедшею ночью похитили и увезли въ страну геніевъ, куда не можетъ вступить никто, даже если соберутся вмѣстѣ герои всего міра; о дальнѣйшемъ судить предоставляю вамъ!“

Тяжело стало намъ всѣмъ. Имириндо не пожелалъ ни идти въ страну геніевъ, ни оставаться здѣсь. Мзечабукъ же, какъ его ни уговаривалъ Абрамъ, изъявилъ желаніе во что бы ни стало вырвать царевну изъ рукъ похитителей. И, взявъ у Абрама проводниковъ, онъ пустился въ путь. Его добровольно сопровождали Дорать Диламъ, Мосоръ Надиридзе, я, Райбъ ногаецъ, и два раба Мзечабука. Скоро мы проѣхали Хазаретію и вступили въ страну геніевъ.

(Въ *) странѣ геніевъ наши герои видѣли отчаянную борьбу Ибадъ Абаша съ несмѣтнымъ войскомъ геніевъ, которые, перебивъ весь отрядъ Ибадъ Абаши, смертельно ранили и его самого; затѣмъ они вступили въ бой съ геніями,

*) Въ скобкахъ заключенное есть нашъ пересказъ.

напавшими на нихъ по зову какой-то старухи, жившей въ пещерѣ, и когда убили эту старуху, рассѣялось и ея воинство. Идя дальше, они встрѣтили громадное воинство и страшнаго дракона, загородившаго путь, ведущій по скалистымъ тропамъ къ пещерѣ, въ которой заключена была царевна. Мзечабукъ и его друзья тутъ оказали неимовѣрную храбрость, убили дракона и, разбивъ враговъ на-голову, очистили себѣ путь къ пещерѣ. Когда Мзечабукъ подошелъ ко входу въ пещеру, надъ которой вздымалась огромная скала, его встрѣтили воины-герои и богатыри. Мзечабукъ бился съ ними цѣлый день и потомъ ворвался въ самую пещеру, друзья же его остались внѣ пещеры и слышали душу захватывающіе крики, исходящіе изъ нея. Какой-то воинъ съ человѣческой головой, выбѣжавъ изъ пещеры, сообщилъ имъ, что Мзечабукъ лишился головы. Они страшно опечалились, стали плавать и рыдать. Въ такомъ плачевномъ состояніи они провели три дня, не зная, что дѣлать и на что рѣшиться; и вдругъ появился Мзечабукъ съ царевной, что привело ихъ въ неописуемый восторгъ. На привѣтствіе друзей, Мзечабукъ отвѣтилъ, что онъ дрался безъ отдыха пять сутокъ и неимовѣрная храбрость его вознаградила его такою красавицей, какъ царевна. Тутъ онъ поцѣловалъ ее, а затѣмъ всѣ отправились въ Хазаретію, гдѣ ихъ приняли съ великимъ торжествомъ и вскорѣ сыграли свадьбу Мзечабука съ царской дочерью).

Въ день свадебнаго торжества возложили на голову Мзечабука круглую корону изъ шлифованнаго яхонта и посадили новобрачныхъ на бирюзовый и лаловый престолъ. Затѣмъ царь хазарскій самъ собственноручно возложилъ на Мзечабука безцѣнный царскій вѣнецъ, благословилъ его и, объявивъ царемъ всей Хазаретіи, обратился къ знати со слѣдующими словами: „Вотъ государь-царь вашъ!“ Всѣ поклонились ему, благословили, восхваляли, признали царемъ Ха-

заретіи, одарили несмѣтнымъ числомъ шелковыхъ тканей и драгоценностей. Итакъ, Мзечабукъ утвердился на блестящемъ тронѣ и сталъ великимъ царемъ, Дорать Дилама же и Мосоръ Надиридзе онъ оставилъ служить при себѣ и весьма возвеличилъ ихъ.

Мзечабукъ жилъ долгое время и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. По смерти царя Хосроя онъ сталъ единодержавнымъ государемъ и проводилъ время въ удовольствіи, веселіи, охотѣ и пиршествахъ. Высокопоставленныхъ лицъ онъ обогатилъ дарами; воля его исполнялась всѣми безпрекословно; царство его расширилось присоединеніемъ къ нему другихъ странъ. Войско его было отличное и бесчисленное. Мзечабукъ не имѣлъ враговъ, а если они и были, то не смѣли превословить. Я видывалъ многихъ героевъ, но подобнаго ему ни одного! Жилъ онъ долго и отнял у сосѣдей множество царствъ. Имѣлъ онъ двухъ сыновей, красивѣйшихъ изъ красивыхъ. Когда царь и царица разошлись и сѣдлись на тронъ, они были неподобны!

Однажды Мзечабукъ, возвращаясь съ охоты, у городскихъ воротъ встрѣтилъ шестерыхъ героевъ, которые поклонились ему и стали его восхвалять. Мзечабукъ, поздоровавшись съ ними, своимъ людямъ приказалъ приютить ихъ. Они жили при дворѣ и, вкравшись въ довѣріе къ царю, стали его постельниками. Онъ ихъ бралъ на охоту, приглашалъ къ своему столу, дарилъ имъ много и вообще обходился съ ними милостиво и съ довѣріемъ. Старикъ Али, лицо высокопоставленное и воспитанное хазарскимъ царемъ Хосроемъ, тайно предупреждалъ Мзечабука не довѣряться слишкомъ постельникамъ: старикъ, оказывается, догадывался, что они подсланы съ цѣлью убить царя, но Мзечабукъ не вѣрилъ словамъ старика и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности.

Однажды, послѣ охоты, мы остановились на полянѣ.

Пообѣдавъ, Мзечабукъ легъ спать въ своей палатѣ, и Мосоръ Надирисдзе предъ нимъ. Дорать-Диламъ же спалъ отдѣльно. Во время сна постельники напали на спящихъ убили Мосора Надирисдзе и, смертельно ранивъ Мзечабука, бросились бѣжать, но Мзечабукъ все же успѣлъ догнать ихъ и убить одного измѣнника. Мы прибѣжали въ палатку Мзечабука и увидѣли, что онъ еще дышитъ (тутъ Раибъ ногоаецъ, ударяя себѣ въ лицо, заплакалъ, зарыдалъ также и Амиранъ Дареджанисдзе, и мы всѣ вмѣстѣ съ ними плакали долго и затѣмъ Амиранъ Дареджанисдзе привелъ Раибу продолжать повѣствованіе и онъ, хотя ему слезы мѣшали выговаривать слова, началъ такъ:) и умирающій сказалъ намъ: „убили меня... Кто? измѣнники... Больше себя жалѣю Мосора Надирисдзе;.. осиротѣвшихъ свѣтилъ, сыновей въ траурѣ и слезахъ, опечалившееся царство, великое и славное... Дорать-Диламъ одинъ не сумѣетъ отомстить за мою кровь... Обо мнѣ и о моемъ героизмѣ сообщите лучшимъ героямъ, которые, узнавъ о дѣяніяхъ моихъ, скажутся надо мною и пойдутъ искать моей крови... Вельможи! моего маленькаго сына воспитайте такъ, какъ подобаетъ его происхожденію... Дорать-Диламъ! ты хорошій человекъ и хорошій герой; хорошо, что тебя не было со мной, а то и тебя убили бы... Моего сына поручаю тебѣ; имѣй его при себѣ, воспитывай, авось выйдетъ изъ него богатырь... Ты одинъ не въ силахъ искать моей крови... Ты герой одинокій, а ихъ много... Если же найдешь хорошаго богатыря, пригласи и его и иди отомстить за кровью мою и Мосора Надирисдзе. (Тутъ умирающій заплакалъ)... Тяжело мнѣ не потому, что умираю, а потому, что погибаю отъ руки плохихъ людей!...“

Сказавъ это, онъ опустилъ разяція героевъ руки и испустилъ духъ. Мы высокопоставленные его и рабы остались въ слезахъ!“

Раибъ кончилъ, и мы стали плакать горько. Вдругъ по-

казалась вдали мать Мзечабука съ его сыновьями, Дорать Диламомъ и 3,000 всадниками. На нихъ было траурное платье. Амиранъ Дареджанисдзе встрѣтилъ ихъ и привѣтствовалъ мать Мзечабука и царицу съ вельможами, взялъ на руки маленькаго царевича, пахожаго на его отца и весьма красиваго. Затѣмъ Амиранъ пригласилъ ихъ къ себѣ, и мы всѣ пошли въ его домъ. Царица остановилась въ дворцѣ, Амиранъ же и другіе гости въ другихъ помѣщеніяхъ. Царица дала Амирану прекрасные подарки, и Амиранъ тоже одарилъ царицу, ея вельможъ и всѣхъ.

По истеченіи нѣсколькихъ дней царица, взявъ съ собою царевича и вельможъ, посѣтила Амирана Дареджанисдзе и сказала ему: „Ты человекъ прославленный и хорошій герой; подобнаго тебѣ героя нѣтъ на всей землѣ! Я чужая тебѣ, и сынъ мой тоже былъ незнакомъ тебѣ, но для твоего благородства это ничего не составляетъ. Завѣщаніе сына говоритъ, что только ты можешь помочь намъ... Мы слышали о твоёмъ героизмѣ, твоёмъ имени и предстали предъ тобой, а теперь, что соблаговолишь, то и дѣлай! Вручаю этого маленькаго внука моего тебѣ, и какъ угодно, такъ и воспитай! (Она положила царевича на колѣна Амирана, сама встала и, уходя, сказала:) Все же прочее тебѣ расскажутъ Дорать-Диламъ и вельможи“.

Отъ Дорать-Дилама Амиранъ узналъ, что Мзечабукъ отмщенъ за кровь Гамара Газнели и что мстителями были: Махатъ Газнели, братъ Гамара, Пирусень Биврели, Сабуръ Мисрели, Али Надиридзе, Абиръ Араби и Шави-Чабуки.

Амиранъ Дареджанисдзе поклялся царицѣ, что кровь ея сына не оставитъ безъ отмщенія, а внука ея воспитаетъ какъ сына своего властелина. Царица поблагодарила его, благословила и, одаривъ богато, вернулась въ Хазаретію.

По прибытіи въ Хазаретію, Дорать-Диламъ взялъ 20,000-тысячный отрядъ войска, вернулся къ Амирану, и они оба отправились противъ убійцъ Мзечабука, которые, по наве-

деннымъ справкамъ, находились въ городѣ Газани *). Къ Амирану и Дорать-Диламу присоединился также и Сенедале Дариспанидзе, и у нихъ набралось войска 80,000 человекъ. Сильно укрѣпленный городъ Газань былъ взятъ героями, всѣ жители его перерѣзаны, а городъ сожженъ и опустошенъ.

Герои сообщили царицѣ хазарской, что мщеніе за кровь Мзечабуа выполнено блистательно, что затѣмъ подтвердилъ и Дорать-Диламъ, вернувшійся въ Хазаретію съ газанскаго похода.

V. О Дидозѣтн.

Походъ Амирана Дареджанидзе въ Дидозѣтн.

Вторженіе Амирана Дареджанидзе въ Кавказскія горы вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что друзья его Бадри Іаманидзе, Индочабувъ и Носаръ Нисрели были уведены въ плѣнъ дѣвами Бакбакомъ (ბაგბაყ ყაჯარ) и Хазараномъ. Передъ плѣненіемъ Носара Нисрели, на городъ его напало безчисленное множество татаръ, но онъ ихъ всѣхъ перебилъ и отправился на помощь къ Бадру Іаманидзе. По дорогѣ въ руки его попался человекъ, который говорилъ на персидскомъ языкѣ и еще на какомъ-то другомъ, втораго, однако, не понимали ни Носаръ Нисрели ни его друзья. Говорящій на этихъ двухъ языкахъ человекъ умолялъ Носара Нисрели и

*) Повидимому, новѣсть упоминаетъ о г. Казани, основанной на нѣкоторомъ разстояніи отъ теперешняго города (въ 40 верстахъ) въ среднѣ 13 столѣтія; послѣ взятія Батмемъ Булгара, двумя сыновьями Абдуллы-хана Булгарскаго, Алтукъ-бекомъ и Алимъ-бекомъ, туда перенесена была столица. Съ основаніемъ Казанскаго ханства Улу-Махметомъ, въ 1437 г., Казань, уже на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, сдѣлалась столицей новаго царства, хотя Воскресенская лѣтопись (и Никоновская) упоминаетъ о ханахъ Казанскихъ ранѣе Улу-Махмета. (Труды Оренб. Уч. Арх. Ком. IV, 1898 г., стр. 57).

его товарищей пощадить его, и говорилъ такъ: „Не убивайте меня: всякая религія исповѣдываетъ Бога. Зову самого Бога въ свидѣтели, что я великую службу сослужу вамъ“. Этотъ двуязычный человекъ послужилъ причиною того, что Носаръ Нисрели и его друзья попали въ плѣнъ врагамъ. На помощь плѣннымъ отправился Амиранъ Дареджанидзе.

„Мы“, рассказываетъ одинъ изъ соучастниковъ похода Амирана Дареджанидзе: „встрѣтили большія скалы и пещеры. Изъ скалъ вышелъ Дидо и сказалъ: „Принять твоему прибытію, Амиранъ!“ А Амиранъ ему: „Скажи, братъ, кто ты?“ Дидо отвѣтилъ: „Я былъ царемъ дидойцевъ, но дѣвы изгнали меня, войско мое перебили, и я остался одинъ“. Ему возразили: „Когда ты оказался такимъ жалкимъ, что осрамилъ царство, лучше было бы, если-бы и ты погибъ!“ Дидо доложилъ Амирану: „Отнынѣ, куда ни пойдешь, сумѣю сослужить тебѣ службу. Если ты хорошій витязь, дай слово, что по службѣ моей вернешь мнѣ мое отечество“. Амиранъ дозволилъ сказать: „Клянусь именемъ Всевышняго Бога, дамъ тебѣ“. За царемъ дидойцевъ нослѣдовали и мы. Мѣстность была скалистая, ущелье глубокое. На скалѣ подымалась еще другая скала, въ которой было множество драконовъ и людей. Амиранъ всѣхъ ихъ перебилъ. Отсюда мы шли еще три дня и встрѣтили плачущую женщину. На вопросъ: „О чемъ ты плачешь?“ она отвѣтила: „Вы нашей вѣры: припомнила я, какъ дѣвы похитили Бадра и меня взяли въ плѣнъ; съ того времени я нахожусь здѣсь, съ этими дьяволами. А теперь прикажите, и я подамъ вамъ обѣдъ“. Мы согласились. Она повела насъ къ пещерѣ, въ которую завела Амирана, а входъ въ пещеру заложила громаднымъ камнемъ. Мы остались снаружи. Женщина эта, оказывается, тоже была дѣва. Въ пещерѣ (скалѣ) былъ одноглазый человекъ, который имѣлъ также одноглазого сына. Послѣдній сказалъ отцу своему: „Отецъ, я знаю, что ты убьешь Амирана; позволю мнѣ, и

убью его“. Амиранъ схватилъ за ногу этого маленькаго дэви и со всего размаху швырнулъ его въ лицо отца-дэви и убилъ. Потомъ бросился на Амирана отецъ-дэвъ, но Амиранъ преодолѣлъ его, извлекъ ножъ и вонзилъ ему прямо въ глазъ. Дэвъ крикнулъ: „Не убивай, твое молодичество (чаш исто). Амиранъ тутъ же уложилъ и злоумышленную женщину-дэви и, отворивъ двери, впустилъ насъ въ пещеру (скалу)“.

Далѣе передается, что Амиранъ и его друзья вмѣстѣ съ царемъ дидойцевъ перебили множество враговъ, убили Казарана, освободили заключенныхъ въ крѣпости плѣнниковъ Бадра Іаманидзе и Носара Нисрели и, очистивъ всю страну отъ непріятеля, утвердили въ ней царя дидойцевъ, а сами вернулись обратно съ большой добычей. По дорогѣ на Амирана и его друзей напали арабы, но они ихъ побѣдили и обратили въ бѣгство.

*Погодь изъ Дидоэтію Іоанна, полководца царицы Тамары *)*.

Начали волноваться горцы пхоемы и дидойцы. Послѣдніе ѣдятъ мясо удушенныхъ животныхъ и обыкновенно не варятъ его. Нѣсколько братьевъ имѣютъ одну общую жену; многіе кланяются невидимому дьяволу, а другіе черной, не имѣющей пятна, собакѣ. Пхоемы же служатъ кресту и считаютъ себя христианами. Вотъ эти-то горцы стали грабить, убивать и брать людей въ плѣнъ, днемъ и ночью. Тамара, вызвавъ мтіуловъ, двальцевъ, цѣразмійцевъ, мохевцевъ, хадцевъ, ухаватовъ, чарталовъ и эрцотіанетцевъ, отдала ихъ въ распоряженіе Іоанна Мкаргрдзени и отправила противъ бунтующихъ горцевъ. Іоаннъ чрезъ Хадскую гору поднялся на горную вершину и очутился надъ странюю пхоельцевъ и дидойцевъ. Князья дурзукскіе явились къ нему съ дарами и

*) Кирвел. Ухов., т. I, стр. 383 и его до-вахтанговскій вариантъ № 131 библиотеки Др.-ща).

войсками, и всѣ вмѣстѣ стали громить возставшихъ въ продолженіе іюня, іюля и августа. Горцы усмирились, дали заложниковъ и обѣщали платить дань и быть вѣрными. Іоаннъ вернулся съ заложниками.

Отъ автора.

„Диларіани“ и „Амиранъ-Дареджаніани“, изъ которыхъ мы извели сказанія о Джимшерѣ I-омъ, Джимшерѣ II-омъ, Хосроѣ и Мзечабукѣ, относятся къ цылу героическихъ произведеній XII вѣка. Они извѣстны также лѣтописамъ Грузіи и поэту Шота Руставели.

Послѣдній пишетъ:

ამირან დარეჯანის ძე
მოსეს უქია ხონელსა;
აბდულ მესია—შავთელსა,

ლექსი მას უქეს რომელსა;

დილარგეთ—სარგის თმოგველსა,

მას ენა დაუშრომელსა;

ტარიელ—მისსა რუსთველსა,

მისთვის ცრემლი შეუშრობელსა;

Амирана Дареджанисдзе

воспѣлъ Мосе Хонели;

Абдуль-Месію (воспѣлъ) Шав-
тели,

(тотъ), котораго стихъ восхва-
лили ¹⁾);

Диларгета (воспѣлъ) Саргисъ
Тмогвели,

Тотъ, (котораго) языкъ не уста-
валъ;

Таріэла своего (воспѣлъ) Рус-
тавели,

для котораго (у него) слеза не
оскудѣвала.

Прежде всего напрашивается вопросъ о томъ, можно

¹⁾ Иоаннъ Шавтели оставилъ намъ „Похвальное слово царицѣ Тьнарѣ“ сочиненія же его „Абдуль-Месіа“ нѣтъ или, лучше сказать, не сохранилось на грузинскихъ языкахъ. Говорятъ, будто Абдуль-Месіей назывался самъ Иоаннъ Шавтели, но такому мнѣнію противорѣчатъ теченіе мысли Руставели, который хочетъ отиѣтить, кто именно кого восхвалялъ!

ли помѣщенные здѣсь повѣсти считать оригинальными, или онѣ составляютъ не болѣе какъ переводъ, или подражаніе литературнымъ произведеніямъ персидскаго эпоса?

Изъ классическихъ произведеній XI—XII вѣка переводными считаются „Ростоміани“, „Висраміани“, „Килила да Дамана“, оригиналы которыхъ имѣются на персидскомъ языкѣ, а „Барсова-кожа“, „Амиранъ-Дареджаніани“ и „Диларіани“ признаются самостоятельными твореніями Шота Руставели, Моисея Хонели и Саргиса Тмогвели: подобныхъ образцовъ персидская литература не знаетъ, и языкъ ихъ, особенно же „Барсовой кожи“ и „Амиранъ-Дареджаніани“, доведенный до высокаго совершенства, не обнаруживаетъ никакого вліянія иностраннаго языка, какъ это съ перваго же разу бросается въ глаза въ указанныхъ выше переводныхъ сочиненіяхъ.

Но, несмотря на это, Н. Я. Марръ находитъ, что и эти произведенія персидскаго происхожденія, и такое свое убѣжденіе онъ высказываетъ въ сочиненіи: „Изъ книги царевича Баграта о грузинскихъ переводахъ духовныхъ сочиненій и героической повѣсти „Дареджаніани“, основываясь на двухъ мѣстахъ ¹⁾“:

а) У царевича Баграта сказано: „Книга та, которую сарацины называютъ qīṣāi ḥamza, есть житіе исмаильтянъ и кое-какая часть ²⁾ той книги переложена ³⁾ и на нашъ грузинскій языкъ мірскими людьми; ее называютъ „Дареджаніани“.

б) Іаковъ Шемокмедели говоритъ, что онъ изъ книги исмаильтянъ „qīṣāi ḥamza“, въ которой *писана жизнь ихъ*, пе-

¹⁾ Стр. 244 и 245.

²⁾ Був. малюсонькую только часть, малую часть.

³⁾ *თარგმანებული*, букв. переложена, перетолкована.

ревелъ ¹⁾ *нос-что* ²⁾, и ее читають, (кавъ) свѣтскую книгу и называютъ „Дареджаніани“.

Н. Я. Марру достаточно этихъ неопредѣленныхъ данныхъ, чтобы прямо заключить, что *это-то* „Дареджаніани“ и есть „Амиранъ-Дареджаніани“ ³⁾ Мосе Хонели!

Но мы недоумѣваемъ, что могъ взять Іаковъ Шемокмедели (авторъ сочиненія „*Преніе неспрнано Мухаммеда и христіанъ*“, изложеннаго по повелѣнію царя Георгія XI“ (1676—1688), изъ „Амиранъ-Дареджаніани“ для доказательства *правильности* догматовъ христіанской религіи и *ложности* ученія Магомета!

У грузинъ была своя эпоха славы и могущества. Это X—XII в.в. Несмѣтныя полчища грозныхъ сельджуковъ смяли царство персидское, разрушили армянское государство и, завоевавъ имперію халифовъ багдадскихъ, придвинулись къ восточнымъ вратамъ Византіи. Султаны этихъ же сельджуковъ, считающіе себя „владѣтелями всего поднебесья“, терпятъ постыдныя пораженія въ битвѣ съ Давидомъ Возобновителемъ, Георгіемъ III-имъ, Тamarою! И потому намъ кажется, что эта слава, эти подвиги должны были создать и имѣть своихъ пѣвцовъ. Но говоря такъ, мы и не думаемъ утверждать, чтобы эти пѣвцы были бы чужды знанія персидской и арабской литературъ и ихъ легендъ и ничего не заимствовали изъ нихъ. Мы имѣемъ въ рукахъ астрономію, переведенную съ арабскаго языка съ сохраненіемъ арабскихъ названій зодіаковъ и переписанную въ 1210 году ⁴⁾. Въ поэму Руставели арабскія названія звѣздъ могли попасть

¹⁾ *გარდამოვიღეთ*, перевели.

²⁾ Букв. илюе что.

³⁾ См. стр. 246 труда Марра.

⁴⁾ № 65 Тифл. церк. древлехраннща.

только изъ такой книги. Тогда же существовалъ переводъ знаменитаго индійскаго сочиненія „Килла да Дамана“ ¹⁾, изъ котораго двѣ басни приведены даже въ исторіи Вахтанга Горгасала ²⁾ (+532 г.). Персидское сочиненіе „Висраміани“, т. е. повѣсть о Висѣ и Раминѣ, переведенное на персидскій языкъ съ пеглевійскаго языка въ XI вѣкѣ, появляется на грузинскомъ языкѣ въ XII-омъ же вѣкѣ ³⁾. Величественная эпопея („Шахнаме“) Абуль-Касима-Мансура, прозваннаго „райскимъ повтомъ“ (= „Фирдауси“) и жившаго около 1,000 г. нашей эры, уже имѣлась въ рукахъ Руставели и его современниковъ—Чахрухадзе, Шавтели и др. Герои „Шахнаме“ извѣстны и „Картлисъ Цховреба“.

По этимъ лѣтописямъ ⁴⁾ мнѣшескіе цари иранцевъ, воспѣтые Фирдауси, ведутъ отчаянную борьбу съ туранцами и съ кавказскими народами—хазарами и грузинами, которыхъ побѣждаютъ и дѣлаютъ своими данниками. При одномъ изъ этихъ царей, Госташабѣ (Вашташабѣ), въ Азербейджанѣ (около Каспійскаго моря) воздвигается храмъ огня; другой царь, Афридонъ, эриставомъ Грузіи ставитъ Ардама, который научаетъ грузинъ строить „на камиѣ и извести“; онъ же строитъ укрѣпленія вокругъ города Мцхетъ. Третьему сыну Афридона Іареду (Іареджъ „Ростоміани“) въ удѣлъ отводится Грузія.

О Зороастрѣ разсказывается, что онъ близъ Каспійскаго

¹⁾ О „Килла-и-Дамна“ см. у Шерра въ I т. его „Исторіи всеобщ. литературы“.

²⁾ См. нашу статью „Вахтангъ Горгасалъ“ (журн. „Моамбе“ 1849. № 3).

³⁾ Полный переводъ „Висраміани“ напечатанъ въ 1886 г. подъ редакціей Н. Г. Чавчавадзе.

⁴⁾ Картлисъ-Цховреба, стр. 23—26.

мора посадилъ священный кипарисъ, и на корѣ его вырѣзалъ надпись о принятіи его ученія Густаспомъ.

Огнедышачія горы Баку, конечно, не могли не обратиться на себя вниманіе обоготворителей огня!

Въ „Ростоміани“ (= „Шахнамѣ“) сказано ¹⁾, что Зардаштъ (Зороастръ), объявивъ себя пророкомъ, Госташабу принесъ огонь изъ рая. Госташабъ увѣровалъ въ него и, посадивъ священное дерево, тополь, предъ нимъ воздвигъ храмъ огня, длина и высота котораго были по сорока „веревовъ“. Вокругъ его насадилъ розы, самый храмъ разукрасилъ златотканными изваяніями и лазуревыми камнями, въ немъ же вырѣзалъ изображенія царей Фридона и Джимшеда. Затѣмъ онъ издалъ повелѣніе по всему обширному царству и призывалъ всѣхъ оставить „старую вѣру“ и поклониться этому священному дереву и храму огня.

Грузинскій переводъ „Шахнамѣ“ названъ „Ростоміани“ потому именно, что главный герой его Рустемъ (груз. Ростомъ) храбро защищаетъ шаховъ и выказываетъ неимоверную отвагу въ колоссальной борьбѣ народовъ благодатнаго юга—солнечнаго Ирана съ мрачнымъ сѣверомъ.

Вотъ съ этимъ Ростомомъ и съ другими иранско-индійскими героями знакомы почти всѣ грузинскіе поэты XII вѣка и, какъ мы уже сказали, и „Картлисъ-Цховреба“.

Повторяю, грузинскіе романисты и поэты XII вѣка не могли не находиться подъ вліяніемъ восточныхъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторыя произведенія, какъ мы уже сказали выше, переводили цѣликомъ. Мы даже думаемъ, что Руставели нѣкоторыя детали для своего произведенія бралъ изъ величественной эпопеи „Ростоміани“. Такъ, Ростомъ и Таріэль оба одѣты въ тигровыя шкуры, оба одинаково сильны, оба побѣждаютъ злыхъ духовъ—„дэвовъ“ и „каджовъ“; са-

¹⁾ Рукоп. общ. грам. № 428, стр. 816.

мый способ стихосложенія въ обонхъ произведеніяхъ—въ „Ростоміани“ и „Вепхисъ-тгаосани“—тоже одинаковъ, а именно 16-ти сложный; каждая строфа, состоя изъ 4 строкъ, часто заканчивается какимъ-либо мудрымъ изреченіемъ, и пр.

Но, несмотря на эту близость мотивовъ грузинскихъ съ иранскими и родство грузинскихъ героическихъ произведеній XII вѣка съ таковыми же произведеніями иранскими и, вообще, съ восточными, мы *пока* не рѣшились бы утверждать о прямомъ заимствованіи первыхъ изъ послѣднихъ. Вопросъ этотъ окончательно можетъ быть выясненъ *только* послѣ собранія и изданія всѣхъ памятниковъ героической литературы, которую, кромѣ многочисленныхъ народныхъ сказаній, составляютъ: „Ростоміани“, „Бежаніани“ (Бежанъ герой того же „Ростоміани“), „Оманіани“ (Оманъ тоже герой „Ростоміани“), „Амиріани“, „Русуданіани“, „Диларіани“, „Амиранъ-Дареджаніани“ и Вепхисъ-тгаосани“. Пока же нѣкоторыя данныя на счетъ ирано-туранскаго вліянія мы привели въ нашей статьѣ „Ирано-туранская волна 1)“.

Преподаватель Тифлискаго
реального училища *М. Джанашвили*.

1) „Вѣстникъ“ (1899 г., № 97, 98, 99 и др.).

Поправки къ чтенію нѣкоторыхъ „Джаваетскихъ“ надписей.

(„Сборникъ“, вып. XXV).

Въ прекрасномъ трудѣ И. П. Ростомова — „Ахалкалакскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи“ (съ ключомъ къ чтенію надписей древней Джавахетин и картой), нѣкоторыя надписи прочитаны неудачно и неполно. И потому чтеніе таковыхъ надписей привожу тутъ же согласно начертанію ихъ въ томъ же трудѣ Ростомова

Стр. 30: ომ თფაძის შ. შხ

„Господи, Тедойсдзе М... помилуй.

Стр. 38: წე თფრის ქობქოფის სრი (?) ღთისაითა ავლა
(=ავლა) ესე ავლესია

„Предъ Панаваромъ въ Конколѣ именовъ Бога выстроена сія церковь“ *).

Стр. 39: ქე აფ გ სფრხ

„Христе, прослави Георгія (?), Софрона.

Тамъ же: ქ ესე (?): სღთი მკლარს შხ ღთხ და ვხვ შფბი თს მსჯა შხ ახ

„X Этотъ Сулай (?) скорбитъ, да помилуетъ его Богъ, и кто проститъ (букв. „скажетъ прощеніе“) и тому да простятся (грѣхи). Аминь“ **).

*) Напрощивается в другое чтеніе: „предъ Панаваромъ Конколисде именовъ Бога выстроилъ сію церковь“.

**) Кажется, правильнѣе читать такъ: „этого Сулая скорбящаго да помилуетъ Богъ“ и т. д.

Стр. 42: во 2-й Бурнашетской надписи слѣдуетъ читать вмѣсто *დავწერე* „*დაგიწერე*“, въ „*ჩემგან ფვითთ ნასუი-ლი*“ — *ჩემგან სუიფუელი*. Въ ней же въ „*თქრთანს*“, кажется, слѣдуетъ читать „*ოქროანს*“ (Окроансь).

Стр. 49, надпись 4: *შადვას მონა მანგზაფას* и пр. „*Рабу Шалвѣ Мангзафѣ предстательствуй, Богъ всяческихъ*“.

Стр. 51. Слово *ქებს* (последняя строка) слѣдуетъ читать *Кебаис*, какъ у Ростомова.

Стр. 52: надпись оканчивается словомъ *სპარსეთისაჲ*. (рукою своею навелъ страхъ на все... (войско) персовъ).

Стр. 72: *ქე შექნეს მშჳ ან*

„Христось да поможетъ мнѣ. Аминь“.

Стр. 75: въ надписи, кажется, слѣдуетъ читать *თვალშეხიერი* (Христе, помилуй Твалшвениера).

Стр. 84: надпись читается такъ:

„Съ помощью Бога епископъ Иоаннъ положилъ фундаментъ сей церкви рукою моею, грѣшнаго дворецкаго (*საკარბისთა*), при царѣ Леонѣ (да прославить его Богъ), въ коронномъ 184, въ мѣсяцѣ маѣ, въ день субботній, въ 1 (день) луны, въ эриставство Звиа, (который) положилъ оію бытовую плиту. Христе, пособи рабу твоemu. Аминь“.

Стр. 87: *ქე შე სლი მს ზსი ან*

„Христе, помилуй душу архіепископа (?) Зосимы. Аминь“.

Тамъ же, 9 надпись: „... помини *მოდოზნის* монахини (чтеніе Броссе вѣрное).

Стр. 105: *ქე შე ჩა ბჳქს სჳ*

„Христе, помилуй Ч—я (?), раба Бешкена“. (Чтеніе Е. Такайшвили вѣрное).

Стр. 111: надпись 7: „Христе, помилуй Хелая“.

Стр. 121: „... (постройку церкви) окончилъ (кто изъ васъ увидитъ (церковь), пусть помянетъ насъ) 37,000 сере-

бряниками, отданными въ долгъ (зобѣтубоо) католикосомъ и царемъ“.

Стр. 124:, ... Варданъ, сынъ... лія, приказалъ покрыть . . тридцатью монни и 17,000 серебряниками католикоса“.

Страницу 20-ую авторъ заканчиваетъ словами: „Вотъ все, что сказано о Джавахетіи въ лѣтописяхъ Грузіи, именуемыхъ Картлисъ-цховреба“. Однако въ повѣствованіи Ростомова о Джавахетіи (стр. 1—20) не исчерпано все, что мы находимъ объ означенной странѣ въ тѣхъ же лѣтописяхъ, а также и въ др. хроникахъ и документахъ. Такъ, у насъ въ рукахъ имѣются интересныя гуджары, данныя Мцхетскому патріаршему престолу кумурдскими епископами Зосимой, Герасимомъ и Іоанномъ Ласуридзе (см. грамоты церковнаго музея грузинскаго экзархата №№ 31, 552 и 555). Эти грамоты, приготовленныя уже нами къ печати, заключаая въ себѣ немало интересныхъ свѣдѣній о Грузіи вообще, также дополняютъ и разъясняютъ нѣкоторыя изъ надписей, имѣющихся въ трудѣ Ростомова.

Этими поправками значеніе труда Ростомова, конечно, не умаляется, и онъ, надѣмся, продолжитъ свою полезнаю работу и дастъ намъ описанія и другихъ провинцій древней Грузіи.

М. Джанашвили.

